

НИКОЛАЙ ПОБЕРЕЖНИК

ПОТЕРЯННЫЙ БЕРЕГ

РУХНУВШИЕ НАДЕЖДЫ

АРХИПЕЛАГ

ВРЕМЯ ВЫБОРА

Потерянный берег

Николай Побережник

**Потерянный берег. Рухнувшие
надежды. Архипелаг.
Бремя выбора (сборник)**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Побережник Н.

Потерянный берег. Рухнувшие надежды. Архипелаг. Бремя выбора (сборник) / Н. Побережник — «АСТ», 2018 — (Потерянный берег)

ISBN 978-5-17-106206-4

Бывает, что устав от рутинной жизни, человек, понимая намеки судьбы, решает что-то изменить. Бросает все и переезжает в старый домик где-то в глухой тайге... Но катастрофа планетарного масштаба ломает все его надежды. Чудом уцелев, он будет продолжать жить, будет строить свой новый мир на осколках старого, будет спасать и защищать доверившихся ему людей — будет выживать после того, как катастрофа разделила жизнь человечества на «до» и «после» Волны. Затем придет понимание — не так страшен конец света, как то, что будет потом. Материки изменили свой облик, и выжившие наносят на карты новые берега. На основе уцелевших поселков создаются анклавные переживших планетарную катастрофу. Через труд и кровавый пот, радость успеха и горе потерь — через многое предстоит пройти, чтобы занять свое место в Новом мире, и от этого зависит будущее детей, рожденных после. Одни строят новую жизнь, другие, потеряв все, плывут по течению событий, третьи, сделав выводы из случившегося, стараются сохранить то малое, что осталось, и научиться созидать... а кто-то так и остался паразитом в человеческом обществе. На берегах Нового Восточного Архипелага выжившим не избежать новых испытаний, подвигов, обретений и потерь, а также тяжелого бремени выбора пути и ответственности за близких.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-106206-4

© Побережник Н., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Рухнувшие надежды	7
Часть 1	7
Часть 2	75
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Николай Побережник
Потерянный берег: Рухнувшие
надежды. Архипелаг. Бремя выбора

© Николай Побережник, 2018

© ООО «Издательство АСТ»

Рухнувшие надежды

Насколько меньше роптали бы мы на судьбу и насколько больше были бы признательны провидению, если бы, размышляя о своем положении, брали для сравнения худшее, а не лучшее, как мы это делаем, когда желаем оправдать свои жалобы.

Даниель Дэфо

Часть 1

Мерзко запиликал будильник на мобильном телефоне, я открыл глаза. На улице еще темно, но в открытую форточку уже доносятся звуки просыпающегося города. Встал, потянулся к выключателю... мммааа! Коробки, мешки и опять коробки. Запнулся о них в темноте, тихо ругнулся матом и побрел в ванную, где в зеркале увидел «его». Да уж, недельное отмечание разрыва отношений с социумом было, так сказать, «на лицо». Но сегодня я решил начать новый этап в своей жизни, точнее покончить с тем образом жизни, в котором не нашел удовлетворения и который стал для меня бессмысленным:

... работа, точнее маленький бизнес, который занял 95 % жизненного пространства, стремительно летящие дни от понедельника до понедельника.

... мне сорок лет, нет жены, нет детей, родители, живущие далеко на Урале, и которых я не видел уже, наверное, лет восемь, а крайняя наша встреча произошла лишь потому, что я был на сутки, проездом, у них в городе – ездил в столицу встречаться с поставщиками.

... отсутствие друзей... нет, не так, отсутствие ДРУЗЕЙ. Конечно, у меня есть приятели, компаньоны, партнеры по бизнесу, среди которых есть неплохие мужики и даже парочка весьма неплохих дам, эдаких «бизнес-вумен», но все равно с обычными бабскими слабостями. Есть и банальные собутыльники – соседи по гаражному кооперативу, опять напоили вчера, черти.

* * *

Примерно полмесяца назад, возвращаясь домой, то есть во Владивосток, из Хабаровска на своей машине с очередной деловой встречи, я ехал и думал обо всем об этом, ну в смысле о неудовлетворенности жизнью. Мой паркетный «Прадик» уверенно катил по М60, и я уже подъезжал к Уссурийску, когда мне позвонил Миша – компаньон по бизнесу, наверное, заинтересоваться, как прошла встреча. Но об этом я так и не узнал. Все произошло очень быстро. Машина влетела в выбоину в асфальте, конкретную такую, на полколеса, наверное. Громкий хлопок, где-то спереди и справа, баранка руля крутанулась на 180 градусов, машина ударилась в отбойник трассы, и, перелетев его, пропахала на крыше метров десять. Все закувыркалось, по салону полетели шмотки, бумаги, звякнуло стекло... темнота...

Я пришел в себя лежа на траве, от резкого запаха нашатыря. Открыл глаза. На обочине у сбитого леера, мигая «люстрами», стояли две машины ГАИ и «скорая». Справа от меня метрах в пяти на крыше лежал мой «Прадик».

– Как вы себя чувствуете? Где испытываете болевые ощущения? – спросила конопатая девушка – фельдшер «скорой», убирая тампон с нашатырем.

– Да в целом вроде нормально, – ответил я и почувствовал во рту вкус крови. Затем пошевелил поочередно всеми конечностями и понял, что прикушенный язык во время кувыркания это самая пострадавшая часть моей тушки.

– У вас, возможно, шок, необходимо проехать в травму, там вас хирург осмотрит.
– Да, скорее всего, нормально все с ним, был пристегнут, подушка сработала. Вы алкоголь не употребляли? – поинтересовался подошедший инспектор.

– Не, лейтенант, я только по пятницам употребляю.

– Так сегодня и есть пятница, – гыгыкнул лейтенант.

– Так еще рабочий день не кончился, – ответил я, поднимаясь на ноги.

– А, ну пройдемте, Сергей Николаевич, расскажете, что как, и схему ДТП подпишете. Ну и заодно в алкотестер подуете. Да, и вам звонил какой-то Михаил, ну мы ему сказали про ДТП, он уже едет сюда.

Я подсел в машину к инспекторам, где, тыкая карандашом в схему, мне поведали, что случилось. А случилось все до безобразия просто – правое колесо попало в яму и от удара «разулось», после чего меня кинуло на леера, и машина, кувыркнувшись, слетела в кювет.

– Так вы яму не заметили, что ли? – поинтересовался инспектор.

– Да заметил, только куда уходить было, слева машина параллельно шла, справа леера, – ответил я, конечно же, умолчав о том, что я попросту отвлекся на телефон, когда позвонил Михаил.

– Ну, понятно, в общем «разулся», и машина потеряла управление, – попыток инспектор.

– Получается так, – согласился я.

– Вот, дуйте, – инспектор протянул мне алкотестер.

Я подул в чудо-аппарат и передал его обратно.

– Чисто, – сказал инспектор и продолжил: – Ну в общем, картина ясна, заедете к нам отдел, заберете копию схемы и протокола, и я бы на вашем месте в суд на местные власти подал, вина дорожников сто процентов. Вы, Сергей Николаевич, не первый здесь вылетаете.

– Понятно, – кивнул я.

– Эвакуатор вам вызвать, за отдельную плату, конечно? – спросил инспектор и протянул мне мои документы.

– Давайте, вызывайте, а куда отвезут?

– Да куда скажете, любой каприз за ваши деньги, – снова с гыгыканьем ответил лейтенант.

– Ясно, вызывайте.

Михаил подъехал минут через тридцать, когда я, уже забрав из машины свои вещи, наблюдал за погрузкой искореженного джипа на эвакуатор, договорился с мужиками «низадорага», чтобы отвезли машину на стоянку у нашего офиса, все же под охраной будет.

– Ты как, старик, сам-то цел? – спросил Мишка.

– Цел, поехали, домой меня закинешь.

Мы уселись в Мишкин «форик» и покатали в сторону Владивостока.

– Знаешь, Миш, а мне кажется, это знак, – сказал я, отрешенно смотря в окно на мелькающую осевую полосу трассы.

– Ты о чем, какой знак?

– Да такой, сто первое и последнее предупреждение мне, что не так я живу, как надо, и не тем занимаюсь.

– Мля, ты опять за свое! Чем не тем? Мы не ворует, не кидаем, «лодку не раскачиваем», занимаемся производством, рабочие места вон двум сотням работяг даем. Светлое будущее, можно сказать, строим. Ты о чем вообще!??

– Устал я, Миша, выдохся.

– Так отдохни, сгоняй в Таиланд, а? Помнишь ту гостиницу? Ух, классно оттянулись. Устал он... Все устают, и что теперь.

– Миш, я не хочу больше работать просто ради работы, за всем «этим» нет МЕНЯ, есть просто работа, работа, работа. А ради чего?

– Чего ради чего? Серый, не, тебе реально просто отдохнуть надо.

– Миш, ты что, меня действительно не понимаешь?

– Не понимаю, старик, херней ты какой-то страдаешь просто... как это, ммм... О!!! Хандришь! Точно, ага.

– Да, Мишка, ты меня не понимаешь, – пробубнил я, откинул максимально сиденье и задремал.

– Серый, приехали, – толкнул меня тихонько в плечо Мишка.

– Ага, спасибо, Миш. На, вот тут договор с хабаровчанами и прочее, разберешься. Завтра не жди меня с утра, планерку сам проводи, к обеду подтянись.

– Ну, давай, отдыхай, и эти свои бредни «про знаки», про «устал» заканчивай, старик.

Я молча вышел из машины, жестом попрощался с Мишкой и направился к подъезду. Пиликнул домофон, и я поднялся на свой второй этаж. Дома сразу, не разуваясь, прошел на кухню и достал из холодильника початую бутылку водки и хватанул прямо с горла несколько солидных глотков, откусил от куска сыра и побрел в зал, где лег на диван и сразу провалился в сон. Спал как в бреду, мелькали какие-то непонятные картинки, по небу плавали гигантские дельфины, потом дворовая футбольная команда и я, шестнадцатилетний, пробиваю штрафной, и вдруг все исчезли, и я остался один посреди двора. А потом приснилась бабушка, такая родная, и, как бы склонившись надо мной, сказала: «Эх, Сереженька, а плавать ты так и не научился», ее лицо начало меняться и как будто растворилось в воде... И я проснулся. Посмотрел на часы – 11:30, можно вставать. Стянул с себя помятый костюм и полез под душ.

Завтракая чаем с бутербродами, я сидел за маленьким журнальным столиком, придвинутым к дивану, и смотрел мелькающие картинки в телевизоре. Звук был выключен, шел новостной блок и, в принципе, было достаточно просто смотреть... одни и те же надоевшие лица политиков, происшествия, катастрофы, землетрясения, биржевые индексы с падающими вниз графиками... одним словом, «стабильность», который месяц одно и то же. Я допил чай, выключил телевизор и начал расхаживать по комнате взад и вперед. Потом обошел всю квартиру несколько раз. Вернулся на диван, набрал номер одного знакомого.

– Сергей Николаевич, очень рад вас слышать, чем могу? – ответили сразу.

– Здравствуйте, Леонид Яковлевич, тоже рад вас слышать, дело у меня к вам.

– Какое, если не секрет, и можно по телефону?

– Да вот квартиру свою хочу продать, да сразу купить «домик в деревне», ну в смысле дачу. Чтоб и участок нормальный, и дом, и самое главное подальше от Владивостока.

После полуминутного молчания Леонид Яковлевич ответил:

– Что-то случилось, и как скоро надо это все сделать?

– Да ничего особенного не случилось, просто решил кое-что поменять в жизни. А сделать все надо уже «вчера».

– Хорошо, Сергей Николаевич, когда вам удобно подъехать ко мне?

– А давайте вы ко мне, сегодня вроде суббота, вот разберетесь с текучкой и приезжайте.

Когда вас ждать?

– Хорошо, спасибо за приглашение, думаю, часиков в восемнадцать я подъеду.

– Отлично, буду ждать.

Ну вот, первый шаг сделан. Теперь нужно в офис, «порадовать» Михаила, что он скоро будет единственным владельцем бизнеса – небольшой фирмы, которая занимается изготовлением и монтажом металлоконструкций. Я оделся попроще, джинсы, ботинки, косуха, взял ключи от гаража, где с весны стоял и «скучал» мой «Эндуро». Я его, конечно, заводил периодически, прогревал, но с весны никуда не ездил, А на дворе сентябрь, теплый приморский сентябрь.

До конторы добрался быстро, минуя пробки дворами, – вот оно преимущество мотоцикла. Проехав на территорию фирмы и увидев на стоянке свое «не подлежащее восстановлению» авто, как-то даже не расстроился, вообще никаких эмоций. Проходя мимо цеха, кивая и здороваясь с рабочими, столкнулся с Василичем – главный сварщик наш, хороший и добросовестный мужик, уже пенсионер. Увидев меня, он сразу кинулся с распросами:

– Сергей Николаевич, Сережа, как же так? Как сам-то, жив-здоров? А то я на работу пришел, а тут машина твоя вся «в хлам», мне аж сердце защемило.

– Да видишь, Василич, нормально все, живой, слава богу, а железо... и хрен с ним, с железом.

Я пошел дальше к кирпичной пристройке цеха, где располагался офис. Поднялся в приемную и поздоровался с нашей секретаршей. Она тоже было хотела запричитать, но я жестом остановил накатывающий на нее шквал эмоций и сказал:

– Ирина, все хорошо, жив и здоров. Пожалуйста, сварите нам с Михаилом Андреевичем кофе и никого не пускайте, совещание у нас.

– В субботу? – подняв тонкие брови, спросила она.

– Да, в субботу, внеплановое.

Открыл дверь, с табличкой «Титов М. А. Директор» и вошел в кабинет к Михаилу.

– Привет, Михаил Андреевич.

– А, Серега, заходи. Как самочувствие?

– Нормально.

– Я тут как раз вот с бумагами разбираюсь, слушай, ну мы же вообще теперь с этим хабаровским договором работой года на три обеспечены, ты как всегда, Серега, молодец. Знаешь, я вот тут что подумал...

– Погоди, погоди, Миша, – остановил я его, – разговор у меня к тебе серьезный, давай кофейку попьем, обсудим кое-что.

– Давай, – с подозрением глядя на меня и присаживаясь в кресло в углу в «зоне отдыха», ответил Михаил.

– В общем, я решил... я выхожу из дела и уезжаю.

– Ты... Как выходишь? Почему??? Да епт...

– Вот так, просто заканчиваю трудовую деятельность и выхожу на «заслуженный отдых».

– Ты охренел?

– Да не психуй ты, все нормально будет, я уже обдумал все. Как говорится, ни одно животное не пострадает.

– Не, ты реально это, – он постучал пальцем по голове, – вчера, наверное, сильно головой стукнулся.

– Может, и так.

– Как ты себе это представляешь? Как Вовчик, что ли?

– А ты считаешь, что я могу поступить так же, как Вовчик?

– Ну хрен его знает, ты же это, мало того что контуженный в армии, так еще и вот головой вчера приложился, – ответил Миша, насупившись, и скрестил руки на груди, вроде как «защита», – ну, излагай.

Да, был у нас несколько лет назад третий компаньон – Володя Косницкий, который чуть не угробил все наше дело, когда вдруг (а может, и не вдруг) решил уехать в Штаты. На нас троих, согласно учредительным документам, было много чего записано, так сказать долевого участия. Так вот, Вовчик был собственником части мастерских, которые когда-то выкупил у военного УНРа. И приняв решение свалить на ПМЖ за границу, он просто продал свою долю в бизнесе какому-то ушломому мужичку то ли из прокурорских, то ли судье какому-то, уже и не помню. Вовчик просто оформил на него нотариальную доверенность, что он является пред-

ставителем, с правом продажи 1/3 доли в нашей фирме, а также мастерских, а взамен от этого мужичка получил куль с баксами, ну и собственно чемодан – аэропорт – США. Неделю мы спасали то, что отсталость от фирмы, и разборки, и стрелки, благо Андрюха помог, мы служили вместе срочно, а он потом поступил в погранучилище по льготе как отслуживший. В общем фээсбэшник он, помог и от беспредела отмазал. Мы с Мишкой каждый взяли кредиты, купили у одного коммерсанта территорию с небольшим складом, где силами наших же работников быстро из сэндвич-панелей собрали цех, мастерские, ну и оборудование с материалами купили. Кое-как, правдами и неправдами выручили.

Открылась дверь в кабинет, и Ирина прошла к «зоне отдыха» с подносом, на котором стояли две чашки с ароматным кофе и блюдо с печеньем.

– Спасибо, Ирина.

– Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо, если будут звонить кто, не соединяйте – «мы на объекте».

– Хорошо.

Михаил проводил глазами секретаршу, и когда дверь закрылась, он кивнул мне опять, мол, «излагай».

– Да все просто, Миша, а продаю тебе свою долю в бизнесе.

– Ни хрена себе! У меня сейчас нет столько свободных денег.

– Миш, не паникуй. Я продам тебе это в рассрочку, скажем, на несколько лет, устрой? Будешь мне просто на карту деньги закидывать. И вот прямо сейчас я не собираюсь выдерживать из оборота кучу денег. Единственное, вот только машину себе присмотрю на Drom-е, да оплатишь ее со счетов конторы. Потом оформишь как выплаченные дивиденды. Ну и через некоторое время мне, возможно, понадобятся услуги нашей фирмы, это тоже отминусуешь от своего долга.

– Не, ну за услуги фирмы я не буду с тебя денег брать, не чужие же, – уже расслабился Михаил и потянулся к чашке.

– Нет, Миша, мужики за спасибо работать не привыкли, да и я не позволю.

– Уф... Серый, что-то не могу пока я переварить это все. Подожди, а как же «инженерка», кто это вместо тебя вести будет?

– А вон Василича на мою должность и поставь, я думаю, техническим директором он потянет, благо на Дальзаводе успел и нач. цеха и главным инженером поработать.

– Ну, Василич да, вполне потянет... Нет, старик, может, передумаешь, а? Ну как-то прям я не знаю... слишком ты все это быстро.

– Так надо, Миша.

– Да кому надо?! – опять начал «закипать» Мишка. – Ты пахал сколько лет? Мы пахали, ради чего? Чтобы потом вот так раз и все?

– Да что ты заводишься опять! Вот именно! Ради чего? Ты-то понятно ради чего, семья, дети... старшая твоя вон того гляди еще и дедушкой тебя сделает... Жизнь удалась, можно сказать. А мне ради чего? Работа ради работы? Нет, Миша, надоело!

– Да не завожусь я, – уже спокойно ответил Мишка, прошел к шкафу и достал из него коньяк. – Хочешь?

– Нет.

– А будешь?

Мы рассмеялись над этой старой шуткой, обстановка вроде более-менее разрядилась, чему я был очень рад, не хотелось с Мишкой расставаться «по-плохому» и, как говорится, с «кирпичами за пазухой».

Мишка налил себе коньяка, выпил. Занюхал печенькой и продолжил пить кофе.

– Ладно, пойду к себе в кабинет, посмотрю, что продается из внедорожников на «зеленке»¹.

– Давай я тогда главбуха сейчас озадачу, чтобы «сальдо с бульдо» свела и чтобы знать, сколько я тебе «торчу».

– Хорошо, тогда в понедельник к нотариусу.

– Договорились, я Ирине скажу, чтобы записала нас и документы подготовила. Коньяка точно не хочешь?

– Нет, Миша, спасибо, дела еще есть.

У себя в кабинете, который находился напротив Мишкиного, я уселся за ноутбук и полез бороздить просторы Интернета в поисках нового «коня». Долго искать не пришлось, как-то сразу наткнулся на «заточенный» под внедорожный экстрим аукционный «Террано» 91-го года. И тут же созвонился с продавцом:

– Здравствуйте, я по поводу покупки «Террано».

– Добрый день. Хотите посмотреть?

– Да, давайте встретимся.

Договорились, и я поехал смотреть машину. Адрес нашел не сразу, заплутал в районе новых коттеджей в пригороде, созвонившись с продавцом еще раз, заставил его «работать навигатором». В общем, нашел.

У ворот добротного коттеджа меня встречал крепкого сложения мужик, лет на десять старше меня, как мне показалось. Я заглушил двигатель, слез с мотоцикла и представился:

– Здравствуйте еще раз, я Сергей, звонил вам недавно.

– Привет, проходи, я Толян.

Зашли во двор, на площадке у ворот стоял тот самый «тирка».

– Я те сразу, Серый, скажу, скидывать не буду ни рубля, машину для себя делал, и вложено в нее больше, чем она стоит, так что пол-лимона и она твоя. От сердца, так сказать, отрываю, но обстоятельства вынуждают, дом уже родственникам продал, живу, пока вот машину продаю да катер. О, может, катер кому нужен, а?

– Нет, спасибо, катер не нужен, я плавать не умею.

– Да ладно, – удивился Толян, – не местный, что ли?

– Местный, только вот плавать так и не научился.

– Вот даешь, ну да ладно, идем, про машину расскажу.

Толян, подбоченившись, оперся на кенгурятник и поведал мне длинную историю про этого «монстра».

В общем, машина действительно была аукционная, несколько лет назад привезенная из Японии, примерно год назад машину полностью переделали, заменили раму, подняли на 5 сантиметров кузов, обработали дно и подкрылки «антигравийкой», подвеска «тач-дог», лебедка, «хобот», вернее шнорхель, усиленные бампера, люк, «люстра», мощный багажник, контрактные двигатель и коробка. Двигатель, кстати, один из самых удачных «ниссановских» дизелей – TD27.

Понравилась мне машина, одним словом.

– Тест-драйв? – подмигнув, спросил меня Толян, заметив, что у меня лицо написано «покупаю».

– А давай!

Правда, я давно не ездил с «кочергой», на механической коробке в смысле, но это как на велосипеде, один раз научился – значит, умеешь. После тест-драйва машина мне понравилась еще больше, действительно ВНЕДОРОЖНИК.

– Вот что, Толян, машину однозначно беру, только...

¹ Зеленый Угол – большой авторынок японских авто во Владивостоке.

Толян напрягся и спросил:

– Ты это, не кидалово задумал?

– Не, Толян, у меня просто тоже обстоятельства, я с работы уволился, пол-лимона наличкой прямо сейчас нет, но на следующей неделе я получу «выходное пособие» и заберу машину, ты ее, главное, не продай. Есть еще вариант, можно безналом за машину заплатить, если есть счет, куда переводить.

– А, понятно, ну задаток даешь, и нет проблем. И безналом даже лучше.

– А сколько задатка надо?

– Хм... ну двадцать штук давай, хотя... – Толян посмотрел на меня прищурившись, – вижу, мужик ты вроде не мутный, могу тебе поверить на слово и подождать до понедельника без задатка, только смотри, наеб... обманешь и до 18:00 в понедельник не обозначишься, я ее скину уже во вторник с утра, сосед вон еле наскреб четыреста семьдесят косарей, ходит кругами и уламывает продать.

– Договорились.

– Ну лады тогда, эта... катер, может, все-таки нужен кому? А?

– Ну кому-то, может, и нужен, но не мне точно.

– Ага, помню, ты плавать не умеешь.

– Точно, ну бывай, до понедельника.

– Ага, пока.

Из гаража до дома я дошел как раз к встрече с Леонидом Яковлевичем – директором риэлтерской конторы, и заодно он был родным дядей Мишкиной жены. Я уже подходил к подъезду, когда во двор въехал двухсотый «крузак» Леонида Яковлевича. Я ему помахал, машина припарковалась, он вышел, переговорил с шофером и отпустил машину.

– Добрый вечер, Сережа, что ж за спешка такая у вас?

– Добрый вечер, – ответил я, пожимая ему руку, – пойдете ко мне, расскажу, я тут вон китайской еды накупил, поужинаете со мной?

– Давайте поужинаем.

Мы поднялись в квартиру, я быстро разложил на стол посуду, раскидал еще горячую еду по тарелкам.

– Водочки?

– Ну, вы же видели, Сергей, я отпустил машину. Конечно, наливайте, для лучшей усвояемости, аппетиту и понимания.

– А то, – согласился я и разлил холодный алкоголь по рюмкам.

Опрокинули по паре рюмок, поели китайских вкусностей, попутно рассказывая друг другу о мелочах личной жизни, и, когда я разлил по третьей, Леонид Яковлевич, «кивнув рюмкой» в мою сторону, сказал:

– Ну рассказывайте, Сергей, зачем вам понадобился старый квартирный спекулянт.

– Самокритичны вы, Леонид Яковлевич.

– Я просто среди «своих» предпочитаю называть вещи своими именами.

– Это правильно, – согласился я, опрокинул рюмку и, «заколов» вилкой корнишон, закусив, продолжил: – Надо продать мою квартиру, и как человек, хорошо ориентирующийся в данной нише рынка, вы лучше всего сможете это сделать, естественно, комиссионные подразумеваются. Также я хочу подыскать себе что-то в Шкотовском районе или Партизанском, можно севернее, сам я родом из тех мест, так что лучше там, наверное, что-то. В двух словах – мне нужен дом с участком двадцать-тридцать соток, «удобства» не так важны.

– Хм... что-то вы прям так вот радикально решили все поменять?

– Есть причины.

– Вчерашняя авария?

– Уже знаете?

– Ну, Сережа, мы же почти одна семья, – ответил Леонид Яковлевич, уже сам наполняя рюмки, – я же Мишку-то давно знаю, еще когда он за племянницей в школе ухаживал, да весь газон под нашими окнами вытоптал. Раздолбай он, знаете ли, был еще тот, в девяностые сколько раз его выручать пришлось, а вот как с вами познакомился, так и остепенился и за ум взялся, уважаю вас, Сережа, за это.

– Не преувеличивайте, Леонид Яковлевич, у Мишки просто «шило в жопе», и эту энергию надо куда-то направлять, ну вот у меня и получилось, видать.

– А вот у его родителей не получалось, знаете ли, так что ваших педагогических способностей умалять не стоит.

– Да бог с ним, с Мишкой, все у него хорошо будет. Что скажете насчет квартиры?

– А что, собственно, говорить, в этом районе квартиры ценятся, и за вашу «двушку» дадут хорошую цену. А знаете что, я сам куплю у вас квартиру, буду сдавать, рента – хороший современный бизнес.

– Ну и отлично, у вас же «на зарплате» есть человек в центре регистрации?

– Да, можно все сделать быстро, как вы там говорили... «вчера». Сколько вы хотите за квартиру, Сергей?

– Я полагаюсь на вас, Леонид Яковлевич, я просто не в курсе цен и прочее.

– Хорошо, я дам вам сумму, соответствующую стоимости этой квартиры.

– Ну тогда по рукам?

– Договорились, за это и выпьем... и вот еще что, Сережа, возможно, у меня есть вариант дома для вас.

– Какой же? – заинтересовался я сразу.

– Один мой хороший знакомый перевез своего отца из деревни к себе, совсем уже не мог старик там справляться в одиночку, а дом с участком вроде просто бросили, пустует, и продать не могут.

– Почему?

– В глуши потому что, ммм... вроде деревня Сахарная называется, там в советские еще годы была небольшая воинская часть, ПВОшники вроде. По большому счету даже не деревня, а так, не больше полутора десятка домов да развалины той самой воинской части. До ближайшего райцентра по тайге и бездорожью около ста километров будет, может и больше.

– А знаете, Леонид Яковлевич, мне этот вариант нравится, поинтересуйтесь, пожалуйста, у вашего знакомого, где точно это находится, ну и собственно цену спросите.

– Хорошо, ко вторнику все выясню.

Мы еще поболтали с Леонидом Яковлевичем около часа «за жизнь», допили бутылку. Договорились встретиться у меня же во вторник и в это же время для расчета. Я отдал ему документы на квартиру для оформления, и он, вызвав шофера, попрощался со мной и спустился во двор.

Вернувшись на кухню, я посмотрел на стол и подумал, что убирать со стола и мыть посуду грустная перспектива, достал из ящика большой мусорный пакет и все сгреб в него. Не знаю, но мне это понравилось, и я в отличном настроении пошел спать.

Утром в воскресенье я проснулся снова почти к обеду, лежа в кровати и смотря в потолок, думал о том, что я почти уже освободился от старой жизни, о том, что ждет меня впереди. Я уже примерно представлял себя эдаким дауншифтером в ватных штанах и телогрейке, прохаживающимся по курятнику... улыбнулся сам себе, почему-то эта картинка из будущего мне нравилась. Не спеша принял душ, позавтракал... точнее пообедал. Позвонил Мишке, договорился по поводу «выходного пособия» в виде полутора миллионов, из которых один миллион наличкой я получу в конторе в понедельник, а полмиллиона уйдет на депозитную карту. Потом

перезвонил Толяну и сообщил, что договоренность в силе, на что он радостно сообщил, что сразу после нашей с ним встречи ему позвонили и предложили хорошую цену за катер.

– Брателло, ты прям фартовый в натуре, меня теперь тут кроме «тирки» ничего не держит.

– Ну рад за тебя, давай завтра в обед встретимся и оформим машину.

– Хорошо, я тебе помогу за твою фартовость, есть у меня один «гаец» прикормленный, за полчаса все сделает.

– Ну и отлично, подберешь меня тогда, да поедем оформляться.

– Заметано, жду звонка.

Пошарался по квартире, так вот просто бродил из комнаты в комнату, прикидывая, что мне нужно, а что уже нет. И понял, что самое нужное, что мне может пригодиться «вне цивилизации», находится в кладовке и в гараже. В кладовку в свое время много что перекочевало из магазинов «рыбалка-охота-туризм», однако последние несколько лет я этим всем не пользовался вообще, за исключением пары выездов на шашлыки с Мишкой и его семейством, да несколько раз выбирались на «бабахинг» по бутылкам пострелять. Теперь-то, наверное, будет время и поохотиться. Долго искал ключи от сейфа, пока не обнаружил их на кухне в ящике с вилками и ложками. В сейфе стояли «скупая» ТОЗ-97 и МР153, к нарезняку не более десятка патронов да и к гладкостволу тоже негусто, початая пачка «фетр» дробь тройки, ну так и понятно, забросил это дело. Кстати! Взял с полки РОХа... а срок разрешений-то заканчивается через семь месяцев. Да и хрен с ним, кому это в глуши будет интересно. А вот патронов надо бы прикупить с запасом, да и причиндалов для самокрута. Достал все из сейфа и уложил в чехлы. Затем в большой 120-литровый рюкзак уложил снаряжение и одежду. В общем, выходной я провел в сборах, и как выяснилось, не очень-то много у меня и барахла, в спальне вдоль стены стояли рюкзак, два больших черных пакета для мусора, в которые натолкал спальное белье, одежду и обувь, и два ружейных чехла. На кухне упаковал в две небольшие коробки минимум посуды. Осталось в гараже кое-какой инструмент собрать. За ужином я прикидывал, что мне еще может понадобится, и решил составить список да проскочить завтра по магазинам. Так, с чувством удовлетворенности и в предвкушении перемен решил пораньше лечь спать.

Утро понедельника началось с телефонного звонка, звонил Михаил:

– Привет, старик, за тобой заехать?

– Привет, Миша, – сонным голосом ответил я, – угу, заезжай.

– Минут через двадцать буду, дозвон сделаю.

– Хорошо.

Пошлепал, просыпаясь, в ванную. Когда я уже допивал утренний кофе, Мишка позвонил и сбросил. До офиса успели проскочить без пробок, было еще рано и большинство «анек» (выпускники Владивостокской автошколы «Анек») только просыпались. До одиннадцати утра я передавал дела Василичу и посвящал его в некоторые нюансы текущих договоров. Ближе к обеду засели с Михаилом у него в кабинете и стали готовить документы для нотариуса и налоговой. Когда в кабинет зашла Ирина и сообщила, что нотариус нас ждет в 13:30, у нас уже было все закончено.

– Ну что, Сергей, еще не поздно передумать. А?

– Нет, Миша, решение принято окончательно и бесповоротно.

– Ясно, – вздохнул Михаил и набрал главбуха. – Наталья Ивановна, поднимитесь ко мне со всем необходимым для Сергея Николаевича.

Через несколько минут зашла Наталья с кожаной папкой в руках и положила ее на стол.

– Здесь все?

– Да, все, как вы сказали.

– Спасибо.

Наталья вышла, а Михаил открыл папку, достал из нее две пачки пятитысячных купюр и копию платежки на полмиллиона – перевод на карту.

– Вот, как договорились.

– Хорошо, – я убрал все обратно в папку, – поехали тогда к нотариусу.

Бумажную волокиту закончили через час, и я набрал Толяна, договорились о встрече в одном из отделов ГИБДД, где действительно очень быстро и за умеренные комиссионные «тирка» был оформлен на меня, а Толян получил одну пачку из кожаной папки. После чего я подвез его домой, и мы распрощались. Потом до вечера я мотался по магазинам и приобретал то, чего по моему мнению мне еще не хватало для переезда «на землю».

Во вторник же с утра я засел за поиски этой деревни Сахарная на автомобильной карте «Дороги Приморья»... не нашел. Порылся на полке, вспомнив, что должен где-то быть старый атлас дорог, еще «совковый». Ха! А на нем нашел, именно! Так и есть – «с. Сахарное» и к нему пунктиром проселок. А на новом атласе даже этого проселка нет. Вылез в сеть и посмотрел спутниковые снимки тех мест. Действительно, несколько руинированных строений, и порядка десяти – пятнадцати домов, половину которых «поглотила» тайга. А мне нравится! Сама деревушка находится на северо-западном склоне сопки, на высоте почти пятьсот метров, ниже по склону в трех километрах река, на вершине сопки видны развалины, вероятно остатки той самой вч. Разглядывая все эти красоты, до меня дошло, что электричества там может и не быть как такового. С одной стороны, погрузиться в гармонию природы и есть цель, но ведь наверняка придется заниматься там строительством и прочими энергоемкими процессами. В общем, добавил в список «что еще купить» генератор, канистры, керосиновые лампы, свечи. Одедся и пошел в гараж, за «тиркой».

Вечером же я с нетерпением ждал Леонида Яковлевича, который педантично, как и договаривались, позвонил в домофон ровно в 18:00. Я открыл дверь и впустил долгожданного гостя.

– Ну что, Сережа, у меня две новости, – сказал Леонид Яковлевич, уже сидя в кресле и раскладывая на журнальном столике прозрачные папки с документами, поглядывая на меня поверх очков в тонкой золотой оправе.

– Одна хорошая, а другая плохая? – уже было начал расстраиваться я.

– Отнюдь, обе хорошие.

– Ну так рассказывайте же скорей.

– Что касается вашей квартиры, то она уже моя, – наигранно, по-злодейски захихикал он.

– Кто бы сомневался.

– Так, вот ваши деньги, – он достал из портфеля увесистый полиэтиленовый пакет, пере-тянутый скотчем, и положил на столик.

– Замечательно.

– От вас мне нужны подписи вот тут, вот тут и вот тут, – он разложил на столике несколько экземпляров документов и потом как бы с намеком сказал: – Я отпустил шофера.

– Намек понял, – ответил я и достал из бара два бокала и бутылку японского, контрабандного, естественно, бренди. Разлил по бокалам.

Мы звякнули бокалами, он лишь пригубил и продолжил:

– Теперь что касается «домика в деревне».

– Я весь внимание.

– Во-первых, там нет электричества. ЛЭП была, но несколько лет назад сначала отключили ТП, затем уперли трансформатор, потом провода, а потом и столбы попилили на дрова.

– Ну я это предполагал.

– Не то чтобы совсем нет, там есть дизель-генератор, но так как поселение находится вне зоны ответственности какого-либо муниципального образования, то соответственно никто топливо не закупает.

– А как так получилось?

– Легко, таких деревенок, поселков и городков много по нашей необъятной Родине, раньше они были на балансе министерства обороны, а теперь и непонятно даже, чьи они. Во-вторых, река там есть недалеко и через нее мост.

– Да, я смотрел в «гуглмэп», видел там реку небольшую.

– Так вот, мост этот на ладан дышит. Недалеко есть брод, но проехать можно, только когда низкая вода, весной или в тайфун река сильно поднимается.

– Ясно, люди там вообще живут?

– Живут, по последней информации 20–30 человек. Ну и в-третьих, стоит вам это все удовольствие будет «бешеных денег», а именно сто тысяч рублей.

– Это много или мало?

– Это, конечно, много на самом деле за этот дом и в том месте, но вы же можете себе позволить обеспечить небольшую прибавку к пенсии бывшему владельцу дома? И комиссионные я тоже туда включил, – Леонид Яковлевич взял бокал, откинулся на спинку кресла, отпил бренди и, посмотрев на меня поверх очков, добавил: – Сережа, уверены, что вам это нужно?

– Да. И больше не ищите вариантов, меня все устраивает.

– Однако... на такой «размен», наверное, решится либо авантюрист, либо романтик, что суть одно и то же, как мне кажется. Смело, однако, и весьма радикально. Вы уверены, что сможете прожить без этого всего? – он сделал жест рукой с бокалом, как бы охватывающий квартиру и то, что за окном.

– Знаете, Леонид Яковлевич, – я повторил его жест, – еще чуть-чуть и вот это все меня загонит в депрессняк, и в конце концов добьет.

– Даже так?

– Ага.

– Ну что ж, ваше право, – он потянул из портфеля еще один прозрачный файл с документами, – тогда вот здесь, где галочки, ваш автограф, ну и собственно с вас сто тысяч рублей.

Я расписался везде, где было необходимо, вскрыл принесенный Леонидом Яковлевичем пакет с деньгами, отсчитал необходимую сумму и положил стопку купюр поверх документов. Леонид Яковлевич аккуратно все собрал со стола и убрал в портфель.

– Сергей Николаевич, завтра можете заехать ко мне в офис после обеда и забрать готовые документы.

– Хорошо, я заскочу в районе шестнадцати.

Мы распрощались, и я пошел укладываться спать с блокнотом и карандашом в руке, подумаю на сон грядущий, что мне еще необходимо взять с собой.

В среду проснулся рано, позавтракал и составил план мероприятий на день.

Строительный рынок – купить ручной инструмент, крепеж и прочее.

Автоматизация – масла, фильтра, жидкости про запас, пару ручных лебедок, комплект резины, камеры, пару аккумуляторов, несколько канистр.

Хозяйственно-дачные магазины – семена, лопаты, тяпки и прочее, мотоплуг, бензопилу, триммер и т. д.

Продуктовая оптовка – консервы, крупы, макароны, соль и спички.

Охотничий магазин – патроны, капсюля, порох, всякие УПСки и закрутки, ножей хороших, сапоги, костюмы и т. п.

Магазин бытовой техники – небольшую морозильную камеру, зарядники для мобильных устройств на солнечных батареях, батарейки, несколько USB-модемов разных операторов, пару простеньких приемников.

Аптека – тут наберу, что подскажет провизор, скажу, мол, в экспедицию собираюсь, а то прихватит кишки и буду бегать до ветру каждые пять минут, пока не умру.

Электротовары – провода, много и разного сечения, выключатели, «патроны», розетки, лампочки и прочее.

Мда... надо было Кам АЗ покупать, подумал я, когда пробежался по списку. Ну, Кам АЗ не Кам АЗ, а вот прицеп, чую, надо приобрести. Покупка прицепа – тоже в список.

До вечера метался между магазинами и гаражом, складировав все, пока не позвонил Леонид Яковлевич.

– Сергей Николаевич, уже шестой час, вы что забыли или передумали?

– Ох... Леонид Яковлевич, простите, пожалуйста, закурился, все, «лечу» к вам.

– Давайте, жду.

После визита в агентство недвижимости сделал еще один рейс в магазин, затем выгрузился в гараже. Так как скидывал в гараже все неаккуратно, машина уже в него не влезла, пришлось бросить под окнами. Домой пришел уставший и довольный – счастливый обладатель недвижимости «у черта на куличках». Решил поужинать... и за ужином случилась неприятность, хотя я это тоже расценил как знак и «подсказку свыше». В общем, откололся зуб, и я решил отложить все дела и завтра посетить стоматологов. Боюсь я их, правда, но современные средства анестезии поход к «зубникам» делали не таким уж и страшным. Перед сном покопался в Интернете в поисках прицепа, нашел. Убого выглядывшая на фото двухосная конструкция по заверениям автора объявления была крепкой и надежной, с нагрузкой в тонну. Созвонился и договорился «на посмотреть».

Перед сном пялился в телевизор, шли новости. Оказывается, за прошедшие два дня по планете прокатилась серия мощных землетрясений, и даже трясло в несейсмических зонах. В основном досталось юго-восточной Азии, и жертв очень много, наши отправили туда МЧСников в помощь. А в Канаде и на Аляске, где и трясло-то всего на 5 баллов, в аэропорту Анкориджа на ВПП обнаружили трещину в 10 сантиметров и длиной в километр. Новости закончились, и начался какой-то «мыльный» сериал, под который и уснул.

С утра позвонил в стоматологию и записался на прием. Назначили на 11:30, и я поехал смотреть прицеп. Не то чтобы он мне понравился, но вся эта конструкция была действительно надежно сделанной, полтора на два метра, двухосный, борта в полметра. В общем, поехали и оформили через автомагазин по-быстрому, а регистрировать я его и не собирался, мне надо только до места с ним доехать, да и категории у меня на прицеп нет. Съездил и пристроил прицеп в гараже, на выходные его загрузу и можно ехать.

Прием у стоматолога закончился к вечеру, и мне выписали еще один талончик на завтра, ибо сняли «мост» и дернули отколотый зуб, который, как выяснилось, раскололся вдоль. В общем, полная санация полости рта мне обошлась «в копейчку» и заняла времени до пятницы. В пятницу же вечером я откровенно нажрался с соседями по гаражному кооперативу, до дома добрал на автопилоте и рухнул спать.

29 сентября. Владивосток

«Обоз переселенца» был готов к отправлению в путь. За выходной все собрал, упаковал и закрепил. Только сейчас с утра мне потребовалась помощь – зацепить прицеп за фаркоп «тирки». В этом мне помог Михалыч – председатель гаражного кооператива, которому я также вручил ключи от своего бокса. Он найдет желающего снять гараж, а деньги будет кидать мне на карту, невеликие деньги, конечно, но на соль и спички, думаю, в самый раз. Загрузился

я, конечно, серьезно, даже начал было переживать, как «Террано» осилит это путешествие с такой нагрузкой. Обошел все еще раз, проверил, как закреплена стропа, удерживающая груз в прицепе и на багажнике, вроде крепко. Долго гадал, брать ли с собой мотоцикл, ну не было места для него. Но поразмыслив, все-таки решил взять. Правда, пришлось «поиграть в тетрис» с грузом, намучился, конечно, ну да с помощью Михалыча и всем известной матери запихал.

Я уже час катил по федеральной трассе в сторону Находки, машина уверенно тащила все, что на нее и на прицеп было навьючено, только в перевалы приходилось заползать на третьей передаче. Решил остановиться где-нибудь попить кофе, перекусить и свериться с картой. Но сначала заехал на заправку, где я налил полный бак солярки и четыре канистры про запас, а также две канистры бензина. Через пару километров после заправки показалась придорожная закусочная, и, съехав с трассы, я подрулил к одной из пустующих открытых беседок. Вышел, потянулся.

– Покушать, дорогой? – услышал я откуда-то сзади.

– Да, и покушать, и попить.

– Проходи, дорогой, садис, што кушать будещ?

Я прошел в беседку, следом за мной колобком вкатился «в меру упитанный» приветливый армянин и, быстро смахнув полотенцем отсутствующие крошки, положил на стол меню.

– Не надо меню, просто шашлык, лаваш, салат, стакан томатного сока и потом кофе.

– Хорошо, дорогой, кофе как будещь – «Максим-шмаксим» или хороший вкусный сварю?

– Давай вкусный.

– Ай маладес, Араик вкусный кофе варит, тыри сорта, зерна сам мешаю, сам секрет знаю, свой пирапорция пиридумал, не пожелеещ, дорогой.

Разговорчивый и приветливый Араик «колобком» укатился к двум контейнерам на 40 тонн, которые были состыкованы друг с другом и выполняли роль собственно закусочной, рядом, под навесом был самодельный мангал. Он бросил в небольшое окошко, вероятно кухни, несколько фраз по-армянски и принялся явно со знанием дела за приготовление шашлыка. Через пару минут из кафе вышла полненькая и симпатичная девушка с подносом в руках, прошла в беседку, также непонятно для чего протерла и без того чистый пластиковый стол и выставила тарелки с салатом, лавашем, стакан сока, нож и вилку. Я поблагодарил ее и приступил к салату. Через несколько минут Араик принес на тарелке порцию шашлыка со свежей зеленью и порезанным кольцами луком в уксусе.

– Кушай, дорогой, пириятного аппетита!

– Спасибо, – ответил я и принялся за этот «гастрономический наркотик».

Шашлык был очень вкусным, и я было пожалел, что заказал только одну порцию, но дорога дальняя и есть вероятность уснуть, так что нечего объедаться. Пока я ел, Араик и его помощница, вероятно дочка, успели обслужить еще несколько человек, подъехавших позже.

А кофе действительно оказался просто потрясающим. Араик его подал в турке на подносе, где стояла маленькая чашечка на таком же маленьком блюде, а под блюдцем лежал небольшой листок, точнее счет в фирменном стиле и с названием заведения – «Кафе Араик». Не торопясь я пил кофе и наслаждался его вкусом, на стол положил атлас дорог и сверил предстоящий путь.

Получасом позже, положив на счет деньги и придавив их чашкой, я поблагодарил стоящего у мангала хозяина и направился к машине.

– Падажди, дорогой! – окрикнул меня Араик.

Я остановился и вопросительно посмотрел на него.

– Слюшай, дорогой, я вижу, далеко едещь, купи вино, а? Хороший домашний, не пожелеещ, там, куда приедещь, угостишь друга, друг спросит «гиде взял?», ты скажешь, у Араика был, там купил. Пять литров бери, со скидкой продам.

- Ну ты даешь, Араик, – расхохотался я, – молодец, хороший маркетинговый ход.
- Какой маркетинг-шмаркетинг, эта бизнес, да, возьмешь вино, а?
- Неси уже.

Араик махнул рукой выглядывавшей из окошка кухни дочери, и она шустро принесла пластиковую пятилитровую бутылку, завернутую в черную бумагу.

– Вот, пясот рублей давай, домой приедешь, темный место поставишь, потом пить будешь, а потом опять приедешь... я знаю, обязателна приедешь.

Я рассчитался, и мы попрощались с Араиком уже как приятели. Машина, рыкнув, завелась, и я покатыл дальше по трассе, скоро будет ответвление на север, а потом главное не пропустить съезд на гравийку, по которой предполагается еще километров семьдесят да по сопкам.

Через два часа пути я остановился в небольшом поселке, через который проходила дорога, рядом с местным магазинчиком. У входа в магазин на лавочке сидели два старика и пили пиво.

– Добрый день, – поприветствовал их я.

– И тебе здравствовать, а магазин эта, не работает покамест, Дашка-то убёгла, сказала на час, а ее уже нету полдня.

– Да я спросить хочу.

– А, так спрашивай, спрос он покамест эта, бесплатный, ага.

– Мне до Сахарного проехать надо, я правильно еду?

– Правильно, ага, только... – старик встал, опираясь на палку, подошел к машине и потыкал палкой в колесо, – ага, да небось проедешь, и телега твоя проедет, – перевел он критический взгляд на прицеп.

– Вон за лесопилкой поворот направо, вот тудой, а как кедрач пойдет, увидишь развилку, так там тож направо, – вступил в разговор второй старик.

– Ага, верно, – согласился первый, – только мостом не ехай, не сдюжит мост-то, там ниже полста метров брод есть, увидишь. После брода по дороге и ехай, так в Сахарное и упрешься, дальше там дороги нет, дальше тайга одна.

Я поблагодарил стариков и поехал по указанному маршруту. Да, назвать это дорогой язык не поворачивается, так, направление. Я ехал и все время переводил взгляд то вперед, то в зеркало, чтобы видеть груз на прицепе, который, как мне казалось, уже начинает сползать с одного из бортов. Доехал до моста, то еще произведение военной инженерии, которое было разбавлено самодельными дополнениями из уголка и швеллера. В целом вроде выглядело крепко, но при ближайшем рассмотрении все было покрыто ржавчиной, места сварки и соединений в основном сгнили. В общем, мост в этом состоянии только пешком преодолевать, и то, помолвившись предварительно. Перед спуском к броду я остановился и проверил закрепленное барахло, еще раз все подтянул и закрепил. Спуск преодолел с приличным креном, и казалось, что вот-вот прицеп завалится, но все обошлось, выехал на противоположный берег и поехал вверх по лесной дороге. Тайга закончилась неожиданно, как-то раз и оборвалась, и после полосы невысокого, но плотного кустарника я выехал на открытую местность. На пологом склоне сопки виднелись дома, ниже был участок обработанной земли, на котором копошились пара человек и, судя по всему, копали картошку. Чуть правее, у самой кромки леса еще несколько домов, но явно заброшенных, пара домов были наполовину разрушены, также там были какие-то гаражи или склады, виднелись остовы разобранных тракторов. Слева, куда поднималась дорога, были еще с дюжину домов вполне ухоженного вида, потом дорога поворачивала вправо, параллельно реке и опять скрывалась в лесу, который начинался сразу после приличной, размером со стадион, черной проплешины пемзы почти на верхушке сопки, на которой виднелись какие-то руины. Чуть ниже, на поросшем травой участке свободно гуляли лошади, прям табун, я давно не видел так много лошадей в одном месте, примерно голов в тридцать табун, или табунчик. Рядом с лошадьми также паслись коровы. Сопка была примерно метров четыреста в высоту,

склон, на котором находилась деревушка, был самый пологий и «скатывался» к реке, и еще весь склон был в редких валунах, разного размера, от полутора метров в диаметре и меньше. Они как будто росли из земли, их было не много, но в глаза это сразу бросалось.

«А мне нравится», – подумал я и поехал дальше, вверх по дороге, сверившись со схематичным наброском «как проехать к дому». Дом был самым верхним из тех, что мне показались самыми жилыми, и пока я ехал до него, слушая, как от домов и строений, которые я проезжаю, отражается звук тарахтящего дизеля, из этих домов начали выходить местные жители. Они с любопытством и даже с подозрением наблюдали за мной, мне даже «краем глаза» показалось, что у одного крепкого мужика средних лет в руках, похоже, двустволка. Состряпав насколько возможно дружелюбную физиономию, я продолжал ехать и кивал в ответ подозрительных (или любопытных) взглядов. Так, под пристальными взглядами местного люда я доехал до МОЕГО дома и, хрустнув ручником, остановил машину, которая продолжала негромко тарахтеть – турботаймер вырабатывал минуты для охлаждения турбины. Я развернулся к людям, их высыпало на дорогу человек тридцать, разный возраст, мужчины и женщины, были и старики, и моего возраста, и молодые, и дети. Все как-то столпились, переговариваясь, метрах в пятидесяти внизу от дома, потом от них отделились три мужика, один из которых да, был действительно с ружьем, и начали подниматься по дороге ко мне.

«Ну бить вряд ли будут, и, наверное, сразу не пристрелят, а что я хотел? Приперся не пойми кто», – подумал я и направился к ним навстречу. Не дойдя до меня метров пять, они остановились, а мужик «моего возраста» переложил двушку стволами на сгиб локтя.

– Добрый день, – как можно приветливее начал я, – а вы что, всех вот так с оружием встречаете?

– Всех, кого не знаем, – спокойно ответил мужик «моего возраста», – турист? Заблудился, что ли? Дальше дороги нет, дальше тайга.

– А мне дальше и не надо, я уже приехал... домой, – ответил я и указал рукой на почерневший от времени, но аккуратный сруб дома с закрытыми ставнями.

– Вот те раз! – удивился стоящий справа старик в военном бушлате, на котором даже остались полковничьи погоны, и потом спросил: – И с чего это вдруг?

– Я его купил у Петра Ивановича.

– Шутить?

– Нет, на полном серьезе.

– А чем докажешь?

– Вот, договор купли-продажи и расписка от него, что деньги получены. – Я достал из внутреннего кармана куртки сложенный пополам прозрачный файл с документами и продолжил: – Свидетельства о регистрации прав собственности нет, потому что поселка этого официально не существует.

– Верно, не существует, – согласился «полковник», – а ты-то откуда про него узнал?

– От сына Петра Ивановича, который отца во Владивосток забрал.

– Хм... а как сына-то зовут? – пытливо спросил «полковник».

– Михаилом Петровичем зовут.

– Верно, Мишкой сына зовут.

– Правда, что ли, жить приехал, насовсем? – спросил мужик «моего возраста».

– Да, насовсем.

– Из Владивостока?

– Из Владивостока.

– Прячешься от кого или еще что?

– Нет, не прячусь, скорее убегаю... убегаю от прошлой жизни и хочу начать новую.

– О как!? – удивился «полковник». – А что, так плохо было в прошлой жизни?

– Напротив... только бесполезно, бессмысленно и сплошная суета. Вот и хочу начать жить так, как хочется самому, а не как вынуждают обстоятельства.

– Понятно... Ну, ты тут не первый такой, – уже улыбаясь, сказал «полковник», – ладно, располагайся и заселяйся, а я вечером зайду с новосельем поздравить, не против?

– Нет, конечно, заходите, – ответил я и протянул «полковнику» руку, – меня Сергей зовут.

– Авдеев Анатолий Михайлович, полковник запаса и последний командир части, – ответил он, пожав мне крепко руку и затем кивнув на руины на верхушке сопки.

– Василий, – вслед за полковником протянул мне руку мужик «моего возраста».

– Андрей, – также протянул мне руку третий «собеседник» – широкоплечий парень лет двадцати пяти, чертами лица похожий на «полковника», он все это время молчал.

– Ну, до вечера, – сказал полковник, развернулся и прокричал в сторону наблюдающих за разговором людей: – Все... расходимся, у нас пополнение личного состава, знакомиться потом... не надоедайте человеку сразу, дайте устроиться.

– Холостой? – раздался из толпы задорный женский голос.

– Светка! Вот коза! Сама потом придешь и спросишь, – ответил Василий.

Внизу расхохотались, и народ начал расходиться по домам. А я, выдохнув и подумав, что вроде первое знакомство прошло нормально, направился к воротам дома.

Нашупав в кармане связку ключей, переданную мне от бывшего владельца дома, я отомкнул висячий замок на воротах и затем на калитке. Ворота выглядели крепкими, каркас из уголка, зашитый доской-дюймовкой. Прошел во двор. Вообще с первого взгляда стало понятно, что Петр Иванович был настоящим хозяином. Складывалось впечатление, что бывший владелец дома уехал только вчера, только закрытые ставни на окнах, высокая трава в огороде и опавшие листья на приличного размера поленнице, заботливо укрытой кусками рубероида, выдавали длительное отсутствие хозяев. В огороде все тропинки были либо покрыты старой транспортерной лентой, либо аккуратно выложены плоским песчаником, на которых также было полно начинающей опадать листвы. Из-под травы виднелись очертания старых грядок. В дальнем конце огорода, напротив ворот стояла небольшая аккуратная банька, в нескольких метрах от нее торчал чугунный столбик ручной колонки. Интересно, работает ли она? Сразу за домом были пустующий курятник и еще пара сарайчиков, в дальнем углу участка, под кронами каких-то плодовых деревьев стоял туалет и пристроенный к нему летний душ. Я прошел дальше за дом, где в пяти метрах от стены дома росли два красавца кедра, метров десять в высоту, между которыми была своего рода зона отдыха. Простой стол, сколоченный из строганых досок, на котором ровным слоем лежали пожелтевшие иголки, и вокруг стояли четыре пня – табурета. От кедров, пересекая весь огород, вела узкая, сантиметров тридцать, дорожка, выложенная доской прямо до бани. В общем... во дворе и огороде мне нравилось все больше и больше, теперь что у нас с самим домом. Снаружи ставни открыть не удалось, вероятно, они как-то фиксировались изнутри дома. Отомкнул на входной двери навесной замок из тех, что «от честных людей», потянул на себя дверь, и она со скрипом открылась. Пахнуло пустотой и сыростью. Прошел внутрь, от открытой входной двери было достаточно света, для того чтобы разобраться в хитрых ставнях. Посередине окна, сверху и снизу из бревенчатых стен торчали шпильки, заклиненные вставленными в отверстия на концах шпилек обычными гвоздями. Обошел все окна и расклинил изнутри хитроумные замки, вышел во двор и также, обойдя по кругу весь дом, распахнул и зафиксировал все ставни. Вернулся в дом, в который даже через занавески и запыленные стекла ворвался солнечный свет, много света, единственная и большая примерно шесть на шесть метров комната, посередине которой стояла просто огромного, как мне показалось, размера печь, была очень светлой. Обстановкой комната была визуально как бы разделена на четыре части, ближе к двери вроде как прихожая: вешалка на стене, небольшие лавки с двух сторон двери и самодельный шкаф, в котором висели какой-

то старый плащ и пиджак, рядом обувная полка со скучающими на ней двумя парами пыльных резиновых калош. Напротив двери была кухня: древний, прошлого века посудный шкаф с минимумом посуды за стеклом, пара небольших тумбочек у стены под окном и добротный, сразу видно ручной работы, деревянный стол с двумя лавками по бокам, скромная кухонная утварь по нескольким полкам. От печи до стены от кухни была отделена спальня: в потолок у печи и у стены были ввинчены кронштейны, между ними натянута проволока, на которой висела длинная от потолка до пола и пошитая из лоскутов штора. Отодвинув штору, увидел низкий и широкий самодельный же топчан, выполненный в том же стиле, что и кухонный стол, топчан был накрыт старым покрывалом, под которым обнаружили пара матрасов, одеяла и подушки, напротив топчана у стены стоял здоровенный пустой сундук. По такому же принципу, шторой, дальше спальня была отделена от оставшейся части дома, которая была чем-то средним между рабочим кабинетом и залом: вдоль стены комод, шифоньер, письменный стол, пара стульев, книжный стеллаж от того же мастера, что топчан и кухонный стол, на стеллаже много книг, заботливо накрытых марлей. Ну и в середине комнаты важно красовалась белеными стенами печь.

«Ну, с чего начнем?» – подумал я, посмотрел на часы. Было уже три часа дня. Решил, что надо просушить и проветрить дом. Распахнул все окна, взял стоявшее у входа цинковое ведро и пошел колонке, подойдя к которой, с удивлением обнаружил натоптанную тропу с соседнего двора через аккуратно выставленные доски в заборе. Значит, колонка в рабочем состоянии, сделал вывод я, также об этом говорил мох, растущий на сырых камнях вокруг чугунной трубы. Ну, воды не жалко, и даже, наверное, хорошо, что колонкой пользовались, а то заилилась бы. Повесил ведро на крюк трубы и пару раз качнул рычагом. Забулькало, заскрипело, и в ведро полилась чистая вода. Сполоснув ведро, я наполнил его и понес в дом. Обнаружив у входа же, под небольшой лавкой эмалированный таз, наполнил его из ведра. Так, теперь ветошь бы. Снял с топчана постельные тряпки и подушки, вынес все во двор, развесил – пусть сохнет и выветривается. С подушек снял наволочки, с одеяла пододеяльник – ну вот мне и ветошь. В процессе уборки нашлись пара керосиновых ламп, в которых еще плескался керосин. Сходил к машине и забрал баулы со шмотками, оружейные чехлы и отнес все в спальню. Переоделся в «домашнее» и, сняв с окон все занавески и сложив их в прихожей, принялся отмывать окна и тереть везде пылюку, в общем принялся за генеральную уборку.

Не знаю, но вся эта работа сейчас меня как-то радовала, что ли, какое-то спокойствие на душе и в голове никаких мыслей... вообще!!! Просто уборка, без напряжения, последовательно... мебель, окна, посуда, полы. Я так увлекся всем этим, что не заметил, как в дверях появились два силуэта – два пацана, погодки лет десять-двенадцать, которые чуть ли не хором сказали:

– Дядя Сережа, деда Толя сказал вам Бимку отнести, сказал, что нельзя без собаки в доме.

Я увидел, что тот, который постарше, прижимает к груди лохматого щенка, который все время пытался лизнуть мальчика.

– Ну проходите, будем знакомиться и с вами и с собакой.

Пацаны скромно прошли в дом и встали в прихожей.

– Иди, Бимка, – сказал державший щенка и опустил его на пол.

Щенок радостно пробежал от стены к стене, осторожно тыкнулся носом мне в ногу, повилял скрученным в калачик хвостом и побежал обнюхивать все углы.

– Бимка, говорите?

– Да, это от нашей Найды кутенок, это лайка.

– Понятно, ну спасибо вам, – я полез по карманам в поисках чего-либо в презент мальчишкам, но там было пусто, как-то неловко даже стало.

– Не, дядь Сережа, денег не надо, тут они и не нужны почти никому, – сказал тот, что постарше, и, кивнув на стоящие в углу ружейные чехлы, продолжил: – Если только у вас капсюля есть, то отсыпьте сколько не жалко.

– Тоже охотники?

– А тут все охотники, как без охоты жить? – как-то серьезно и по-взрослому прозвучал ответ.

– Да, наверное, никак, – согласился я, – пойдете к машине.

Мы вышли со двора, и я достал из салона пластиковый инструментальный ящик, куда собирал все причиндалы для охоты.

– А каких вам капсюлей-то, знаете?

– Для латунок старых есть?

– Вот чего нет, того нет, мужики, есть только жевело да КВ, у меня полуавтомат, под него латунные не идут.

Смотрю, пацаны как-то скисать стали. Я достал две пачки СКМовских патронов с утиной тройкой.

– Держите, так устроит?

– А то! – ответил тот, что младше, схватил обе пачки, и потом одну передал старшему.

– А когда сам деда Толя придет, не сказал?

– Ве-че-ро-м, – уже убегая вниз по дороге ответили они, крича хором и нарастяг.

– Вечер понятие растяжимое, – сказал я сам себе и поднял на руки крутившегося возле ног Бимку.

– Ну что, дружище, будем знакомы? – спросил я щенка.

На что тот, склонил голову набок и затем стал пытаться лизнуть меня в лицо, я поддался ненадолго на эти щенячьи нежности, потом опустил его на землю и, направившись в дом, командовал: «Бимка, домой!», на что он, резво и смешно подпрыгивая, побежал за мной к дому.

Внутри дома я навел относительный порядок, в комод обнаружили чистые занавески, которые я сразу же и развесил, стало уютно. Запах сырости вроде выветрился, и я решил протопить печь и вскипятить воду на еду и помыться. Открыл заслонку в трубе, проверил тягу, еще угореть не хватало. Тяга была великолепная. Со двора наносил дров с запасом и развел огонь. Решил загнать машину во двор, на площадку перед домом. Но это оказалось для меня немного проблематично, так как опыта вождения машины с прицепом нет никакого. В общем, корячился я, пытаюсь загнать машину и попасть прицепом ровно в ворота минут двадцать, но в конце концов осилил эту задачу, закрыл ворота и начал перетаскивать барахло в дом. То, что в прицепе, трогать не стал, это все хозяйственное, завтра распределяю по сараям. Провизию разложил по шкафчикам и ящикам, одежду и белье в комод и на вешалку. Достал из чехла дробовик и поставил в углу спальни, патронташ повесил рядом на стенку, на вколоченный гвоздь. СКС, патроны и другие ценности решил прибрать в сундук. Бим, свернувшись калачиком, лежал на кухне и внимательно наблюдал за моими действиями, вот же умная животина. На двух чугунных конфорках печи уже закипел чайник и почти закипела вода в ведре, в доме стало ощутимо теплее. Надо бы и собаке еду какую-то приготовить, вот, теперь мне есть о ком заботиться, и это радует! Достал банку говяжьей тушенки, снял с конфорки чайник и залил кипятком «доширак» – это себе, а Биму поставил вариться гречневую кашу, не много – стакан крупы. Время шло к вечеру, и пока светло, решил обмыться, так, «местами», разбавив кипятком из ведра в старом цинковом корыте. Пока мылся, каша сварилась, вскрыл консервную банку и намешал собаке еды, еще и на завтра будет ему что поесть. Привел себя в порядок, оделся в чистое и накрыл себе на стол, а собаке «накрыл» в углу кухни, где поставил ему обычную тарелку с кашей и небольшую пиалу с водой из «местных» остатков посуды. Я сидел за столом и смотрел в окно напротив. Все, что находилось за окном, радовало глаз. Дом стоял выше всех в деревне, и из окна открывался вид на склон противоположной сопки и синее-синее небо над ней. От раздумий меня отвлек Бим, громыхая тарелкой и вылизывая остатки каши.

– Вот молодец, все съел, – похвалил я его, на что он среагировал сразу же, подбежал ко мне, встал на задние лапы, а передние положил мне на колени, и, виляя хвостом, уставился на

меня своим глазами-пуговками. На вид ему месяца четыре-пять, крепкое сложение, мощные лапы. По окрасу похож на волчонка – белый с серым, а закрученный хвост выдавал в нем породистую лайку. Я потерял его за ухом, потом встал и налил себе кофе, а Бим довольный улегся под стол и стал «бороться со сном». По дому пошел аромат растворимого кофе, конечно, не такой, каким меня угощал Араик из придорожного кафе, но тоже пойдет. Покрутился на месте, думая, что чего-то вот именно сейчас и не хватает... Вспомнил! Полез в рюкзак и извлек из него кисет, где лежали моя трубка и табак. Я вообще не курю, но иногда, на охоте или на рыбалке, сидя у костра, очень приятно попыхтеть трубкой под кофеёк. Набил трубку, отколол ножом щепу от полена, зажег ее в печи и раскурил трубку, заодно и дров подкинул в печь. Вот, теперь то, что нужно – вид из окна, кофе, трубка и никакой суеты – сбылась «мечта идиота».

С улицы стал доноситься ритмичный цокот копыт, цокот приблизился к моему дому, и послышалось фыркание лошади. Спящий до этого Бим повел ухом, поднялся на передние лапы, потом подскочил, подбежал к двери и начал ее царапать. Не выпуская трубку изо рта, с чашкой кофе в руках я встал, открыл дверь и вышел во двор, где уже стояли у калитки и привязывали к столбу ворот своих красивых коней Анатолий Михайлович и Василий.

Бимка подбежал к полковнику и стал подпрыгивать, пытаясь лизнуть его руку.

– Ну как тебе, Бимка, новый дом и его хозяин? – спросил Анатолий Михайлович припавшего к ноге щенка, и поглаживая его между ушей.

– Да подружились вроде, – ответил я за собаку.

– Вот и хорошо. Ну что, в дом-топустишь, Сергей... как тебя по батюшке?

– Николаевич, но лучше просто Сергей. Проходите.

Василий с Михалычем прошли в дом, разулись, и я пригласил их на «кухню».

– Быстро ты тут управился, – оглядывая дом, сказал Василий.

– Да тут и так порядок был, просто влажная уборка да окна помыл.

– Ну да мы с подарками на новоселье, скромно, но так принято, – присаживаясь на лавку, сказал Михалыч, выкладывая из брезентовой сумки на стол несколько свертков, завернутых в полотенца. – Вот тебе меда немного, яйца, молоко, хлеб свежий – Мария моя печет.

– Спасибо, а то только консервами, крупами да макаронами запасаю.

– Хех... ноги протянешь ты тут на своих запасах, ну ничего, люди у нас тут внимательные, с голодухи помереть не дадут, – улыбаясь ответил Михалыч и продолжил: – Да и расскажем мы тебе с Василием про уклады наши и образ жизни, и тебя послушать хотим, чем ты жил в «той» жизни и как собираешься жить в этой.

– Да, – кивнул Василий и тоже полез в сумку. – А это под разговор.

И он поставил на стол неопределенной емкости бутылку с немного замутненной жидкостью, потом выложил зелень, несколько огурцов и луковиц и фантастически пахнувший увесистый сверток с салом. Я чуть слюной не захлебнулся, забыв съеденный недавно «доширак», и принялся быстро выкладывать на стол тарелки, стаканы, резать хлеб и сало.

Василий разлил по стаканам самогон и произнес классический тост: «Ну, за знакомство!» Мы звякнули стаканами и выпили. Самогон оказался ядреным и чуть не «выскочил» обратно, но я его победил, закусив луковицей.

– Это с непривычки, – подмигнул мне Василий, разливая еще раз, – вторая как по маслу пойдет.

– Теперь за новоселье! – произнес Михалыч.

Мы опять выпили, и действительно, вторая «провалилась» без проблем. Я прошел к печи и подкинул пару поленьев, затем вернулся за стол и поведал гостям свою «краткую биографию», местами с сокращениями, а где их что-то заинтересовывало, то более подробно. Когда я закончил свой рассказ, Анатолий Михайлович сказал:

– Ну что ж, это твой выбор и твоя жизнь, правильно ты принял решение или нет, время покажет.

– Да не видел я уже никакого будущего для себя «там», все потеряло смысл.

– Не видел так не видел, – сказал Василий и снова разлил, – а как сейчас видишь?

– Вот сейчас расположусь, вещи разберу, порядки наведу и буду думать, чем заняться. Опять же огород надо к весне подготовить, вон какое все заросшее.

– Это правильно, хозяйство в первую очередь надо в порядок привести. Говоришь, последнее время занимался металлоконструкциями?

– Ага, – кивнул я, закусывая.

– Ну вот, может, и сможешь с мостом, а? Правда, только уже весной, наверное, после паводков.

– Конечно, помогу, – согласился я и спросил: – А чем здесь народ в основном занимается?

– Большинство, конечно, просто хозяйством занимается. Иногда в район ездят чего поменять или продать, пара семей пасеки в лес вывозят на лето, скоро вернутся уже, лошадей вот разводим еще, и на продажу и на мясо, конная тяга снова становится нужна, ага, топлива да запчастей не накупаешься, вот люди к истокам, так сказать, и возвращаются. Есть еще занятия, ну о них попозже, когда освоишься тут.

– Понятно, – кивнул я уже тяжелеющей головой.

Гости переглянулись, и Василий сказал, вставая из-за стола:

– Поехали, Михалыч, Сереге вон отдохнуть надо, поздно уже.

Мы попрощались, я закрыл за гостями калитку, подождал, пока Бим на улице сделает свои собачьи дела, зайдя в дом, сил хватило, только чтобы подкинуть пару поленьев в печь, задуть керосинку и постелить себе чистую постель. Заснул я, мне кажется, уже на пути головы к подушке.

30 сентября, д. Сахарная

Проснулся я, как говорят – с петухами. А точнее, благодаря соседскому голосистому петуху, было такое ощущение, что он сидит прямо на заборе и горланит назло городскому приезжему громче всех, зараза. Открыл глаза, в доме светло, чисто и свежо – форточка осталась открыта. Похмелья не было, голова была ясная и, вообще, было ощущение какой-то легкости. Встал и выпустил Бимку на улицу, который уже всем своим видом показывал «еще чуть-чуть и наделаю прямо на пол на кухне». Подошел к умывальнику, почистил зубы и умылся, бриться уже не было желания, пусть отрастает. Оделся и побрел в туалет, по дороге обратно, из туалета в дом, обратил внимание, что доски в заборе напротив колонки, которые были сняты, теперь аккуратно прибиты на место, а на крюке колонки висит плетеная корзина, накрытая полотенцем. «Это мне? Просто так?» – вспомнил я старый мультик и поднял полотенце. В корзине лежала дюжина яиц, пирожки, литровая банка молока и пол-литровая банка сметаны. Взял корзину и подошел к забору, посмотрел через него и увидел только спину подростка лет двенадцати, убегающего к своему дому.

– Спасибо большое, – крикнул я через забор и пошел в дом.

Меня догнал Бим и стал тыкаться носом в корзину и заглядывать мне в глаза, вроде как «давай, хозяин, колись, чего там у тебя вкусенького». Решил позавтракать и накормить собаку, растопил печь и поставил греться чайник себе и вчерашнюю кашу с тушенкой Бимке. За завтраком мысленно составил себе план мероприятий на сегодня – разгрузить прицеп и привести в порядок баню... что-то так захотелось в баню.

Позавтракал пирожками со сметаной и накормил Бима, после чего, одевшись в рабочее, пошел обследовать баню. Открыв невысокую и узкую дверь, я немного удивился – баней пользовались, и совсем недавно. Теперь понятно, откуда такая натоптанная тропа от лаза в заборе. Да мне и не жалко, попросят еще попариться – пушу. Ну что, банька скромная – коридорчик полтора на полтора, кирпичная печь, на листе железа под печью несколько поленьев, потом дверь в помывочную, совмещенную с комнатой отдыха, где у малюсенького окошка стоят небольшой столик и лавка, а на стене на нескольких гвоздиках висят связанные

по несколько штук веники, помывочная отделена полиэтиленовой шторой. В помывочной на лавке пара ведер и тазиков, цинковое корыто. Дальше дверь в парилку... ммм... какой приятный запах, даже как-то голова немного закружилась. В углу парилки, на каменке стоял здоровенный чугунный казан, накрытый алюминиевой крышечкой, литров на 50–60, я попробовал его приподнять... ага, сейчас! Ну да и сдался он мне, его двигать. Полки были сделаны углом и в два яруса, но лечь и вытянуться не получится, маловато места. А я и не привередливый, и так считаю, очень повезло с такой баней. Ехал же вообще «пальцем в небо», а судьба вот какой презент преподнесла, в виде еще вполне приличного дома, действующей колонки, бани... и вообще я весь такой довольный.

Один из сараев был хозяйственным: кое-какой инструмент огородный, какие-то мотки проволоки, бруски и доски, небольшой столярный верстак, полки с разной мелочевкой и прочее, в целом все аккуратно лежит и почти ничего бесхозно не валяется. Ну, сейчас подмету да приберусь, и пусть так и остается хозяйственным тот сарайчик. Пошел к прицепу и начал процесс перетаскивания своего барахла. Через час управился, распихал все по полкам и по углам, развесил над верстаком инструмент. Пока занимался всем этим, периодически поглядывал по сторонам и смотрел, чем занимается местный народ. Праздно шатающихся практически не было, кто-то занимался в огороде, кто-то на картофельном поле копал урожай, пару раз мимо проезжал мотоцикл с коляской, вернее вместо коляски был такой лоток, на котором полный мужик возил откуда-то из распадка по паре бревен метра по два в длину. Даже детвора работала, только самые мелкие играли у второго от начала дороги дома и с ними какая-то сухенькая бабулька, вроде как приглядывала. Бим тоже нашел себе занятие – гонял на пустыре за моим огородом с соседским кобелем, пару раз подбегал, вроде как отметить: «хозяин, я тут недалеко», весь в репьях и колючках, а потом залез на один из небольших валунов, торчащих их земли, и лег на нагретый солнцем черный камень... Прямо «Акела», куда ж деваться.

Во втором сарае прежний хозяин, вероятно, держал корову, ну этим пока я вот так с ходу заниматься не рискну, курятник бы осилить. Что там, кстати, с ним? Ага, сам курятник одной стеной примыкал к сараю для скотины, а от противоположной стены была небольшая загородка из сетки рабицы, метров пять в диаметре, и сверху накрыта старой маскировочной сетью. Обошел вокруг и обнаружил несколько дыр, которые сразу же и заделал проволокой из сарая, в самом курятнике тоже навел относительный порядок, как мне показалось, заменил подгнившие в некоторых местах доски стены.

Захотелось пить, и я пошел в дом. Налил из подаренной банки в кружку молока и выпил залпом – вкусно!

– Еще кружечку? – спросил сам себя и ответил: – Будьте добры.

Налил еще, выпил – отлично!

Кстати, надо бы какой-нибудь холодильник придумать, наверное, вырою небольшой погребок, подключу к генератору морозильную камеру, наморожу льда и сложу в погребе... Странно, неужели тут нет погреба, или я не заметил? Ладно, повнимательней посмотрю после бани.

Еще с утра у меня было какое-то непонятное ощущение, и я не мог понять причину не то чтобы беспокойства, но как будто не хватает чего-то... Точно! Телефон! Достал из кармана куртки на вешалке телефон, включил... сети нет. Ого, а времени-то уже обед – половина третьего! Выключил телефон и затем выставил наручные часы и завел их, а то так и потеряться во времени не долго. Причем я заметил, что меня вообще не волновал тот факт, что я никому не могу позвонить, и тем более никто не может позвонить мне. Отлил молока в миску и вынес на крыльцо.

– Бимка! Иди молока попей, – позвал я собаку, которая, соскочив с валуна, понеслась ко мне.

Ну что, пора, как говорится, и о теле подумать, натаскал в баню дров и затопил печь. Затем наносил воды, и в казан и ведра все наполнил. Вот, теперь, пока топится, можно и по двору прибраться. Достал из сарая метлу, грабли, совковую лопату и сделанную прежним хозяином одноколесную деревянную тачку. Сначала все убрать перед домом, потом навести порядок под кедрами, возить все буду в огород, где предположительно была компостная куча, правда края развалились, ну и до этого руки дойдут – поправлю.

Когда катил тачку с очередной порцией хвои и листвы, впереди ахнули два выстрела, я поднял глаза и увидел, как по пустырю за огородами идет женщина, закидывая двустволку за спину, на ногах резиновые сапоги, яркий сине-оранжевый сарафан, поверх армейская куртка и на голове армейская же кепка, под этим «гардеробом» проглядывалась хорошая фигура и прямая осанка, она прошла еще метров пятнадцать, нагнулась и подняла какую-то птицу, я пригляделся – фазан! Вот так, как говорится, и коня на скаку, и фазана на бегу. Симпатичная, кстати, женщина... Ладно, некогда отвлекаться... Сходил, подкинул в топку еще дров и продолжил уборку. Вычистил все вокруг дома, привел в порядок зону отдыха под кедрами, посмотрел на часы, почти восемнадцать часов и уже начала чувствоваться усталость. Пошел проверить баню, заглянул в парилку, ого! Ну градусов под сто – сто десять раскочегарил, думаю, достаточно. Посмотрел в топку, дрова прогорели, подкинул еще пару поленьев и пошагал в дом утолить опять накотившую жажду и собираться мыться. Напился опять молока, съел пирожок, взял шильно-мыльное, чистое исподнее и поспешил в баню...

Парилку посетил четыре раза и знатно отхлестал себя дубовым веником, примерно через час банных процедур ощутил приятное головокружение и вообще как будто в другое измерение переместился. Решив, что для изнеженного городского организма достаточно, прибрал в парилке и пошел мыться. Быстро помывшись, поливая на себя из ковша, я обтерся, оделся в чистое и вышел на улицу. Это сказочное состояние, действительно, «ни в сказке сказать, ни пером описать», дышится полной грудью, как будто объем легких увечился еще на несколько литров, вечерний прохладный воздух не вызывает никакого дискомфорта и как будто проходит сквозь тело приятным покалыванием. На ясном небе светили непривычно огромные и яркие звезды, луна подсвечивала прибранную дорожку к дому, куда я направился, завернувшись в махровый халат с капюшоном.

На широких ступенях у двери меня встречал Бимка, приветливо махая хвостом.

– Ага, привет, давно не виделись, – сказал я, погладив его по усеянному репьями лбу, – ну пошли, съедим чего-нибудь.

Пройдя в дом, зажег пару керосинок, растопил печь и занялся приготовлением ужина. Бимке – без изысков, то есть опять каша, а себе решил пожарить яичницу с салом. Расправившись с ужином, налил себе стакан «армянского» вина, которое оказалось очень даже неплохим, набил трубку и, откинувшись на спинку деревянного стула, задумался... ни о чем, просто сидел, пытался трубкой и слушал, как в печи потрескивают дрова. Вспомнил, что хотел поискать погреб, еще раз осмотрел, не вставая со стула весь дом, вроде я мыл пол, и заметил бы крышку люка. Ладно, обойду все еще раз внимательно. Сделав круг по дому, так ничего и не обнаружил, но в спальне мне бросилось в глаза продолговатое углубление в массивном плинтусе. Присел у стены и внимательно пригляделся. Действительно, углубление находилось в середине метрового отрезка, а от плинтуса отходили доски, не вписывающиеся в общую картину половой доски. Потянул плинтус на себя, крышка поддалась и пошла вверх. «Ага, вот как все просто», – подумалось мне. Поднял крышку и приставил ее к стене, в погреб уходили массивные деревянные ступени, повеяло холодом. Я оделся и, освещая себе путь керосиновой лампой, спустился вниз.

Погреб был большой, два метра в высоту, примерно четыре в ширину и в длину по всей стене, то есть около шести метров. Вдоль одной стены были коробка для картошки, стена напротив была одним большим стеллажом, на котором было много пустых стеклянных банок, какие-

то коробочки и ящички, также было около двух десятков банок с давнишними соленьями. Три деревянных бочки, литров на сто – пустые, вероятно, тоже для засолки. У дальней от люка стены стояли пара военных прикроватных тумбочек, на которых тоже лежало какое-то барахло, в углу несколько старых бамбуковых удочек и какие-то мотки брезента. Также почти у пола обнаружилась небольшая ниша, выбранная в земле стены примерно на 0,5 куба с двумя полочками и закрытая крышкой, выполненной их досок и ватного матраса – а вот и холодильник. В общем, погреб как погреб, только складировать тут пока нечего, только... Я вылез, достал из сундука полиэтиленовый пакет с деньгами, взял оттуда пару пачек, которые оставил в сундуке, и с пакетом спустился обратно в подвал. Взял один из пыльных деревянных ящиков с какими-то старыми газетами внутри и, спрятав там деньги, поставил ящик обратно на полку. Еще раз все оглядел и полез наверх, потом тут буду разбираться. Вылез и закрыл крышку, которая села плотно, но без усилий.

Решил завтра с утра съездить в район, закупить еще провианта, круп, кормов для птицы да и еще много чего для мелочи, а то, как выяснилось, нормального веника нет. Налил еще полстакана вина, посидел и подумал, что еще надо, и лег пораньше спать.

1 октября, д. Сахарная

Опять проснулся с первыми криками петухов, выпустил собаку на улицу и сам пошел «до ветру». По дороге обратно посмотрел на колонку, вспомнил про плетеную корзину, в которой был гостинец от соседей. Надо бы вернуть корзину, но не пустую, пустую нельзя возвращать – неправильно как-то. Ну вот в район съезжу, прикуплю там каких-нибудь «вкусностей цивилизации», хотя... а вдруг дались соседям эти вкусности. Ладно, перед выездом зайду и скажу, что в район еду, может, им надо чего. Позавтракав и собравшись, вышел во двор и завел «тирку» – пусть греется, а сам пока к соседям зайду и познакомлюсь заодно. Вышел на улицу и направился к соседской калитке, где меня сразу встретил «звонок» – за забором начал неистово лаять здоровенный лохматый кобель.

– Бабай, на место! – скомандовал женский голос, и собака, еще пару раз огрызнувшись на калитку, виляя хвостом, ушла в будку, там покрутилась и, высунув морду на улицу, улеглась.

– Доброе утро, – обратился я к хозяйке, выглядывая поверх забора.

Женщина в спортивном костюме и в военной кепке подошла к калитке и вышла на улицу.

– Доброе, – ответила соседка приятным голосом и вопросительно посмотрела на меня.

– Я в район хочу съездить, по хозяйству много чего не хватает, вот подумал, может, вам что-то надо? Могу привезти, мне нетрудно.

– Подождите, я сейчас, – ответила она и быстрым шагом ушла в дом.

«Хорошенькая», – проскочило в голове. Да, очень даже хорошенькая, выразительные черты лица, особенно глаза, при условии, что ни грамма косметики, спортивная подтянутая фигура. «Так, нечего тут», – погнал я от себя эти мысли, мало ли, женщина-то, может, и не свободна, а я тут уже разглядываю ее оценивающе, народ тут простой и суровый, так можно и получить вечером по дороге «до ветру» коромыслом по затылку.

Через пару минут она также быстрым шагом вышла ко мне, прихватив алюминиевую канистру.

– Вот, я тут чиркнула список, – сказала она, протягивая мне сложенный пополам тетрадный листок.

Я развернул и прочитал написанное аккуратным почерком:

«Соль – пять кило, спички – десяток упаковок, керосин – 20 литров, сода – пять пачек, патроны, картечь 5,5, 12 на 70 – сотня».

– Все? – спросил я.

– Да, остальное есть вроде, – улыбнувшись, ответила она и протянула мне канистру и затем сверток плотно сложенных в несколько раз купюр. – Вот, должно хватить.

– Ну, не хватит, добавлю.

– Ни в коем случае! Нехорошо это, сначала у котельной на заправке керосин купите, затем все остальное, патроны в последнюю очередь на все, что осталось.

– Ну, вам виднее, – согласился я и продолжил: – Меня Сергей зовут.

– Я уже знаю, – улыбнулась она и тоже представилась: – А меня Светлана.

– Может, что забыли написать?

Светлана задумалась на секунду, симпатично изогнув бровь «домиком», поправила рыжий локон волос и ответила:

– Нет, все, пожалуй.

– Ну я пойду, до вечера.

– До вечера, – ответила она.

Я развернулся, пошагал к себе и краем глаза заметил, что она, перед тем как пройти во двор, тоже как-то оценивающе посмотрела мне вслед.

Вернулся в дом и накормил Бима. Взял деньги и документы.

– Бим, остаешься за хозяина, никого не пускать!

Пес продолжал увлеченно громыхать миской, виляя хвостом, вроде как «да понял, я понял, иди уже». Я вышел и закрыл дверь на «замок для честных людей», достал из отцепленного прицепа сложенный китайский тент и забросил в машину, мало ли, вон тучки на небе, закидаю груз на багажник и тентом накрою, если что. Потом в сарае слил несколько канистр в стоявшую в углу железную бочку, докуплю еще солярки, да и керосин надо для ламп. «Ну, вроде все, можно ехать», – подумал я, постоял еще минуту у машины и пошел открывать ворота.

До районного центра я ехал не торопясь, стараясь по дороге побольше разглядеть местных достопримечательностей. Проехал поселок Лесной, в котором в прошлый раз интересовался дорогой у двух стариков у магазина. Примерно через два часа пути выехал на трассу и придавил педаль. В райцентре все оказалось почти рядом, с одной стороны дороги базар и автовокзал, с другой – недавно отстроенный супермаркет одной местной (Приморской) сети магазинов, чуть дальше АЗС. Только в магазин «Охота и рыбалка» пришлось ехать на другой конец города, где накупил патронов и еще всяких «причиндалов» по мелочи. На рынке мешками взял рис, сахар, соль, макароны, а также по мешку отрубей, дробленой кукурузы, ячменя и комбикорма – такое «меню» мне продавец на рынке посоветовал, когда я сказал, что хочу завести кур и не знаю толком, чем кормить. В общем, нагрузил «тирку» всем, чем планировал, и перед тем как заехать на АЗС за соляркой и керосином, заскочил в супермаркет, потешить все-таки себя некоторыми «продуктами цивилизации». Набрал кофе, черного шоколада, сгущенки и прочего, кое-что ящиками. На кассе почему-то отказались принимать к расчету карточку, мол, распоряжение администрации, «банковские карты временно к расчету не принимаем», ну рассчитался наличкой. У входа в супермаркет стояли несколько банкоматов, и я решил подойти и проверить баланс своих карт. «Извините, в банкомате закончились наличные», «Нет связи с банком» – извещали меня надписи на мониторах. «Ну и хрен с вами», – подумал я и покатил тележку к машине. Багажник был уже полон, накрыт тентом и увязан стропой, я немного «поиграл в тетрис», укладывая пакеты и коробки в салон, в котором уже стояли клетки с курами – несколько молодых несушек и один не менее молодой и пестрый петух. Также заскочил в отдельно стоящее одноэтажное здание хозмага около рынка и понабрал там всякого, тот же веник, стиральный порошок, мыло, нитки-иголки и скупил практически весь запас свечей, не знаю зачем, может, чтобы не кататься в район часто, а может, во мне просыпается «кулацкая сущность», опять же обменный фонд с односельчанами.

На АЗС толстая тетка-заправщица мне сообщила, что заправлять всю мою тару не будет, распоряжение начальства – 20 литров в «одни руки».

- Вот те раз, это с какого такого перепуга? – спросил я, склонившись к окошку кассы.
- Так с пятницы проблемы с бензином по краю уже.
- А дизтопливо и керосин?
- Это налью, а бензин нет, и не уговаривай.
- Ясно, ну тогда так...

В общем, налил я канистру бензина, канистру солярки, три керосина и залил бак соляркой «под пробку». В ларьке фастфуда у заправки купил пару пянсе (паровой пирожок с капустно-мясной начинкой) и коробку сока, перекусил и двинул домой, в свою таежную глушь.

Не насилуя машину на перевалах, потихоньку добрался до поселка Лесной, на повороте у лесопилки остановился, увидев за забором большую кучу горбыля, сдал назад и вышел. Прошел на территорию, в двух щитовых строениях работали станки и пахло обработанной древесиной. Два парня таскали из цеха свежеструганные длинные дюймовые доски, и я подошел к ним.

- Бог в помощь.
- Ага, поможет он, как же... Чего хотел? – ответил мне лысый крепыш в тельняшке с татуировкой на плече в виде Андреевского флага и надписью «Где мы, там победа».
- Да хотел спросить, горбыль продадите на дрова?
- А-а-а, ну это к Аслану, он в цеху, в ворота прям проходи, он там со станком занимается, – ответил крепыш и кивнул в сторону одного из цехов.
- Спасибо, – ответил я и направился к цеху.

Внутри было шумно, а у стены, присев на инструментальный ящик, менял ремни на станке седой мужчина лет пятидесяти, может старше, с кавказской внешностью. Я подошел к нему и поздоровался.

- Здравствуйте, вы Аслан?
- Да, здравствуйте, – ответил он мне практически без акцента и, обтерев руки ветошью, протянул мне руку.
- Я Сергей, хочу горбыль купить, вы хозяин?
- Да я, пойдём на улицу, тут шумно.
- Мы вышли, Аслан достал из кармана сигареты, подкурил и спросил:
- Много надо?
- А вот на этот прицеп сколько поместится? – указал я на стоящий у забора трактор «беларуську» с прицепом.
- Ну если плотно уложить, то кубов шесть.
- Хорошо, а в Сахарную привезти?
- Не, на этом не получится, там спуск крутой к броду, прицеп может перевернуться. У меня Кам АЗ есть бортовой, но он сейчас в рейсе, послезавтра только будет, он проедет, да и поместится в него больше. Но за доставку еще добавишь тогда.
- Хорошо, договорились.
- Слушай, я в Сахарном вроде всех знаю, а тебя в первый раз вижу, родственник, что ли, чей?
- Нет, я недавно переехал туда.
- А где живешь там?
- У Петра Ивановича я дом купил.
- А, знаю тот дом... хорошо, оставляй предоплату, послезавтра машина освободится и привезем тебе горбыль. Только не пойму, почему ты углем топить не хочешь?
- Так а где его здесь купить-то?

Аслан потянул меня тихонько за рукав в сторону ворот забора, и когда мы вышли к воротам, он кивнул в сторону старого кирпичного строения с высокой железной трубой в полукилометре от нас.

– Котельная, видишь? Вот туда едешь и договариваешься, они всем тут в округе привозят под заказ.

– Замечательно, – обрадовался я, – сейчас туда заеду.

– Поторопись, а то начальник уйдет, время-то рабочее кончилось почти.

Я оставил предоплату Аслану за горбыль, поблагодарил его за наводку на уголь, сел в машину и попылил к котельной.

На котельной договорился на самосвал угля, тоже с доставкой и предоплатой. Там всем заправлял низкорослый мужичок-пенсионер, который, как выяснилось, дружил с Петром Ивановичем и очень обрадовался, что у дома теперь новый хозяин.

– А то ведь знаете, Сергей, как бывает, постоит дом без хозяина пару-тройку лет, и вроде крепкий а все одно начнет разваливаться, жалко. Петруха его с душой строил, кедрач сам валил, сам сушил, все бревнышко к бревнышку.

– Я заметил.

– Ага, ну и хорошо. Ну с утра завтра самосвал будет часам к десяти, ты только забор заранее разгороди там у туалета, видел, где?

– Эм... не обратил внимания.

– Ну вот обрати, там еще щиты такие должны были быть сложены под угольный короб.

– Хорошо, посмотрю.

– Ага, ну бывай, только это... Мишке – ну водиле-то, денег не давать, ага, будет просить на бутылку.

– Да не жалко на бутылку-то.

– Не жалко ему, а работать потом за него ты будешь? Напьется же сразу и все – день насмарку.

– Понятно, не дам.

– Вот и не давай, все, ехай, мне еще тут работать надо.

Проезжая опять поворот у лесопилки, я помахал стоящему у ворот Аслану с парнями.

– Спасибо, Аслан, договорился я насчет угля.

– Не за что, – ответил мне Аслан и тоже помахал.

Шурша грязевой резиной по лесной дороге, я ехал и думал о том, что сегодня очень плодотворно провел время. И закупился по хозяйству, и дрова, и уголь... в целом все с пользой. Аккуратно преодолел спуск к броду, а затем сам брод. Недалеко от моста сидели два подростка и ловили в запруде голяна. В сопку, к дому, пришлось забираться «внатяг» на второй передаче, ибо лезущая под колеса домашняя живность односельчан не давала разогнаться. Сразу у ворот вывернул влево и остановился, открыл ворота и сдал задним ходом во двор. Выходя из машины, услышал, как Бимка в доме лает и скулит, открыл дом, и собака, визжа от радости, начала пытаться запрыгнуть мне чуть ли не на руки, я присел и погладил его. Бим, лизнув меня, упылил в сторону огорода. Пройдя в дом, обнаружил «гнездо» из одеял на кровати и погрызенный ботинок. Понятно, собака скучала и развлекала сама себя, но за ботинок надо наказать, не дело это. Вышел обратно во двор и позвал Бима, тот, сделав свои собачьи дела, несся ко мне, радостный такой. Залетев пулей в дом, щенок сообразил или почувствовал «что-то не то» и сразу попытался выскочить обратно на улицу, но я закрыл дверь. Разувшись, подошел к кровати и заговорил как можно строже, пытаюсь не засмеяться, потому как Бим просек ситуацию, «что попал», и изобразил мордой и ушами такое, что удержаться от смеха было сложно.

– Бим! Это что такое? Засранец! – спросил я, поднимая с кровати погрызенный ботинок. – Тебе что, грызть больше нечего?

Бим практически по-пластунски заполз под лавку, делая при этом попытки повилить хвостом на каждую мою фразу.

– Вон у печи поленья, грызи сколько хочешь! А добро портить нельзя! А ну иди ко мне!

Бим все так же лежал под лавкой, не шевелясь.

– Я кому сказал?!

Он начал медленно выползать и «на полусогнутых» подошел ко мне. Я ткнул ему порванным ботинком под нос и сказал: «Нельзя!», потом, волоча его за шкуру, подошел к кровати и, указав рукой на постель: «Нельзя!» Потом я его отпустил, и он все так же со сложенными ушами, и втянув голову, смотрел на меня, я подошел к его коврику на кухне, сел на пол рядом и уже спокойным голосом сказал:

– Ну все, экзекуция закончена, иди ко мне, вот тут лежать можно, если тебе холодно, в погребе есть матрас, я его тебе сюда положу.

Бим уловил изменения в интонациях, сразу же подбежал ко мне, неистово виляя хвостом и поскуливая, пытался меня лизнуть, мол, «прости, хозяин, больше не буду».

– Ага, – сказал я, теребя его за холку и вспомнив одного персонажа: – «Понять и простить».

На улице машина заглохла, и я, обувая калоши, сказал:

– Идем, вредитель, машину разгружать.

Мешки с «птичьей едой» перетаскал в сарай, где раньше держали корову, пристроив их на наспех сколоченный поддон, чтобы на земле не лежали, потом выпустил кур в курятник и рассыпал им в лотки корма. Бим сразу заинтересовался «новыми жильцами» и с любопытством заглядывал сквозь сетку, со стороны огорода встав на задние лапы, а передними опираясь на сетку. Мешки со своей едой и коробки я перенес в подвал, он сухой и проблем с хранением быть не должно. Хозяйственное барахло и топливо разместил в сарае-мастерской, сразу слив солярку в бочку, чтобы освободить канистру, – в следующую поездку еще наберу. Уложив в деревянную тачку все по соседскому списку, выкатил ее к воротам. Сходил в дом и, сложив в плетеную корзину пачку кофе, несколько шоколадных плиток и упаковку конфет, пристроил корзинку на тачке и покатил к Светлане. По улице медленно поднимались с выпаса коровы и «расходились по домам», некоторые, остановившись у калитки, мычали и звали хозяев, запускайте, мол, скорей и доите, а то вымя отваливается. У ворот Светланы также стояла корова и томно смотрела куда-то во двор в ожидании. Светлана вышла во двор со стороны огорода и открыла ворота, корова деловито прошла во двор и направилась за дом, а Светлана вышла ко мне.

– Добрый вечер, Сергей.

– Добрый, я тут вот... привез все, что просили.

– А, ну подкатывайте к крыльцу и выставляйте, я там разберусь уже.

Я посмотрел на собачью будку, в которой, не сводя с меня глаз, лежал Бабай, вот уж точно бабай – лохматый, беспородный, но не маленького размера пес.

– А вы по дорожке идите, у него цепь не дотянется, – сказала Светлана, поняв мои опасения.

Подкатив тачку к крыльцу, я передал корзину хозяйке и начал выставлять ее «заказ» на крыльцо. Закончив, я повернулся к ней.

– Все по списку.

– Вы все-таки добавили денег из своих, – сказала она насупившись, разбирая пакет с упаковками патронов.

– Да совсем чуть-чуть, мне не внапряг.

– Зато мне неловко, и что это? – она протянула мне корзину.

– Света, да что вы в самом деле! Считайте это благодарностью за молоко, сметану и пирожки.

– Ну спасибо... вообще-то молоко и пирожки это моя благодарность и извинение за то, что в отсутствие хозяев пользовались скважиной и баней.

– Хозяевам не жалко, – ответил я и покатил тачку к выходу, ибо меня уже начали утомлять эти бабские пререкания.

– Сергей! – окрикнула она меня, когда я уже был на дороге. – И все же, сколько денег вы добавили? Я сейчас отдам.

– Молоком отдадите, – хмуро ответил я, кивнул в сторону, куда прошла ее буренка, и покатил тачку к себе во двор.

Странная она какая-то, подумал я, продолжая распихивать в мастерской коробки с привезенной хозяйственной мелочевкой, непонятно... но по-моему, без мужика она живет, ага, от этого и проблемы у бабы, наверное, с головой. Ладно, пойду супецкого сварю, баранину на рынке же купил.

Прошел в дом и начал готовить ужин. Биму насыпал сухого корма, также приобретенного в райцентре, все-таки в нем и витамины и добавки всякие полезные.

– Ешь, собакин, но не привыкай сильно, этот корм только на ужин давать буду.

Когда баранина прокипела, снял пенку и засыпал в кастрюлю за жарку и картошку, пусть варится, и пошел к туалету, где должен завтра разгородить забор и подготовить короб под уголь, стемнеет уже скоро. Действительно, за туалетом находилась заросшая травой конструкция – сваренный из уголка два на два метра каркас, возвышающийся над землей сантиметров на двадцать, в углах хитроумные зажимы, щиты, сколоченные из досок, лежали тут же. Разобрался, как это все собирается, я быстро, это было не сложно, по каждой стороне каркаса в специальный паз вставлялся щит и фиксировался зажимом, а сверху можно было поставить еще щит и также зафиксировать. Прикинул, что полностью собранная конструкция была бы высотой метра полтора, нормально – самосвал угля поместится. Ту сторону короба, что к забору, собирать не стал, оттуда завтра угля навалят. Подойдя к забору, обнаружил, что одна секция напротив короба длиннее остальных и может открываться. С одной стороны петли, приваренные к столбу, с другой две пары проушин для замков, вверху и внизу, вместо замков проушины просто толстой проволокой замотаны. По дороге в дом проведаль живность – осваивается курятина, нагадили вон уже сколько.

На кухне стоял аромат баранины, булькала на печи кастрюля, Бимка в углу наяривал мосол, который я ему выделил в процессе приготовления супа. Что ж... можно готовиться ужинать. Долил воды в умывальник, помыл руки и стал накрывать себе на стол. Только уселся, порезав хлеб и налив себе четверть стакана принесенного Василием самогона, как Бим перестал грызть кость, насторожился, заскочил на лавку у окна и начал лаять, пытаясь заглянуть через окно во двор. Я подошел к окну и увидел, как Вася, легок на помине, проходит в калитку с трехлитровой банкой молока в руках.

– Ты на запах, что ли? – спросил я его, открыв дверь.

– А то! Да я так, проведать зашел, ну и разговор к тебе есть.

– Заходи, поужинаешь?

– Ммм, пахнет-то как, конечно!

Пока я наливал тарелку Василию, он поставил банку молока на тумбочку и помыл руки.

– Молоко вон тебе соседка передала, – сказал он, вытирая руки, – главное, входит из калитки с банкой, меня увидела, покраснела лицом и, узнав, что я к тебе иду, сунула мне банку, передашь, мол.

– Яркая женщина, только мне показалось, странная она какая-то.

– Ага, есть немного, – согласился Вася, усаживаясь на лавку, и продолжил: – Лет десять тут живет, особо ни с кем не общается, так есть у нее пара подружек-балаболок. Вроде как она в Находке жила, была замужем за военным, а лет десять назад раз и приехала к родителям с одним чемоданом и двумя детьми сопливыми на руках, ага, и с фингалом под глазом. Не знаю,

что там у нее за история, но с тех пор так и живет тут. Пять лет назад ее отец в тайге сгинул, долго искали, всей деревней – не нашли. Ружье его нашли, а самого и след простыл, а потом через пару месяцев и старуха его – Марь Андревна, видать, с горя преставилась. Такие дела, ага.

– Ясно, – кивнул я, наливая Васе стакан.

– Так-то баба вроде хорошая, но настырная жуть, все сама, сама. Она и через забор-то к тебе к скважине ходила не от лени, чтоб до низа дороги к колодцу не ходить, а чтоб с мужиками лишний раз не сталкиваться. Видал, может, тут Ганс гоняет на мотоцикле с гробиком вместо коляски? Этот к ней пару лет назад вроде как в женихи набивался, ну и дал волю рукам, похватал там, где помягче, так она на него собаку спустила и чуть не пристрелила, Бабай его аж до речки гнал, чуть не порвал.

– Хренасе, – прокомментировал я и поднял стакан. – Ну, за Бабая!

Мы выпили, и Василий продолжил:

– А так нормальная она, просто, видать, в себе все больше.

– Понятно.

– Я чего пришел-то, видел, у реки люди картоху копают?

– Видел.

– Так вот, там почти у всех по несколько рядков, по весне всей деревней сажаем, рядом с моими рядками два рядка Николаевны, а она по лету померла. Ну мы посоветовались там... в общем, берешься копать – копай. Нет – так мы разделим и сами выкопаем.

– Так чего не взяться, я согласен.

– О, это дело, наливай! Я в субботу собрался в верховья на форель, поедешь со мной?

– Конечно, сто лет на рыбалке не был, а на чем ехать?

– Ну, ты с лошадьми как?

– Вообще никак.

– М-да... ну можно тогда на твоей машине, я знаю одну дорогу, потом все равно через бурелом пешком, а там и через пару километров перекаты.

– Ну давай так, а что с собой брать?

– Снасти, ружье и чего теплого одеть и на чем поспать, остальное там у меня есть. Вот еще что, ты дрова на зиму запастись собираешься? А то у нас есть деляна в распадке, ну или угля, можем съездить в Лесной, я покажу, с кем за уголь договориться.

– Да договорился уже, – улыбнулся я и разлил еще четверть, – может, добавки?

– Супа-то? Давай, очень даже, я тебе скажу. Где научился-то?

– Да я же холостяк, сам себя все время кормил, вот и научился.

– Понятно.

Мы еще немного поболтали, и Василий, взглянув на часы, засобирался.

– Ладно, Серега, пойду потихоньку, – сказал он, напяливая на голову налобный фонарь, – короче, я завтра к полудню пойду картоху копать, ну и ты давай, прицеп вон свой прицепляй и подъезжай.

– Договорились.

– Ну бывай, пойду я, – хлопнув меня по плечу, сказал Василий и, дойдя до калитки, обернувшись, добавил, кивая в сторону соседнего дома: – И это, Светку нашу не обижай.

– Не буду.

– Во-о-от, – он согласно кивнул и, пошатываясь, побрел вниз по дороге.

Закрыв за ним калитку, я подождал, пока Бимка «вернется из туалета», и мы прошли в дом. Подкинув поленьев в печь, убрав со стола, помыв посуду и задув керосинки, я лег спать. Вот такая она жизнь здесь, встало солнышко – деревня проснулась с петухами и за работу, село солнышко – поужинали и спать... Благодать.

2 октября, д. Сахарная

Ночью начался дождь, хороший такой, плотный, с громом и молниями. Вчера весь день тучки бегали по небу, а ночью вот разродились. Открыл глаза – темно. Протянул руку к тумбочке и включил светодиодный светильник. На часах 3:00, Бим поднял голову, посмотрел на меня, потом свернулся калачом и опять удрыхался. Сон прошел, и я решил попить чаю, расшевелил угли в печи, подбросил дров и поставил чайник на плиту. М-да, как-то не экономично получается, согреть стакан чая и столько дров палить. В мастерской, конечно, лежит портативная походная китайская газовая горелка и пара упаковок баллончиков, но как-то несерьезно это. В район надо бы наведаться все равно, там в хозмаге продавались вроде и печки, и редуктора к ним, и баллоны большие на 50 литров – вот это самый вариант. В чайнике вода была уже кипяченая, и поэтому я не стал дожидаться, когда закипит опять, а снял чайник в состоянии «горячий», кинул в кружку пакетик и залил водой. Сел у окна с кружкой и жменькой карамелек, пытаясь рассмотреть, что там снаружи, не видать ничего, только вспышки уходящей грозы иногда освещают склоны сопки. И надо что-то думать с освещением, а то ночью приспичит «по большому» и беги по темноте в дальний угол огорода. Я поставил «галочку» себе насчет газовой плиты и освещения. Завтра же, то есть уже сегодня, картошку копать, а мешки? Вроде в погребе у тумбочек какие-то мешки были и мотки брезента. Допил чай, зажег керосинку и полез в погреб. Нашел несколько плотно увязанных свертков с мешками, у некоторых были подопревшие края, решил развернуть все свертки и выбрать целые мешки. Более-менее целые на вид я откладывал в сторону. Разворачивая очередную вязанку мешков, что-то плюхнулось на пол, я присел и поднял небольшой, но тяжелый сверток в промасленной бумаге. Развернул... как интересно, внутри были пять таких «мини-бандеролек» – упаковки винтовочных патронов 7,6254, по десять патронов в каждой бумажной бандеролке, перевязанной на посылочный манер толстой грубой ниткой. Интересная упаковка, наверное, что-то из старых запасов, и из чего, интересно, этим стреляли, неужели из «мосинки»? Так, поищем. Я сбегал наверх за мощным диодным фонарем и принялся двигать тумбочки, отодвигать деревянные и всякое старое барахло, в поисках возможного тайника, но безуспешно. А может, и нет ствола, уехал он вместе с Петром Ивановичем в город Владивосток. Ну и ладно, а то раскатал губу на нелегальный ствол. Завернул обратно все патроны в бумагу и бросил в коробку с несколькими кусками старого хозяйственного мыла. Но мысль о возможном наличии в доме хорошего нарезного ствола удобно расположилась в закоулках мозга, надо будет у Василия спросить, охотился ли Иваныч и с каким ружьем.

Завернул подобранные мешки в брезент, вылез наверх и закрыл погреб. Решил сварить каши собаке на весь день, Бим продолжал дрыхнуть, но как только я достал из коробки банку тушенки, он не шевелясь начал интенсивно размахивать хвостом, потом потянулся, припадая на передние лапы, и подбежал ко мне, вроде как участвовать в процессе. Потом, пока еще не рассвело, я затеял небольшую постирушку, натаскав и нагрев воды. Покормил птицу и собрал уже накопившийся мусор в мешок. Занимался по хозяйству, пока не услышал рев и грохот подъезжавшего МАЗа с углем – наследие СССР, как он еще ездит... вообще не понимаю.

– Куда ссыпать-то, хозяин? – перекрикивая тарахтящий двигатель, спросил меня водитель, когда я вышел к нему.

– Проезжай выше, заворачивай и до конца забора к туалету, я там сейчас открою.

МАЗ, громко хрустнув коробкой и выпустив клубы черного дыма, тронулся с места, а я побежал открывать секцию в заборе. Управившись с разгрузкой и попрощавшись с водителем, который, как и предупреждало его начальство, пытался кланяться на опохмел, я принялся закрывать короб, перекидывая лопатой просыпавшийся уголь. Поднял и закрепил все стенки короба, накрыл всю конструкцию кусками старого линолеума, которые лежали рядом и, видно, для этого и предназначались.

К полудню, как и договорились с Василием, я приехал на картофельное поле. Мне показали теперь уже мои рядки по принципу «от сих до сих», и я, взяв вилы, принялся копать.

После дождя земля была мокрая, и копалось тяжело. А сейчас на небе ни облачка, и светило теплое приморское солнце – бабье лето, только как-то растянулось оно, да и хорошо. Высыпал выкопанную картошку на дно прицепа, таская то, что накопал, ведрами. В процессе работы люди украдкой поглядывали на меня и перешептывались, и периодически, вероятно услышав, о чем шепчутся, Василий показывал кулак двум совершенно необъятным женщинам «бальзаковского возраста». К вечеру уже все перезнакомились, и одна из «двух необъятных», которая представилась как Лидия Матвеевна, травила «бородатые» анекдоты и сама же с них очень громко смеялась.

– Ладно, на сегодня хорош, наверное, – сказал подошедший ко мне Вася, – погода еще постоит недельку-другую, так что успеем.

– Так а что тут успевать, мне вон на полдня работы, наверное, осталось. Завтра и закончу.

– Ну да, Николаевна много не сажала, себе два-три мешка, да на продажу столько же.

– Вась, я спросить хотел, а Петр Иваныч с чем охотился?

– Ну известно с чем, с тулкой курковкой, да и... – потом хитро посмотрел на меня и спросил: – Нашел карабин, что ли?

– Нет, не нашел, патроны винтовочные нашел.

– Ну найдешь, на видном месте ищи. Был у него карабин Мосина кавалерийский, уж не знаю, где он его взял, но факт, был.

– А ты откуда знаешь?

– Так а чего мне не знать-то, я ж тут участковым пятнадцать лет отработал. А потом как подстрелили, уволился по здоровью и тут «корни пустил».

– Подстрелили?

– Да было дело, на пару с егерем с Лесного браконьеров гоняли, ну и напоролся. Да дело прошлое. В общем, был у старика карабин, а Михалычу он только тулку отдал, значит, карабин где-то припрятал.

– Ясно, ну поищу еще повнимательней, хороший, наверное, аппарат.

– А то! Мосинка же, правда на полкилометра кучность, не та уже, как у полноценной винтовки, а тут у нас и не чистое поле, негде тут на полкилометра стрелять.

– Ну тоже верно, – согласился, укладывая в прицеп ведра и вилы.

– Может вечером по пять капель?

– Васька! А ну не спаивай мужика, – закричала Матвеевна, – ишь, я вот Надежде скажу.

– Матвеевна! Тебя подсматривать поставили, а ты подслушиваешь! Нечего влезать, когда мужики разговаривают.

– Ой, поглядите, бабоньки, мужики... Будешь частить с выпивкой и не мужик уже будешь. Мало нам, что ли, «трактористов».

– Что за трактористы? – спросил я у Василия.

– А вон внизу у реки видишь дома? Живут там несколько эм... личностей, не живут, а так, доживают, ни хозяйства толком, ни хрена. Старшой у них был Андрей, раньше трактористом тут работал, да спился и сгорел. Еще два брата осталось да несколько пришлых каких-то. Как живут, на что – непонятно. Так иногда попросят к кому подработать за еду да выпивку. Проблем от них особо нет, но мне они не нравятся, ожидать чего угодно можно. Прошлым летом с одного двора корова пропала, ну доказать ничего смогли, видать, в лесу разделали и припрятали. В общем, эти как их... ммм... а! Асоциальные элементы, вот. А весной к ним еще двое прибилось, зэка стопроцентные. Ну Михалыч-то добрая душа, пусть живут, говорит, пока худого не творят.

– Ясно. Ладно, покатыл я к себе.

– Давай, я мож заскочу, если время будет.

– Заскакивай.

Я завел машину и потащил прицеп с урожаем к дому. Заехать задом во двор получилось уже лучше, поерзал взад-вперед всего пару раз. Бим весь день носился как угорелый, то фазанов по склону гонял, то соседского Бабая доставал, просочившись через дыру в заборе. Бабай не обращал на него никакого внимания и лежал у будки, подставляя то один бок, то другой теплому, пригревающему солнцу. Увидев, что я уже во дворе, Бим «бросил все дела» и, радостно виляя хвостом, крутился уже около меня.

– Пойдем, собака, поедим чего-нибудь.

Сыпанув в миску сухого корма, я поставил греться ужин, поел. Сходил за углем, притащил пару ведер и поставил у печи. Накормил кур. Потом отправился в баню, сильно топить не стал, просто чтобы в казане воду нагреть да обмыться, а то весь чухаюсь после утреннего угля и сбора урожая.

Неделя пролетела очень быстро. Занимался хозяйством – докопал картошку, просушил, отобрал семенную и на поесть и опустил в погреб; навел порядок в огороде, то есть убрал всю траву, поправил грядки; растянул освещение, приспособив несколько автомобильных лампочек и один из запасных аккумуляторов; съездил еще раз в район, купил два баллона газа, двухконфорочную плитку и шланги, примостив баллоны на улице в сколоченном ящике, протянул в дом шланг и подключил к плитке, также привез еще запас топлива и провианта. Аслан, как и обещал, прислал Кам АЗ горбыля, и я полдня сортировал его и пилил бензопилой, чтобы аккуратно сложить за баней, где потом пришлось еще делать небольшой навес. Сходили с Василием на рыбалку, половили форели, он мне показал, как ее разделявать и солить. В общем, моя новая жизнь начала входить в определенное русло, и самое главное, я начал ощущать какое-то душевное равновесие и даже сделал несколько карандашных набросков «вида из окна», получилось вполне симпатично. А еще в гости заходил Михалыч, уходя уже по темноте, он очень озадачился, когда я включил «свое освещение».

– Сергей, а ведь есть у нас станция дизельная, только надо перебрать ее, проводов найти, «пасынки»-то вон торчат по дороге, можно было бы освещение восстановить да давать на пару часиков по вечерам, хоть новости какие посмотреть или послушать, да и старухи наши, может, какой концерт посмотрят.

– Можно, я только за, давай собирай команду, сядем, спланируем, задачи нарежем и займемся.

– Договорились.

В выходной заходил Василий и просил свозить его в район, к какому-то знакомому за запчастями к его «шишиге». Я согласился, все равно надо дозвониться до Мишки и попросить кое о чем. Решили в понедельник с утра выехать.

10 октября, д. Сахарная

Всю ночь был жуткий ветер, завывало и громыхало так, что я начал беспокоиться за свой хилый навес, что соорудил для дров за баней. Но к утру затихло, вышел во двор убедиться, что ничего ветром не унесло, за исключением маленького окошка на фронтоне, оно открылось и повисло на одной петле. А на чердаке-то я еще не был, собирался слазить посмотреть, да все некогда было. Поставил на плитку чайник и, пока закипает, решил слазить и отремонтировать окошко, а то еще свалится на голову, и ходи потом улыбайся всю оставшуюся жизнь. Вооружившись инструментом, жменькой гвоздей и приставив лестницу, я забрался на чердак. Вот, а печную трубу-то подмазать надо, да и некоторые листы шифера с трещинами. Ясно, и тут дел – непочатый край. Между стропилами на натянутой проволоке висят заготовленные хозяйственным Петром Ивановичем веники для бани. Стопка небольшого размера стекол и заготовки какой-то столярщины – в небольшую стопку бруски с нарисованными карандашом контурами чего-то для меня непонятного. Повертел одну заготовку, вероятно, не состоявшаяся

ножка стола или стула, и, укладывая ее на место, уронил. Брусок укатился в самый угол крыши и уперся в еле заметный брезентовый сверток. А это что? И подтащив к себе сверток, я уже догадывался, судя по весу и характерным силуэтам, что это и есть тот самый карабин Мосина. Развернул... это же целая эпоха, Калашникову такое и не снилось, хотя «калаш» – тоже эпоха, но другая. Взял оружие в руки, в длину метр, не больше, дерево местами подплесневело, а ствол также в некоторых местах пошел ржавым налетом, но затвор подался легко, внутри чисто, я заглянул в ствол, его будто залили очень плотным и вязким маслом каким-то. Ладно, вечером займусь, свернул все обратно – карабин, три кожаных подсумка, масленка и набор для разборки и чистки. Вот так раритет, думал я, прибывая на место петлю от окошка, почищу, помою и стрельну, аж руки чешутся. Я вообще к оружию без маниакальной привязанности, но именно этот карабин как-то разбередил душу, наверное, на генном уровне, по отцовской линии, казачьи корни как-никак. Вот и этот карабин, возможно, был оружием какого-нибудь красного кавалериста, а может, какой-нибудь вертухай ГУЛАГа, одной из некогда в превеликом множестве разбросанных по Приморью зон, охранял с ней политзаключенных. Одно слово – эпоха. Закончил с окошком и спустился вниз. Карабин сунул под топчан, «подожди, дружище, вечером приведу тебя в порядок». Чайник уже семафорил мне вырывающимся паром из носика, все-таки газовая плитка, быстро закипел.

– Хозяин, открывай, – послышался голос Василия с улицы.

– Открыто.

– Привет, ну что, планы не изменились? Едем?

– Да проходи, сейчас поедем. Завтракать будешь?

– Завтракай, я уже, а тебе вот к завтраку, – ответил Вася и поставил на стол тарелку с пирожками, завернутую в полотенце.

– Спасибо, – ответил я и сразу взял еще теплый пирожок, – Надежда твоя расстаралась?

– Ага, дожدهшься от нее, это соседка твоя расстаралась, корову выгоняла со двора, меня увидела, а к кому я здесь могу идти, только к тебе, подожди, говорит... ну встал и жду, а она вынесла это и говорит, чтоб тебе отнес. Ты это, проявил бы уже хоть какой знак внимания к женщине, – ответил Вася и хитро подмигнул.

– Так, а... я... как-то и не давал вроде повода...

– Хм... не давал он повода, мужик холостой, хозяйственный, на рожу, конечно, не Бельмондо, но сойдет. Не теряйся, короче.

– Вась, давай я сам как-нибудь разберусь, а?

– Конечно, сам, только резину-то не тяни, перегорит баба и потом на выстрел не подпустит.

– Да что вы сговорились, что ли, и Михалыч тут намеками замучил на днях.

– Ладно, завтракай да поехали.

– Поехали, – ответил я, подхватив сумку с ноутбуком и телефоном.

Спустя три часа мы были уже в райцентре, я высадил Василия у какого-то дома, и договорились, что через пару часов его заберу здесь же, а сам поехал еще закупиться по хозяйству и набрать в канистры солярки. В супермаркете банкоматы опять меня «послали», расплатился наличкой. Интересно, эти банкоматы когда-нибудь работают? Недалеко от рынка я увидел знакомую вывеску и припарковался у отделения «Сбербанка».

– Добрый день, девушка, а можно с карточки денег снять и баланс проверить, а то как ни приеду, банкоматы не работают.

– Здравствуйте, а банкоматы уже пару недель не работают, давайте карту.

Я подал ей карту, она постучала по кнопкам на компьютере.

– Сколько снимать будете?

– Да пять тысяч сниму, только можно купюрами поменьше?

– Можно, пин-код вводите, – ответила кассир и подала мне консоль.

– И чек с балансом, пожалуйста.

– Пожалуйста, – она вернула мне карту и чек, посмотрев на который, я понял, что никаких «новых» денег на карту не перечислялось.

Поблагодарил кассира и вышел на улицу, напротив сберкассы была какая-то закусочная с претензией на ресторан, и я решил перекусить и позвонить Мишке.

Заказав пельмени, салат и чай, набрал номер Михаила.

– О! Наконец-то! Дауншифтер наш объявился.

– Может, и шифтер, но пока еще не совсем даун, привет, Миша.

– Рад тебя слышать, старик, как устроился? Все нормально? Пытался несколько раз дозвониться до тебя, так бесполезно, как я понял.

– Да, Миша, бесполезно, глушь та еще. Нормально устроился, мне нравится. Как там цивилизация?

– Да какая нахрен цивилизация, у этой цивилизации вечно не понос, так золотуха. С электронными переводами какие-то проблемы, вот как ты уехал, так примерно и началось. То со связью, то с инетом, то свет на полдня рубанется. Ну вроде, говорят, какие-то вспышки там супер-пупер на солнце, так всегда на солнце вспышки. В общем, наверняка чью-то безалаберность на солнце сваливают. Денег я тебе перевести так и не смог, правда, старик, фигня какая-то с переводами, банк платежки раз в неделю отправляет.

– Да, я тут в райцентре пытался с банкоматами договориться, так они ни в какую.

– Вот, а я что говорю. Так, а ты что нуждаешься там в чем, давай поможем, я тебе налика подкину в счет погашения долга.

– Давай в счет погашения, только не налика.

– А чего?

– Снаряжай, наверное, «бычка» нашего, бери ручку и записывай, что мне надо...

– ...ни хрена себе, Серый, ты там что, контору какую открыть решил?

– Зачем, нет, просто восстановить надо кое-что.

– Так оно хоть отобьется, имеет смысл?

– Имеет, Миша, имеет, но не отобьется.

– Так а зачем тебе этот альтруизм?

– Миша, ты не поймешь, просто сделай, как прошу.

– Хорошо, а трактор?

– А что трактор?

– Ну я же не шарю.

– Есть такая контора «Сумотори».

– А, знаю.

– Ну помнишь менеджера Пашу?

– Это горбатенький такой?

– Точно, вот к нему и обратись, он сообразит, скажи, что нужен мини-трактор фермеру.

– Хорошо, постараюсь, но быстро не обещаю, не раньше пятницы, все же еще набрать по твоему списку надо. А как добраться-то к тебе?

– А я тебе на почту скину картинку с яндекс-карт, доберетесь.

– Давай, жду. И я, наверное, сам к тебе приеду, может, понравится, баня-то есть?

– А то! Есть, не хоромы, конечно, но вполне.

– Ну давай, старик, жду почты от тебя, до встречи.

– Пока.

Перекусив, я вернулся в машину и подключил «мегафононский» модем к ноутбуку. Быстро продублировал список заказанного Мишке и скинул карту с маршрутом. Интернет работал, кстати, поганенько.

Подобрав радостного Василия, который накидал мне в машину кучу железа – крестовины, подшипники и всякое по мелочи, мы покатали обратно.

По дороге обратно я спросил Василия:

– Вась, а где бы винтовочным патроном разжиться? Я б прикупил, если есть у кого.

– Нашел, значит?

– Ага, нашел, на чердаке, надо только в порядок привести.

– Хорошо, подкину я тебе цинк.

– Ого, и часто ты так цинками барыжишь?

– Так и не барыжу я вовсе, просто для хорошего человека не жалко, – ответил Вася.

– Договорились, а что взамен?

– Эм... я тут слышал, вы с Михалычем задумали электричество восстановить?

– Ага, есть такая задумка.

– Ну вот, значит, я первый на очереди в дом свет подать. А то Надежда как услышала эти сплетни, так телик два раза на дню протирает и пилит и пилит меня, поговори, мол, с Сергеем, чтоб нам пораньше свет дали.

– Заметано, будет вам «лампочка Ильича», только я собираюсь к этим восстановительным работам тебя тоже привлечь.

– Да я за любой кипеж, кроме голодовки, а это же такое дело... ого-го, лет десять точно уже как электричества нет, – ответил Вася, эмоционально размахивая руками.

В Сахарную вернулись около пяти вечера, и, высадив Васю, я поехал домой. Бимка лежал в недавно сколоченной будке, пристегнутый на цепь. Увидев меня, открывающего ворота, он один раз вильнул было хвостом, но потом демонстративно отвернулся. Обиделся, характер показывает. Не понравилось ему выселение на улицу, ну да пусть привыкает, а то разнежится, охотничья собака все же, а не болонка какая. Разгрузив машину, принялся за кормление сначала живности, а потом себя. Пока еще тепло и светло, заняться приведением в порядок карабина решил на улице, а то еще провоняет дом соляжкой, которую я налил в оцинкованный таз, и уселся на крыльце. Развернул брезент и достал карабин, открыл затвор и, удерживая спуск, вытащил его. Ага, помню... Все-таки зря сейчас нет в школах НВП, мы же на этих занятиях с чем только ни возились, «мосинку», ППШ, 47-й «калаш»... все по много раз через руки проходило, ну кому интересно, конечно, было, мне было интересно, да и большинству тоже. Затвор бросил в таз – пусть откисает, снял кольца, фиксирующие ложе, и накладку, с трудом, но открутил болт, фиксирующий ствол и ложе. В стволе что-то непонятное и вязкое залито, вроде масло какое-то. В общем, дотемна не успел, и пришлось перебираться в дом, включил верхний свет и расположился на кухонном столе, в принципе осталось все протереть и собрать. Судя по клейму, кстати, карабин 1940 года, но он в идеальном состоянии, правда если не обращать внимание на приклад и ложе, по уму бы новое лучше. Я вертел в руках собранный карабин, весь собой довольный, когда во дворе залаял Бимка, но быстро успокоился, я встал и открыл входную дверь.

– Вот он у тебя собака-убийца, ага, залижет до смерти, – сказал Василий, сидя на корточках и теребя собаку меж ушей, а Бим его нализывал на радостях.

– Да отцепляй его, пусть побегает... Заходи.

Василий отцепил карабин от ошейника и пошел к дому, а Бим аж с пробуксовкой стартанул куда-то в темноту огорода и, через несколько секунд появившись из темноты, подскочил к Васе, лизнул руку и унесся опять.

– Вот шило в жопе, – сказал Василий, проходя в дом.

– Да засиделся за весь день на цепи, а тут ты, весь такой спаситель.

– Ну етить-колотить! Блестит, как у кота шары, – сказал Василий, увидев карабин, – ну точно он и есть. Стрелял уже?

– Не, только закончил с ним, завтра по светлому стрельну с утра.
– Патронов я тебе подкину, как и обещал, только мне за ними сходить кое-куда надо.
– Хорошо, мне не горит, жменька есть пока патронов.
– Я что пришел-то... я ж «шишигу» сделал, есть повод обмыть.
– Сопьюсь я тут с вами.
– Да мы так, без фанатизму, обмозговать надо кой-чего, сейчас и Михалыч подойдет.
– Ясно, тогда на стол чего-нибудь соберу на закуску, – ответил я, убирая карабин и оружейные причиндалы со стола.

Минут через десять и Михалыч подошел. Мы уселись за стол, и Михалыч сказал:

– Ну, дизелем завтра займутся, думаю, переберут мужики с Лесного без проблем, я посчитал тут, столбов надо не меньше полста, только как мы их без крана к пасынкам-то вязать будем?

– Кран будет в выходной.

– О как, откуда? – удивился Михалыч.

– А ко мне друг в гости приедет, и совершенно случайно на машине, где есть кран-манипулятор, – ответил я, улыбаясь.

– Ну значит, и столбы будут, отряжу народ на деляну завтра, пусть пилят. А тебе возить, – обратился он к Васе.

– Да повозим потихоньку, трос на удавку и за фаркоп.

– Ага, и сразу раскладывай их у пасынков.

– Понял, – кивнул Василий.

– Теперь самое главное, провода и светильники.

– Это все будет, тоже в выходной, я уже заказал.

– А рассчитывать как? Надо ж было посоветоваться сначала, Сергей, что ж ты... а вдруг они местную валюту не возьмут?

– Ну самогоном-то они точно не возьмут, – рассмеялся я, – да у меня во Владивостоке остались кое-какие долги, в смысле мне должны, вот в счет этих долгов и заказал.

– А, ну хорошо, коли так, – кивнул Михалыч, потом как-то вопросительно посмотрел на Василия, и тот одобрительно кивнул. Тогда Михалыч запустил руку в карман, достал папиросу, спички и зажигалку, подкурив от зажигалки, он положил коробок на стол и, пододвинув ко мне, сказал:

– А кто тебе сказал, что местная валюта это самогон? – и указал глазами на коробок.

Я взял ощутимо тяжелый коробок и открыл... золото... три маленьких самородка в форме расплюснутой капли, общим весом грамм на сорок.

– Очень интересно... вы это лучше не показывайте никому из чужих, – ответил я, положив коробок на стол, – а то сметут тут всю деревню бульдозерами за неделю и прииск откроют.

– Так а мы только своим и показываем, а прииск... так он и так тут есть, только заброшенный еще в семидесятых годах, километрах в десяти отсюда на север, вот там по реке самородки и попадаются.

– Все равно, осторожно надо.

– А мы осторожно, да и знают про это не много народа, и доберется туда не каждый, таежной тропы-то не знаючи.

– Понятно, давайте от презренного металла вернемся к более приземленным, но светлым во всех смыслах делам. Например, по топливу надо запас сделать.

– Можно через Аслана купить, у него брат младший в районе что-то с топливом мутит.

– Это который хозяин цеха в Лесном? – поинтересовался я.

– Угу, – кивнул Вася, подрезая сало в тарелку, – он, можно сказать, всего Лесного хозяин, все на нем держится. Брат его младший, конечно, весь на понтах и с бандюками якшается, а сам Аслан мужик правильный, я еще «на земле» работал тогда, в девяностых. Ну у нас в Лесном

опорный пункт был, приехал этот Аслан с семьей как беженец тогда, заселились в барак всем табором. Брат его младший, Ильхам, сразу как-то с земляками в районе крутиться начал, все по сводкам и ориентировкам мелькал, времена, конечно, были... ух...

– Да, я помню эти времена «ух», – кивнул я, разливая самогон по стаканам.

– Так вот, – продолжил Вася, звякнув по нашим с Михалычем стаканам и замахнув, – а Аслан как-то тихой сапой пристроился на лесопилку, которая уже «чуть жива да тепла» была, разваливалось все тогда да приватизировалось. Ну и он, в общем, умудрился эту лесопилку удержать, и станки подремонтировал, народ набрал, за пьянку сразу пинком под зад выгонял, в общем, держится там за него народ и уважает.

– А младший что?

– Ильхам-то? Так в районе корни пустил, тоже какой-то бизнес по топливу да машинам.

– Ясно, значит, топлива можно купить?

– Да купить-то можно, как возить-то во что? Ну есть у нас старая емкость под топливо тонн на пять, и все... – задумчиво произнес Михалыч.

– Я по трассе видел, бочки продают пластиковые, – набивая трубку, ответил я, – вон к Васе на «шишигу» и наливай, потом на хоздвор, где станция, можно их скатить аккуратно по направляющим.

– Согласен, можно и так.

– Ну значит, до выходных планы такие, – подвел итог Михалыч, – пилим лес на столбы, вы за топливом и бочками давайте, сразу запас сделаем, потом бокс, где дизель стоит, надо отремонтировать, ну стены поправить да крышу перекрыть. Поговорю с «трактористами», пусть тоже поучаствуют.

– Ага, ты им только после работы наливай, – буркнул Вася.

– Ну это понятное дело. Ну что, по крайней, да чтоб не последняя, и расходимся?

– Наливай, – обратился ко мне Василий и подставил стаканы.

Наутро мы с Василием укатали за бочками и договариваться насчет топлива. Василий всю дорогу рассказывал про свой вездеход, как он на нем «и Крым и Рим» прошел. На трассе, недалеко от райцентра, нашли мужиков, которые с бортового КамАЗа продавали пластиковые бочки... или полиэтиленовые, нагрузили их в кузов, парочку и себе прикупил, закрепили и покатали в райцентр искать Ильхама. Ну собственно, искать его долго не пришлось, он был в своей автомастерской, подъехав к которой, Василий вышел из машины и разговаривал с Ильхамом сам, я сидел в кабине и пытался настроить автомагнитола, прикрученную к потолку к кабине, но безуспешно, сплошные помехи и пара китайских станций. Потом я включил телефон и хотел позвонить Михаилу, уточнить в силе ли наши планы, но у меня видел SMS-сообщение: «Старик, думаю, я тебе угодил, в субботу сам увидишь, к обеду будем», ну и перезванивать не стал. Вернувшись, Василий сообщил, что все складывается более чем хорошо, Ильхам собирается проведать брата и пригонит к концу недели машину с топливом – военный КамАЗ, который сразу может и отправить к нам в Сахарную сливаться, а Михалыч съездит и рассчитается заранее с Асланом, сумма озвучена.

До конца недели практически вся деревня трудилась на общее благо, прямо колхоз «Светлый путь» какой-то. Я вообще думаю, что если бы коллективизацию сделали добровольной в свое время и не лишили людей понятия частная собственность, то у строителей коммунизма было бы гораздо больше достигнутых целей... хотя, конечно, можно и под присмотром НКВД нагнать армию заключенных и прокопать, к примеру, Беломор-канал. В общем, лес на столбы пилился, старый гараж на хоздворе ремонтировался и утеплялся, и даже «трактористы», точнее один из братьев вызвался быть бессменным дежурным на будущей электростанции, «за еженедельный паек». Михалыч согласился, ведь Андрей – так звали одного из братьев, мозги еще совсем не пропил, и в дизеле разобрался, и с электричеством «дружил».

Старенький двухсоткиловаттный дизель ЯМЗ запустили в пятницу под всеобщее ликование и улюлюканье, что позволило сразу подключить сварочный аппарат и выполнить кучу необходимых работ. От Ильхама приехал топливозаправщик и слил восемь тонн солярки в емкость и бочки, для них сделали навес. Неделя закончилась очень продуктивно, и Василий пригласил к себе баню.

Вечером в пятницу я, Михалыч и Федор-кузнец, который в середине недели вернулся с еще двумя семьями с пасеки, здоровенный мужик, не высокий, но в дверь проходит только боком, собрались в бане у Василия. Конечно, эта баня не чета моей, большая, светлая, пар отличный. Напарились мы, конечно, до слабости в ногах, а потом у Василия дома сели ужинать. Было весело, Федор при всей своей внешней суровости оказался жутким хохмачом с заразительным смехом. И на каждый случай у него был подходящий анекдот, а еще он пословицы переделывал, соединяя начало и конец разных пословиц, смешно получалось, к примеру – «век живи, век учись, и один хрен чуть свет и на работу». Его возраста я так определить и не смог, но судя по возрасту его детей, примерно под полтинник, хотя выглядит не более чем на сорок, а если еще сбрить бороду и усы, то наверное, еще моложе будет выглядеть. Неприятности случились, когда уже стемнело и в самый разгар веселья... Дерсу, так звали Васиного кобеля сибирского хаски, начал скрести лапами пол, сначала в одном месте, потом во втором, затем подбежал к двери и начал ее скрести и скулить. Василий открыл дверь и выпустил на улицу собаку со словами:

– Ну иди, тебе что, приспичило, что ли?

Собака выбежала во двор и завyla, да так жутко, что желудок подвело. С постепенным нарастанием по всей деревне начал раздаваться скулеж, лай и еще куча непонятных звуков. Мы все, переглядываясь, не понимали, что происходит, хмель прошел как-то на раз. А потом, как бы набирая силу, еле ощущаемой вибрацией земли толкнуло так, что все потеряли равновесие, потом еще... и еще... толчки были очень сильные. По печи пошли трещины, а рамы треснули и посыпались стекла, сруб дома начал ходить ходуном.

– На улицу, живо! – вывел всех из оцепенения громкий голос Михалыча.

Мы все выбежали во двор, зверье затихло и толчки тоже.

– Землетрясение, похоже, – сказал я.

– Похоже, – согласился Михалыч, – и похоже, не слабое такое.

– Интересно, еще будут толчки? – спросил Федор.

– Ну давай постоим, перекурим да подождем, – ответил Василий, доставая пачку сигарет.

И только он подкурил, как гул земли опять начал ощущаться. Толкнуло сразу и сильно. Аккуратно сложенная у забора поленица, качнувшись, завалилась.

– Твою мать! – сказал я и непроизвольно встал на четвереньки, чтобы не упасть.

Все снова затихло. И только где-то наверху деревни послышался громкий шорох, как будто кто-то сыпает из гигантского кузова большую кучу щебня. А где-то внизу у реки что-то скрежетало и рушилось.

– Ну вот и мосту хана, – сказал Михалыч, сидя на земле.

– Да... не мост, а название одно, не жалко, – ответил Федор.

Потом характер толчков изменился, теперь они шли не из-под земли, а в бок, как будто вагон метро разгоняется... раз толчок в сторону... второй, еще сильнее... от третьего я чуть было не упал, сел на задницу и схватился руками за ствол растущей во дворе сливы.

– Мужики... на небо гляньте, – произнес кто-то.

Я поднял голову и увидел, как Луна и все звездное небо смещается куда-то на северозапад, потом еще пара толчков и все остановилось. Луна сместилась градусов на 40–50 примерно, а потом исчезла за сопками. Все затихло... Но не надолго. Птицы. Они вроде спать должны, но они, сбившись в стаи и стайки, крича метались по небу... жуткое зрелище.

– Читал я где-то про вот такой «сценарий», – почесывая бороду, задумчиво сказал Федор.

- Сценарий чего? – спросил Вася, приглядываясь к перекошенной бане.
- Ну этого... апкак... армаг... тьфу мля, конца света, короче.
- Удивил... у нас тут свет еще в прошлом веке кончился, – пошутил Михалыч, вроде как пытаюсь разрядить обстановку.
- Не смешно, Михалыч, – все так же почесывая бороду, ответил Федор, – следом за таким вот поворотом, по идее, должна волна пойти.
- И большая?
- Не помню, вроде большая.
- Ладно, мужики, пойду я... у себя все проверю, – стал собираться я.

Бимка чуть ли не на руки мне запрыгнул, видно было, что щенок очень напуган, отцепил его на всякий случай, еще что-нибудь свалится на будку и придавит. Из головы не выходила фраза про волну, включил «верхний» свет и поставил греться чайник. Начал прокручивать в мозгах произошедшее, особенно врезалась в мозг фраза Федора про волну...

...и она пришла. Темная, громкая, бурлящая... ломая вековые сосны в распадках, вставая в верхушках деревьев «коброй из пены» и вырывая многотонные валуны из земли... Слушая нарастающий шум, я выбежал во двор, рядом с пикапом стояли четыре пластиковые бочки, такие же, как мы с Василием покупали для топлива... голова была пуста абсолютно... одна мысль «спастись»... и сразу ответ – «зачем? для чего?» И тут меня как-то толкнуло: «Светлана!» Перекинув пару пластиковых бочек через забор и схватив с крюка у ворот моток веревки, я следом за бочками сиганул через забор во двор к соседям. Светлана стояла с фонарем в руках во дворе и лучом пыталась высветить то, что происходит в низу деревни.

- Дети где? – практически заорал я на нее, схватив за плечи.
- Вон на веранде.

Мальчишки-погодки сидели на лавке на веранде и испуганно прислушивались к происходящему.

- Ну-ка, пацаны, живо сюда!

Хватанув ножом, который уже привычно болтался в ножнах на поясе, два куска веревки, я привязал мальчишек к одной из бочек, цепляя веревку за технологический отлив одним концом, а вторым обхватив за пояс каждого. То же самое повторил со Светланой, которая покорно наблюдала за моими действиями и не сопротивлялась, и лишь когда я, связав ее бочку и бочку детей вместе, вложил ей в руки нож со словами «если что, режь веревку», она с глазами, полными слез и ужаса, спросила:

- А ты?

– Нормально все будет! – ответил я и перемахнул через забор, уже спиной ощущая холод приближающейся волны.

Только и успев на бегу дернуть из штанов ремень, и просунув его также в отверстие отлива одной из бочек, а затем намотав на руку, я ощутил очень сильный удар в спину... холодно... мокро... страшно, очень страшно... мгновенно заложило уши... кувыркаясь под водой вокруг бочки, я пытался определить свое местоположение в пространстве и, уже выпуская из легких последние остатки воздуха, я обо что-то сильно приложился головой и отключился...

После волны. День 1-й

Пришел в себя от боли, дикой боли в затылке. Еще затекла рука, на которую был намотан ремень. Висел я в ветках огромного дуба на высоте примерно два метра, бочка также зависла чуть выше меня, застряв в ветках. Огляделся... метрах в пятидесяти вниз скала, дальше по распадку бурелом из недавно поваленных волной деревьев, кустарник и везде много веток, разных поломанных веток. Кое-как освободив онемевшую руку от ремня, я попытался спу-

ститься вниз, голова резко закружилась, и я, потеряв равновесие, свалился вниз, сопровождая свой «полет» трехэтажным матом. Ну вроде не зашибся сильно, рука, зараза, ни хрена не чувствует и побелела. Еще не хватало без конечности остаться. Я встал и начал вращать рукой, чтобы кровь прилиwała к сосудам и капиллярам. Вроде начало ощущаться легкое покалывание в кисти, и я уже осознанно пошевелил пальцами... наконец-то.

Солнце светило очень ярко, и было ощутимо жарко. Парит, очень сильно парит, но водоемов поблизости не видно. Так, для начала вернуть ремень на место, а то, видать, переволновался и ощутимо похудел, штаны бы не потерять. Влез на дерево и спихнул вниз бочку. Вернул на «штатное» место ремень, что дальше... теперь провести ревизию по карманам. Что мы имеем? А собственно, почти ничего и не имеем – булавка, от сглаза, в поясе штанов, зажигалка, связка ключей, кроссовки, джинсы, толстовка и кожаная куртка. О! в кармане куртки перочинный нож... ну уже что-то. А то я же не зверь дикий, когти и клыки отсутствуют, во всяком случае пока, и наличие даже восьмисантиметрового лезвия уже радует. Так... а припекает очень даже, градусов тридцать, не меньше... Снял куртку и замотал ее рукавами на поясе... ерунда какая-то, осень же на дворе была, октябрь. Ага, а повернувшийся небосклон? Точнее, небосклон на месте остался, а вот «шарик» наш повернулся, это к бабке не ходи. И волна нехилая прошла, в основном ударяясь в хребты и уходя распадками, конечно, вот видать, деревеньку нашу по склону и смыло, значит, то, что смыло, надо искать в Лесном приблизительно... но он же намного ниже, и его, наверное, в первую очередь накрыло, хотя... а перевалы?.. Лесной же вроде как в чаше находится, и что въезд, что выезд через перевалы. Так, а где я сам-то сейчас??? Если рассуждать логически, то идти надо вверх, оттуда и осмотреться можно, и по склону пройду, может, следы какие найду или полезное что. Прошел вверх не более пятидесяти метров, как у меня снова закружилась голова и стошнило, однако... вероятно, сотрясение получил все же. Присел на землю и прислонился спиной к стволу поваленного дерева, отдохнуть... головокружение и тошнота утихли, и я задремал. Когда открыл глаза, заметил, что солнце опустилось градусов на пятнадцать, то есть прошло не менее полутора часов. Потопал дальше, состояние вроде улучшилось, но тут еще напасть – жутко хотелось пить. Вот же ирония судьбы, некоторое время назад воды было – захлебнуться, а теперь я даже журчания речки не слышу, хотя их в нашей округе было около десятка... рек, речушек и ручейков. Поднявшись на гребень, который, кстати, волна не затронула и скатилась вниз, моему взору открылась фантастическая картина... вода... много воды... Гребень был метров восьмьсот высотой. Внизу, почти у подножия, откуда начинался склон другой сопки, высотой не менее четырехсот метров, была видна кромка этого нового океана, этого нового берега. Старый берег был потерян. Навсегда.

По широким распадкам, что выходили к новым берегам, раскинулась гладь воды. Лиственные деревья стояли почти голые, хвойник, которого было больше в этих местах, отсвечивал красивыми зелеными оттенками. Было видно, как нагреваясь, от земли поднималось марево. От жары земля, по которой не больше суток назад пронеслись миллионы кубометров воды, была почти сухая. Ну что, как говорили в детстве, осталось «обосраться и не жить». Пригляделся, ага, очертания верхушек соседних сопки мне знакомы, вон туда, направо и вниз должна быть наша Сахарная, и если прикидывать по уровню воды, то мой дом, похоже, не затоплен... ага, только снесен волной к чертям собачьим, скорее всего. Кстати, о собаке... Бимку жалко, наверняка поломало его волной, или захлебнулся. Постоял так, размышляя, еще полчаса, и что-то накатило... навернулись слезы, и я начал плакать, как ребенок, защемило сердце. Я жалел Бимку, Светлану, ее детей, всех наших деревенских, и вообще весь мир. Немного отдохнув и успокоившись, стал спускаться к предполагаемому месту, где была наша деревня. Добравшись до развалин военной части, присел на обломки кирпичной стены передохнуть, не решаясь спускаться в Сахарную, которую я уже мог хорошо разглядеть.

Мой дом, к радости моей, не смыло целиком, а завалило набок, разворотив одну из стен. Крыши не было, ее как будто аккуратно сняли, два кедра, что росли у стены, были на месте, и, вероятно, они и удержали дом от полного уничтожения. От дома Светланы не осталось ничего, кроме скелета печи. А ниже, метров через пятьдесят, уже начиналась вода, раскинувшись до противоположной сопки, примерно с полтора-два километра по расстоянию. Опять к горлу подступил комок горечи и тоски... Побрел ниже, под ноги уже попадались разный хозбыт и тушки домашней птицы, на кустах и ветках деревьев висели какие-то тряпки... и... трупы... опять подкатила тошнота и меня вывернуло. Отдышался и решительно направился к руинам дома. Пить... очень хочется пить, надо проверить колонку. Подошел к чугунному столбу колонки, огляделся... да уж, а ведь была баня тут где-то. Хотел было качнуть рычагом, но вдруг подумал, что если в цилиндре насоса еще осталась вода, то не факт, что она осталась вообще в скважине. Зашел в дом... кругом мусор, намытая земля. Нужна тара... вот, оцинкованный таз, заваленный хламом в углу. Достал его и пошел к колонке. Поставил под кран и несколько раз качнул. Мне повезло, налилось литров пять воды, и все, больше не качалось. Я склонился над тазом и с жадностью напился. Потом вернулся в дом, нашел пару стеклянных банок и кастрюлю, перелил в них воду. Угол, где была спальня, был завален мусором и поломанной мебелью, на его расчистку у меня ушло около часа. Докопался до сундука, где лежала кое-какая одежда, рюкзак с туристическим снаряжением, чехол с СКС, патронов пара пачек. Все было сырое и уже начало протухать, я раскидал по развалинам шмотки, пусть сохнут, потом откопал в кухонном ящике банку консервированной фасоли, открыл, съел, запил водой и рухнул спать... прямо на полу, ибо сил уже не было вообще никаких. Как там раньше говорили – «утро вечера мудренее».

После волны. День 2-й

Проснулся от солнца, было такое выражение «солнце светит прямо в глаз...», вот так именно и было, яркое и жаркое солнце... и запах, резкий и затхлый такой. Протер глаза, потрогал шишку на затылке, хороший такой шишак, и волосы с запекшейся кровью, усевшись на полу своего полуразрушенного дома, «отмотал» назад события за сутки. И так, что мы имеем с гуся... что-то произошло, что, уже в принципе не так важно, и судя по температуре воздуха, шарик крутануло так, что наша местность оказалась в более теплом «месте под солнцем». С одной стороны, хорошо, так как получить разницу температуры в сторону минуса не радостная перспектива, хотя, вероятно, с кем-то именно так и произошло, если выжили. Поискал глазами чайник... не нашел, так, кастрюльку тогда на костер поставлю. Поломал руками ветки и доски, которых в округе теперь в достатке. «Ну хоть с дровами пока проблем не будет», – подумалось мне, оборудовал очаг, повесив кастрюлю над огнем, примотав к ручкам проволоку, «добыл огонь», чиркнув зажигалкой. Ну что, пока кипятится вода, можно озадачиться вопросом питания. Вышел на место, где была баня, и осмотрелся. Соседский дом смыло, несколько десятков метров дальше начинается большая вода. Выше почти ничего не изменилось, кроме «проплевшины» пемзы, которая или ссыпалась во время землетрясения вниз, или ее просто смыло волной и на ее месте теперь почти гладкая поверхность потрескавшейся скалы. Постоял несколько минут, прислушиваясь... ничего, никого. Леса вокруг много, там, где волна не прошла, все по-прежнему, а там, где вода, уже и непонятно, что там, под ней. Много поваленных и поломанных стволов кругом – это по ходу волны, и кстати, то как лежат поваленные стволы, показывает, как шла волна, пробираясь распадками и склонами. Так, а ведь где-то у меня в моих туристических причиндалах были и карты и атласы дорог, найти бы только, тогда по изолиниям можно хотя бы карту затопления примерно составить. Кастрюля почти закипела, и я пошел разгрести угол, где была кухня. Расчистив в «прихожей», точнее там, где от нее осталось небольшое место, начал складывать туда все, что нахожу из съестного, и вообще все, что попадает и возможно в использовании. Хорошо, что коробки с пакетированным чаем запаиваются в пленку, хоть и повреждены слегка, но пара коробок по сто пакетиков мне попала, чему я был очень рад. На

самом деле я даже и не знал, чему радоваться больше... тому, что пережил ВОЛНУ и остался жив, или тому, что мой дом относительно всего остального почти не пострадал, подумаешь, нет двух стен и крыши, как там раньше говорили, «я имею свой угол», по-другому и не скажешь, да и барахло какое-никакое сохранилось. Сел пить чай, заварив два пакетика прямо в кастрюле, экономить буду, ведь поставок чая пока не предвидится. Выпив чашку, принялся за расчистку и уборку того, что было внутри дома. Припекало очень сильно, и я разделся до трусов, повязав на голову бандану из порванной футболки. Провозился еще часа три, рассортировав нужное и уже откровенный мусор, который складывал на улице. Нашел дробовик с патронташем в 24 патрона, из которых шесть пулевых, десять с картечью и восемь с дробью «тройкой». А карабин не нашел, вероятно, унесло его куда-то, обидно, конечно, ну может, найдется еще где в окрестностях. Еды пока запас был, но в основном консервы. Картошка!!! Она же в подвале, и там же еще была вся моя провизия до волны!!! Бросился к крышке погреба, которую еле открыл, потому как лаги повело, да и дерево разбухло от намокания. В подвале меня ждал сюрприз – бассейн, по поверхности которого плавали коробки и пакеты. Проплыл мимо разноцветный пакет сублимированной лапши. Так как в подвале было слишком много всего нужного по части еды, я с остервенением принялся черпать из него воду, привязав к ведру веревку. Стерев в кровь ладони, вычерпав воду до уровня «по пояс», спустился в подвал и начал таскать из коробов картошку и рассыпать ее сушиться во дворе, также по пути хватая все, что плавает по поверхности. Я не заметил, как стемнело, пока не споткнулся, неся очередное ведро с картошкой. Нашел на верхних полках стеллажа в подвале две лампы «летучие мыши» и зажег их в доме и подвале, во дворе развел костер и продолжил таскать все из подвала, ибо в данном случае время работало против меня. Кстати о времени, световой день больше обычного, понял это, когда посмотрел на часы, стемнело примерно час назад, не более, а на часах три ночи. Засоленную в бочках форель развесил во дворе сушиться, теперь рыба вместо соленой будет вяленой, с такой температурой быстро завялится. Снова рухнул спать «без задних ног», даже и не понял когда. Только и успел, напился воды и отключился.

После волны. День 3-й

Разбудил меня крик... Крик ворон. Они дрались и клевали трупы, что висели на ветках деревьев. Я боялся к ним подойти вчера, потому что не хотел никого в них узнавать. Выстрелив из дробовика в сторону ворон, я ненадолго прекратил их «пиршество». Затем вскрыл банку зеленого горошка и съел, запив стаканом найденного вина, что продал мне Араик в придорожном кафе. Закапывать утонувших односельчан, это был Михалыч и еще три женщины, одному мне показалось невыполнимой задачей, поэтому я перетаскал сначала несколько крупных бревен метров на сто от моего дома, потом аккуратно уложил трупы и помолился... как мог, так, своими словами «поговорил» с теми высшими силами, что устроили нам это испытание, после чего полил бензином из канистры, поджег и пошел дальше «осушать» подвал, но был приятно удивлен – вода почти ушла, впиталась, наверное. Извлек наверх практически всю картошку, пусть сушится. Также с большим трудом отлепил от грязюки на полу мешки с мукой, рисом и крупами. Вытащил наверх, рассыпал по кускам шифера содержимое мешков, сделав надрез. Небольшой тарелкой аккуратно зачерпывая изнутри и рассыпая по шиферу. Самое намокшее оставил в мешках, разрезав до конца и развернув, подставил солнцу. Мешок с мукой трогать не стал вообще, пусть то, что намокло, коркой встанет, потом из середины нормальной муки начерпаю. Ну, на ближайшее время вопрос еды закрыт, пока съем все консервы, ибо в условиях такой температуры, в среднем градусов тридцать, не вижу смысла их хранить, просохнет картошка, уберу обратно в подвал, часть оставлю зазелениться, и наверное, посажу в огороде, который, кстати, надо еще отчистить от нанесенного хлама. Есть еще очень важный вопрос – вода. Ее, конечно, кругом много, но она морская. Предварительно, в надежде на возможные осадки, я, конечно, натянул несколько кусков найденной пленки во дворе, и подставив под нее ведра и банки, но судя по синему-синему небу, пока осадков не предвидится. Есть, конечно,

еще несколько банок компота и почти пять литров вина... но это даже не смешно, а при такой жаре я просто сдохну тут от жажды. И с жарой надо что-то делать. Посидел на остатках веранды и подумал насчет крыши... есть брезент, несколько кусков небольших, извлеченных из подвала, вот его и приспособлю. Один оказался самым большим, примерно четыре на три метра. Завязав в углах и по сторонам куска брезента небольшие камешки и стянув их на удавку веревкой, натянул себе «крышу». Организовал тень, стало намного уютнее и легче дышать. По ощущениям время явно к обеду подходит, а на часах 17:00, нет, надо определиться все-таки со временем. Выйдя во двор, я загнал в землю небольшую палку, сделал отметку тени и засек время. Как же хочется пить, отхлебнул из банки, в которой оставалось не больше пол-литра, я решил отправиться на поиски воды, перелив воду в найденную фляжку... Разорвал на портянки хэбэшную простынь, намотал и влез в берцы, что нашел в куче своего барахла мокрыми, грязными и набитыми землей, они уже просохли, после того как я их очистил и высушил. Надел обрезанные по колено джинсы, прихватил дробовик, который долго до этого чистил вместе с СКСом, буквально заливая трансмиссионным маслом и затем оттирая керосином, и, закинув на плечо небольшую сумку с пластиковыми бутылками и другой тарой, отправился на поиски живой влаги... Решил еще раз подняться на хребет и осмотреться. Шел медленно, прислушиваясь к лесу, достигнув вершины хребта, вышел на небольшую проплешину, где было множество «растущих» из земли валунов, забрался на один из них и посмотрел вниз. Да, картина с того дня, как я пришел в себя, не изменилась почти, если только зеленый цвет стал более насыщенным в лесу. Был слабый ветерок, и по воде гнало небольшую рябь, из-за которой казалось, что вода движется, и это меня сильно напугало, пока не понял, что это иллюзия. Постоял еще минут пять, приглядываясь, вроде все «нормально», ну в смысле на новый лад нормально и никаких видимых изменений не произошло. Побрел в сторону оврага, что был недалеко от старой деляны, где мужики иногда валили лес. Точно помню, вверху оврага был ручей, идти до него прилично, больше часа. Шел так же, медленно и прислушиваясь. Было заметно, что шок пережили не только люди, но и природа. Я практически чуть не наступил на белку, которая сидела в тени небольшого куста. Она просто переползла чуть в сторону и снова уселась, тяжело и часто дыша.

– Жарко тебе в шубе-то? – спросил я, присев на корточки.

Белка не обращала на меня никакого внимания, и я пошел дальше. По времени получалось, что я дошел до оврага примерно за полтора часа, и мой переход был вознагражден. Ручей сохранился, и, более того, стал шире немного, размыв себе пространства метров на тридцать ниже после выхода из расщелины в скале. Получился даже небольшой водопадик, метра в два, под который я тут же, на ходу скидывая с себя шмотки, и залез. Волшебное! После трех дней пота и жары постоять под холодной водой, я даже непроизвольно пару раз вскрикнул от ударов холодного потока. Затем постирал нижнее белье и развесил на ветках сушиться, а сам, вспоминая кадры из фильма с Томом Хенксом, где он был Робинзоном, прошел чуть выше и стал наполнять бутылки с водой, пугая живность своей наготой. Больше всего воды я набрал в самодельные «бурдюки». Выкопав ножом углубление в земле, уложил туда в два слоя куски пленки, которую именно для этого и взял с собой, наносил с ручья воды и потом, поднимая углы пленки, перетянул веревкой. Повторил эту операцию еще раз и получил два десятилитровых «шарика», которые связал между собой для удобства переноски. Еще раз напившись прямо из ручья, оделся, навьючился как ишак и побрел обратно. Вышел к развалинам части я часам к девяти вечера и, посмотрел вниз на свой дом, замер в оцепенении. Спиной ко мне, усевшись на задницу, доедал мою рыбу здоровенный медведь.

– Ты охренел, косолапый?! – сказал я вслух, опуская свою ношу на поросший мхом многолетний бетонный пол развалившейся казармы. Набил в трубчатый магазин дробовика пять пулевых патронов и начал подкрадываться к дому. Вообще я не хотел в него стрелять, но подойдя на расстояние примерно сорок метров, разглядел, что он натворил. Я три дня приво-

дил все в порядок, а эта тварь... ну гад... Взяв голову этого «мародера» на прицел, стал сближаться.

Бах-бах... бах! Первая пуля между ушей, вторая примерно в сердце, но мне показалось, что он собирается подняться, и выстрелил третий раз в голову.

Я сидел на туше медведя и чуть ли не плакал от обиды, глядя на «порядок», что навел мне этот зверюга.

– И так две стены осталось, три дня порядка наводил, все собирал, сортировал... а ты приперся, помощник хренов, и рыбу всю сожрал, – сказал я, пихнув в брюхо тушу.

Конечно, его можно было просто напугать. Но попробовав халявы, он обязательно бы вернулся, и не факт, что в следующий раз я был бы готов к встрече. Не, ружьишко надо бы собой всегда таскать.

– Это мой дом! И нехер тут! – я опять пнул тушу в брюхо.

Поднялся и пошел к развалинам за оставленной там водой. Солнце пошло к закату, я посмотрел на часы 21:45... да, косолапый же еще и солнечные часы снес, но в принципе я запомнил примерно, где была отметка вначале, воткнув обратно палку, приблизительно подсчитал, что в сутках теперь около 33 часов, плюс-минус полчаса. Вернувшись с водой, принялся за разделку туши косолапого, завялю сколько смогу, соли мало, да зажарю на ужин, остальное на корм рыбам. Через пару часов, оставив вялиться тонкие пластинки мяса на проволоке, растянутой меж двумя жердями у костра, а несколько приличных кусков тушиться в небольшом казане, я отправился перевозить тачкой уже «куски косолапого мародера» к берегу... Новому побережью, что начиналось примерно в двухстах метрах от дома, вниз по дороге, может чуть ближе, мне вообще показалось, что вода немного отошла, еле заметно, но все же отступила. Забросив последний кусок в море, понял, что мясо, что на запах и так-то не очень, начало уже вонять конкретно, жара несусветная же, и по ощущениям температура явно больше, чем та, которую я привык переносить. Да, а берег крутоват получается, надо какие-нибудь мостки что ли придумать, да и вообще не мешало бы и водным транспортом озадачиться, хоть плотик какой соорудить. Слегка ополоснулся в море, встав на кусок кирпичной стены дома, который был разрушен до цоколя, и большая часть дома была в воде. Ну, на первое время и это сойдет за мостки. А ведь в этом доме жила баба Зоя, которая все время возилась с малышкой, она вроде как местной нянькой была. Вздохнув, побрел обратно к себе, перспектива опять лечь спать в бардаке меня совсем не радовала, и хотелось побыстрее навести порядок в доме, который более сейчас был похож на бунгало... Бамбук только тут не растет... но такими темпами, думаю, это только вопрос времени.

После косолапого мне пришлось провозиться еще порядка двух часов с уборкой, отвлекался только на почистить несколько картофелин, чтобы забросить их тушиться вместе с медвежатиной, долив в казан воды и добавив специй. Решил все обязательно сортировать, мало ли, но пусть пока все, что попадает под руку, лежит неподалеку. Куски шифера, листы жести, деревянные в одну кучу; пластик и подобное в другую, крепежный материал в третью, одежду, обувь и прочее тряпье в четвертую... попался кое-какой инструмент, некоторый даже не мой. Вокруг дома отчистил и внутри, постепенно начали образовываться аккуратные кучи не то мусора, не то чего-то нужного... ну да пусть пока лежит, есть-то не просит. Есть!.. Ух, чуть было не было... убрал с огня казан, хорошо что дрова давно прогорели. Очаг я себе организовал прямо в доме, выломав несколько вздыбленных и перекошенных досок в полу. Облагородил и приподнял от пола каменюками, получилось в виде подковы с высотой бортика сантиметров тридцать и почти метр в диаметре, сверху положил согнутый уголок «сороковку», в принципе места «на плите» хватило и небольшой четырехлитровой кастрюльке и чайнику одновременно, а учитывая, что с одного бока чайник смят наполовину, то вообще им там удобно. Солнце висело большим и ярким апельсином и делало вид, что вроде как отправилось на закат, заставляя свои отблески на изумрудной поверхности моря плясать завораживающий

танец. А ведь красиво, черт побери! Температура ощутимо понизилась, я даже влез в «энцефалитку», хотя в целом было градусов 25, наверно. Обратил внимание, что как только солнце уходило из 90-градусного сектора, так жара спадала. Сейчас солнце висело над Васиной сопкой, как ее называли деревенские, у него там были места и для рыбалки и для охоты, зимовье он там построил себе. У подножья сопки, где на реке было много перекатов, у Васи был шалаш, в котором мы ночевали, когда ловили форель. Эх, Вася, Вася... успел привязаться я к нему, простой и добрый мужик. В общем, опять что-то накатила тоска.

Пужинал, или пообедал, и опустил казан в подвал, еще позавтракать хватит, по полу, конечно, чавкало, но я бросил несколько досок и обломков мебели, чтобы было удобно там ходить. Пока еще солнце совсем не село, у меня есть часа полтора, может больше даже, и я отправился починить туалет, а то «взял лопату и до ветру» меня уже достало. Собственно от туалета остался небольшой бетонный фундамент септика и все. До момента, как стемнело, я занимался расчисткой хлама и завалов вокруг туалета, ну и собственно самим туалетом, а именно вкопал четыре разнокалиберных бруска, но одной высоты, сделал небольшую обвязку рейкой и постелил сверху лист жести. Пока и так достаточно, ибо кроме белок мне тут пока стесняться некого. А завтра займусь расчисткой огорода, вот уж где «авгиевы конюшни», по огороду же два сарая разметало, курятник и еще от соседей нанесло, запашок, кстати, уже есть своеобразный. Так что спать пора, завтра много дел. Я забился в угол, на спальник и, положив рядом дробовик, уснул, периодически поглядывая на небо в ожидании луны, но ее не было с самой первой ночи после волны, вообще не было.

После волны. День 4-й

Проснулся с первыми лучами солнца, очень хорошо выспавшись. А еще я услышал крик чаек, нет, понятно, что теперь до моря «минуту пьяному пешком», но мне стало интересно, где они обосновались. Я вышел из своего бунгало, буду так теперь его называть, и пошагал по дороге к морю, закинув дробовик за спину. Небольшая стайка, 15–20 птиц, крутилась там, где я вчера скинул куски казенного мной «мародера». Ясно, у них завтрак. Подъем к развалинам войсковой части решил сделать традицией и обязательной утренней процедурой, вместо разминки получится. Я развернулся вверх и потихоньку потрусил. Видок у меня, наверно, самый что ни на есть папуасский, голый торс, зеленые «семейники», берцы на портянки, патронташ и дробовик – красавец! Зверье, наверно, оценило, потому что чирикающие были птицы в кустах у дороги замолкали, когда я пробежал мимо, вероятно, провожали взглядом.

Добежав до развалин, осмотрелся... все так же, и солнце восходит с того же направления и такое же яркое, и кромка воды «нового моря» на месте. Когда я уже собрался спускаться, внизу и слева почти у кромки воды что-то блеснуло. Я сначала замер, потом плавно и вбок ушел за развалины стен. Еще гостей нам тут с оптикой не хватало. И я тоже хорош, нашел же свой рюкзак туристический, и бинокль там есть, мог бы взять с собой. Постоял с минуту и плавно выглянул из-за стены, да, точно, на «фазаньем» поле из-под той кучи хлама и веток блеск был... постоял еще минуту, никаких движений внизу, кроме двух здоровых воронов, или ворон, завтракающих чем-то тем, что было недавно живым, возможно кто из деревенских, может, животное какое, с моего места не видно, там много нанесенной грязи и мусора. Ну что, лучше, наверно, перестраховаться и спуститься, сделав крюк по внешней стороне этого склона, что я и сделал. Вдоль дороги, по кромке леса спустился вниз к развалинам своего дома.

Так, где оно, ага, вот он, неплохой белорусский 16-кратный «Юкон», герметичный, в обрешеченном корпусе, в «том» мире стоил недешево, а сейчас, наверно, ему вообще нет цены. Да уж, сейчас многому нет цены... «Так, ну кто там у нас?» – приговаривая, залез быстро в «энцефалитку», схватил СКС (ничего с дробовиком против нарезного геройствовать) и, накинув капюшон, начал прокрадываться пригнувшись между валунами и нанесенными волной кучами поломанных деревьев... до места, откуда блестело, оставалось метров сто, может чуть больше, прилег у валуна и, медленно выглянув, осмотрел место в бинокль. Чертовщина

какая-то, ну ветки, стволы поваленные, сквозь них даже просматривается небо. Вроде не шевелится ничего... или «он» тоже замер... а может, тоже обходной маневр совершает какой... нет, достало! Паранойя какая-то! Я встал в полный рост и, закинув карабин за спину, пошагал к той куче.

– Эй, есть там кто? – спросил я, прибавляя шаг.

Только вороны, хлопая крыльями и каркая, улетели от места своего завтрака. Я еще прибавил ходу и что-то так расписиховался из-за того, что мне не отвечают, что когда подошел почти вплотную к куче, наклонился к дыре, в которой я видел отблески, и заорал:

– Что молчим-то?

А как она ответит, она же машина! А блестел угол хромированного кенгурятника. Кроме небольшого куска трубы кенгурятника из намытой грязи, мусора и веток торчало полфары, габарит и небольшая часть помятого крыла. Я походил вокруг, раскидывая ветки, ладно, уже никуда не уедет, тут раскапывать пятилетку придется. Оглянувшись на бунгало, прикинул, что метров триста машину протащило от дома, а потом она, вероятно, уперлась в один из валунов или зацепилась за деревья. В общем, факт налицо, это мой «Террано», только сильно помятый, наверное, без стекол и с полным салоном мусора и грязи. А вообще я обрадовался, в машине был ящик с инструментом, если он, конечно, не вылетел, пока ее кувырало, аккумулятор, радиостанция... да вообще много чего там есть, при условии, что цело. Довольный я побрел к себе, надо разогреть завтрак и обрабатывать по намеченному плану.

По намеченному плану не получилось. После завтрака пришлось переносить все консервы и продукты в подвал, во-первых, жара не способствовала долговременному хранению, во-вторых, зверье уже разгрызло пару пакетов с крупой и макаронами. Провозился порядка трех часов, пристраивая продукты в подвале, сделав специальные подвесные ящики, потом отсортировал консервы по сроку хранения, то есть что нужно быстрее съесть, а что еще полежит. В подвале было существенно прохладней, и я надеялся, что консервы подольше протянут. Припекало, и я решил растянуть еще один кусок брезента, чтобы увеличить площадь тени. Пить хочется постоянно, ну это, наверное, с непривычки, может, еще акклиматизируюсь к новым условиям. Проверил воду, еще на два дня запас, примерно прикинул, что к ручью придется идти через пару дней, еще нужно более удобную тару для переноски воды придумать. Так, работать сегодня весь день на солнце, сейчас придумаю гардеробчик... На ногах оставил берцы с портянками, не хватало еще пропороть ногу каким-нибудь гвоздем или стеклом и загнуться тут от столбняка... рубаха с длинным рукавом и штаны от «энцефалитки», помучаюсь, конечно, но зато не сгорю на солнце да и в гнилье какое сразу не влезу. Перчатки бы какие-нибудь, конечно, найти, ну, может, повезет, найду...

В общем, начал я потихоньку разгрести огород. Расчистил площадку сначала у забора, где был короб под уголь и где сейчас торчали только четыре ржавых уголка из земли, и начал потихоньку уборку, вот так от забора вниз и начал, сразу сортируя все найденное на этой площадке. Работал я очень медленно из-за жары, и когда солнце вышло в зенит, я бросил работу и пошел под навес, было очень жарко. Напился воды и решил искупаться, в конце концов море же в двух шагах. В одних семейниках, тапочках и с дробовиком наперевес спустился к развалинам дома бабы Зои. У кромки воды я заметил, что появился небольшой прибор, чуть заметный, но который уже «слизал» примерно полосу грунта в полметра, и увидев, насколько грязно у берега, начал искать место почище. Спустился в воду, держась за кирпичную кладку разрушенной стены. Вообще, конечно, резвиться и плескаться тут не стоит, можно и хозяйством за что-нибудь зацепиться, так просто решил посидеть в воде, замкнуть, так сказать, вода была, кстати, градусов 25–27 у берега, не меньше, только осторожно проплыв «по-лягушачьи» подальше, перехватываясь за ветки торчащих из воды деревьев, я почувствовал, что вода заметно холоднее. Закрыв глаза и плавно опустился под воду, остудиться, вынырнул... отлично! Теперь домой, перекусить и поспать, пока жара спадет, потом продолжу расчистку.

Провел два дня в таком режиме – прогулка к развалинам и осмотр в бинокль окрестностей, завтрак, расчистка завалов, потом купание, обед, «тихие три часа» и опять за работу. Пока солнце в зените, находиться на открытом пространстве очень трудно из-за жары, пространство как будто превращалось в кисель, а горячий воздух, казалось, обжигал легкие при глубоком вдохе.

После волны. День 7-й

Вернувшись с уже ставшей обязательной прогулки на развалины, я позавтракал и принялся проверять тару и изготовленную за время «тихих трех часов» специальную «разгрузочную систему» для переноски воды – в основе был найденный туристический рюкзак, принадлежавший некогда кому-то из соседей, ну бывший хозяин, наверное, не обидится. «Водоноска» – как я ее прозвал, позволяла закрепить на себя примерно 45–50 литров воды, в виде разных емкостей и бутылок. Еще решил порожняком на ручей не таскаться и отнести туда необходимых материалов и снаряжения для постройки шалаша, в общем места, где можно пересидеть непогоду, отдохнуть, перекусить. Думаю, за пару рейсов nanoшу туда всего, что нужно. А пока взял несколько кусков пленки, немного веревки и проволоки, кусок брезента, штыковую лопату, топорик и ножовку. Также уложил в полиэтиленовый пакет смену белья, простынь и резиновые калоши, туго замотав пакет проволокой... пусть это тоже там будет, на всякий случай. Взял дробовик, флягу с водой и бинокль, навьючился, осмотрел свое бунгало и побрел потихоньку.

Разница в высоте между оврагом с ручьем и Сахарной была примерно в 150 метров, то есть овраг располагался выше, это я выяснил вчера, изучая свои найденные карты и заштриховывая простым карандашом между изолиниями, по предположительному уровню затопления. Получалось, что от Сахарной, если на лодке, пропетляв распадками, через 30 километров был уже Тихий океан, ну это судя по старой карте. Как теперь на самом деле – неизвестно. По изолиниям получалось, что уровень моря поднялся примерно на 300–320 метров, и побережье в прежнем виде отсутствует как таковое, теперь Сахарная побережье... Естественно, я не один такой выживший, как мне кажется, и где-нибудь в высокогорных районах все осталось таким, как прежде... наверное...

Так в раздумьях, часа за полтора, я и добрел до оврага. По земле стали заметны тропки зверья, бегущего к водопою. Выбрал место для строительства шалаша метрах в пятидесяти от водопада и, припрятав там принесенный инструмент и материалы, пошел «принимать душ». Опять пугая зверей, нагишом побродил вдоль ручья, обсыхая и выбирая место, где можно удобно набирать воду. Нашел хорошее место, вымытое между камней глубиной с полметра вверх от водопада примерно метров на десять. Поставил у корня дерева поудобней «водоноску», начал наполнять емкости большой эмалированной кружкой. Набрав воду, оделся, взвалил на себя «водоноску» и отправился восвояси. Я вполне успевал к «верхнему стоянию солнца», как я уже для себя придумал название положению светила, и поэтому неторопливо прогуливался в сторону дома, да и почти 50 литров за спиной особо не воодушевляли пробежаться по сопкам. В тени деревьев и вообще в лесу было гораздо приятнее находиться, обратил внимание, что кусты стали более пышными, что ли, или просто зелень более яркая у листы, вот то, что трава стала выше, как бы тянется к солнцу – это факт. Попалась семейка ошалелых фазанов, на которых я почти наступил, но стрелять не стал, еда пока есть, да и вообще... надо сначала придумать что-то с хранением, а потом запастись впрок еду. Ну возьму я сейчас пару петухов, а хранить? Думать, в общем, надо. Уже не только по придуманной мной традиции, но и из соображений безопасности специально сразу не свернул по тропе в деревню, а продолжил путь по хребту к развалинам. Осмотрел в бинокль деревню, которая теперь выглядела, конечно, тоскливо: бунгало-развалюха, пару фундаментов с остатками стен ниже к морю, куски заборов, много всякого бытового разбросанного и по фазаньему полю слева, и много, что висит запутавшись в валежнике или ветках поломанных деревьев. Некогда здоровенная

проплешина пемзы, которая вся, вероятно, ссыпалась во время землетрясения, оголив скалу под собой, и теперь почти от самых развалин метров на триста до фазаньего поля из земли торчала оголенная скала, которая так разогревалась в «верхнее стояние солнца», что на ней можно было бы бифштексы готовить. А дальше вокруг тайга. Там, где повыше уровня Сахарной хотя бы метров на пятьдесят-сто, деревья даже не поломаны, ближе к берегу, конечно, очень много валежника. Ну, во всяком случае, с дровами проблем теперь нет. Перевернул бинокль снова на свой двор... уже гораздо лучше, и вокруг бунгало и кусочек огорода уже выглядят вполне прибрано и прилично. Ладно, вроде все тихо, можно спускаться домой.

Вернувшись к себе, быстро переоделся «в рабочее», напился свежей воды и, пока есть время до жары, пошел поработать немного. Я вообще старался постоянно что-то делать, так как стоит остановиться, и сразу накатывает вселенская тоска. И если до переезда в Сахарную я был по сути одиночка, то сейчас мне уже не хватало гомона соседских мальчишек, Бима, Васиного сипловатого смеха, а после двух стаканов самогона его смех переходил просто в дикий гогот, не хватало вечернего молока от Светланы, да и что таить, не хватало и ее самой. В общем, стоит остановиться, и тоска может сожрать.

Так как забор со стороны фазаньего поля представлял собой торчащие из земли арматурины и уголок на полтора метра и с четырьмя рядами колючей проволоки меж ними, он набрал на себя кучу хлама и мусора, что несло волной. И теперь это был толстый сорокаметровый грязный «червь» диаметром около двух метров, из которого торчали ветки, висели какие-то тряпки и прочее. Я разобрал всего пару метров в длину, сортируя то, что нацеплялось на забор. Тонкие ветки я рубил и связывал лентой от найденных видеокассет в упругие вязанки и складывал в новую поленницу, которая уже потихоньку образовывалась у туалета в процессе уборки. Намытую землю раскидывал по грядкам в расчищенном месте. Начало припекать, и я отправился обедать еще вчера сваренной картошкой, солил совсем чуть-чуть, так как соли пока взять неоткуда, и это меня напрягало. Запил вином, которое тоже подходило к концу, осталось не больше литра, уселся под навес в самодельный «шезлонг», взяв в руки бинокль, решил внимательно осмотреть берег внизу и берег противоположной сопки.

Позавчера прибило ковер и матрас, которые быстро высохли за день, и я устроил себе что-то вроде дастархана у очага. В общем, налаживаю быт и придумываю сам себе традиции, а еще на полке в подвале нашел связанную шпагатом стопку каких-то вахтенных журналов метеорологической станции «В/ч ХХХХХХ» аж 1970 года, пустые, то есть незаполненные. Их было порядка тридцати штук, сильно пострадали только два верхних и два нижних журнала и пошли в кучу под названием «на растопку». Остальные журналы решил вести, ничего глобального, просто коротенькие записки в виде «что делал, что происходило, какие на завтра планы». Так родилась первая короткая запись карандашом:

«7-й день после волны

Утренний осмотр территории не выявил выживших. Сходил за водой к ручью. Продолжаю разгребать завалы.

На завтра:

Разметить круг и сделать стационарный циферблат нового времени. Разобраться с воняющей кучей. Чистить забор у фазаньего поля».

Карандаши и несколько даже цветных нашел тоже в подвале, в одной из солдатских тумбочек, там же обнаружил готовальню полной инженерной комплектации также 70-х годов прошлого века, и офицерский планшет «с такой же бородой»... в общем, канцелярией тоже оброс немного.

До окончания «дальневосточной сиесты», как я уже в шутку назвал время обеда и пережидания жары, оставалось еще порядка двух часов, и, положив поближе дробовик, решил подремать, так, сильно не проваливаясь в сон... из которого меня как выбросило часа через

два. Нет, ничего не случилось особо страшного, просто перед отдыхом я разделся до трусов, и сейчас всем телом ощутил порыв ветра, он был настолько резким, что я даже испугался, подумав, что какой-то голодный зверюга кинулся на меня. Вскочив на ноги с ружьем в руках, огляделся по сторонам, двигая стволом в сопровождение взгляда. Я реально сильно испугался, так как, к примеру, перспектива разборок с «родственниками» убиенного мной медведя не радовала совсем. Но это был просто ветер, и если в этом новом мире восход солнца остался со стороны востока, то ветер был южным. Он слегка колыхал куски растянутого над развалинами дома брезента, и благодаря ему же я уловил еле слышимый прибор со стороны берега. А еще я увидел, как с юга ветер гонит несколько белых-белых облаков. Здорово! Был бы художником, кинулся бы рисовать уже эти белые-белые облака на фоне синего-синего неба.

Как-то приподнялось настроение, и, хватанув на радостях еще стакан вина, влез в робу и пошел работать дальше. Проковырялся почти дотемна и ужинал уже при свете от горящего очага, отварив немного гречки на курином бульоне из кубика, ну а что, на безрыбье, как говорится... нашел с десяток кубиков в своем туристическом рюкзаке. В процессе разбора завалов раскидал не один куб земли и нарубил, наверно, куба два веток, связав и уложив в поленницу. Так же обнаружилось разное тряпье, сложил в кучу – потом в море отстираю и посмотрю, что такое, еще откопал здоровенное оцинкованное корыто, причем оцинковка толстая, миллиметра 3–4, а само корыто литров на 150, практически крейсер! Будет в чем стирать белье и самому помыться. Еще раскопал моток веревки и очередную кастрюлю, уже третья из этой кучи, гнездо у них там, что ли... Отжав из пакетика чая остатки краски, выпил подкрашенного кипятка и заснул.

После волны. День 8-й

Утро было точно таким же, как и все предыдущие после волны, вчерашние облака уплыли, ветра не было и небо опять было синим и чистым. Раздув угли в очаге, подкинул дров, поставил греться чайник и отправился прогуляться к развалинам, затем, взяв найденные вчера в завалах трофеи, спустился к морю их отмывать. Нарвав травы, отмыл кастрюлю и корыто, затем наполнил морской водой и бросил отмокать в них тряпки, среди которых было старое солдатское одеяло, какой-то рваный женский халат и пиджак, тоже видавший виды. Веревки было метров десять, связанной из кусков в трех местах, но тоже пригодится. Кстати, в карманах халата обнаружил маленькие маникюрные ножницы, пару катушек ниток, иголку и булавку на отвороте воротника. А в пиджаке нашелся футляр с поломанными очками, вместо дужек резинка от трусов, линзы были как минимум +4, ну вот, будет чем теперь огонь развести, не расходуя материальные ценности. Я, конечно, нашел на днях еще одну китайскую зажигалку, и у меня в туристическом рюкзаке было и огниво, и пара герметично завязанных в пакет коробков спичек, но на открытом пространстве с помощью линзы и солнышка разводить огонь куда экономичнее, да и в лесу можно «зайчика» поймать.

Затем, позавтракав, выровнял и укрепил один из завалившихся столбов смытого забора, что раньше разделял мой и Светланы дворы, отпилил часть, оставив примерно метр, и прибил сверху крышку от какой-то большой кастрюли, макнув кусок тряпки в банку старой краски, сделал четыре отметки, зрительно разделив окружность на четыре сектора, на выгнутую петлю ручки в центре примотал кусок толстой алюминиевой проволоки и вытянул ее вверх сантиметров на тридцать. Ну вот, сделал стационарные солнечные часы, позже нанесу минуты и циферки нарисую. Потом принялся опять за расчистку забора. Вообще периметр своего участка я решил так активно восстановить неспроста, кроме наведения порядка была еще одна цель – защита от пожара, ведь все очень сухое стало вокруг за эту неделю, а вдруг пал пойдет... что такое пожар в хвойном лесу, я знаю не понаслышке, попали как-то мы с Мишкой в это жуткое дело, в общем, еле выбрались, потом молоком три дня отпаивались. За время «сиесты» надо будет сварганить какой-нибудь пояс под инструмент и прочее, а то больше хожу туда-сюда, то за топором, то за пассатижами, то за фомкой... неудобно и нерационально. Время

пролетело незаметно, и бульканье желудка напомнило мне, что пора обедать и прятаться от солнышка. Посмотрел на «часы»: 16:20 дня – по-старому полдень. Съел вчерашнюю кашу, ломтик вяленой медвежатины и запил морсом из смородинового варенья, которое было уже «с приветом» и возрастом не менее двух-трех лет. Такого варенья в подвале дюжина пол-литровых банок, а я их сначала выкинуть хотел, ну до волны еще, а теперь это почти деликатес, ну и витамины какие-никакие. Достав «вахтенный журнал», сделал еще одну запись:

«8-й день после волны

Утренний осмотр территории не выявил выживших.

Сделал солнечные часы, и продолжаю чистить завалы, 2/3 забора уже почистил. Смородиновое варенье очень хорошо пошло на морс.

Завтра до обеда схожу на место, где очнулся в первый день, и заберу там бочку. Потом продолжу чистить завалы».

Убрал канцелярию в тумбочку и стал подбирать материалы для изготовления пояса под инструмент – старый, но еще крепкий солдатский ремень, кусок брезента, отрезанные от джинсов штанины, какая-то кожаная сумка для документов, с целым замком-молнией и двумя отделениями. Рукодельничал я часа три, прям увлекся, можно сказать. Сшивал все капроновой ниткой, выпущенной из обрезка веревки, все кончики потом подпалил и заправил шилом, чтобы ничего не торчало, получилось очень даже... а так как сравнить не с чем в данный момент, то вообще шедевр, возможно в будущем в РПС (ременно-плечевая система) переделаю. Теперь, например, при условии, что я в одних труселях, у меня на поясе можно разместить молоток, фомку, топорик, пассатижи, нож, десяток патронов к дробовику, а к нарезному в полтора раза больше, фляга, спички (зажигалку, линзу), ну и кучу мелочевки. Одним словом, остался я доволен сам собой, влез в робу, нацепил пояс и пошел продолжать чистить забор, к вечеру и закончу, наверное. От арматуры и уголков забора в глубь огорода метра на три и во всю длину теперь был расчищенный участок, можно потихоньку начинать делать грядки, наделаю из веток, которых теперь не знаю куда девать, невысоких щитов, чтобы укрепить терраски, участок-то под уклоном.

В процессе расчистки, кроме «елок-палок», достались следующие трофеи: искореженная детская коляска, еще какое-то шмотье в комьях грязи, половина собачьей конуры с куском цепи метра два, ну и собственно труп рыжей лайки в ошейнике на конце цепи, также нашел овчинный тулуп, туго свернутый мехом наружу и перетянутый в трех местах армейскими тренчиками. Я сначала принял этот тулуп тоже за труп животного, но когда пытался, зацепив крючком на черенке от лопаты, его оттащить ниже к морю, где я сложил кучу хвороста и веток на погребальный костер, понял, что это не животное. Отложил тулуп, застираю завтра и повешу сушиться, тулуп это вещь.

Кроме трупов домашних животных, за все время расчистки забора выкопал также троих односельчан – двух женщин и подростка, их трупы по очереди на куске линолеума я также спустил вниз и приготовил к кремации, сегодня вечером это сделаю.

«Крышка-часы» показывала, что уже 25 часов по новому времени, значит, часа через два стемнеет. Отлил немного керосина из лампы в банку и пошел к погребальному костру, поплескав керосином, я его запалил. Сухие ветки очень быстро разгорались и давали очень много жара. Отойдя подальше, немного постоял, вроде как попрощался, и пошел домой снимать робу, затем схожу «на пирс», как я уже стал называть руины дома бабы Зои, искупнуться, а потом готовить ужин.

Отварив три картофелины и вскрыв банку тефтелей а-ля «завтрак туриста», у которой истек срок годности пару месяцев назад, но она была не вздута, а на вкус и запах так вообще вкуснотища, я уселся ужинать. На дворе уже стояли сумерки, солнце скрылось за сопками, оставив на небе еще не потухшие оранжевые оттенки, которые очень живописно отражались

в зеркале водной глади. В лесу попискивала какая-то ночная птица, и вообще кроме звуков живности со стороны леса вокруг не происходило ровным счетом ничего, тишина, и только снизу, со стороны уже почти прогоревшего погребального костра раздается еле различимое потрескивание. Поставив на свой дастархан три свечи в «подсвечниках» из колотых чашек, ибо от костра было мало света, я принялся более тщательно разглядывать карту и продолжать закрашивать глубину затопления. Через примерно полчаса штриховки и обвода контуров мягким карандашом красного цвета, мне стало понятно, что я нахожусь на острове, и от этого по спине сначала пробежал холодок и я немного разнервничался, продолжая обводить контуры штриховки. Оказалось все не так уж и страшно, и чего я поначалу испугался? Непонятно. В общем картина была примерно такая: остров Сахарный, как я его назвал, выглядел нечеткой буквой «У», такой мультяшной, была еще небольшая «клякса» или «запятая», примыкающая к острову, и мой дом находился на правой вершине этой «буквы». Померил максимальную длину острова – 22 километра, в самой узкой части 2 километра, в самой широкой 12 километров, но это все, как говорится, «на бумаге», как оно на самом деле, пока не известно, вот обустроюсь и пойду в обход острова, в «экспедицию». «Клякса» была на расстоянии от о. Сахарного порядка сто плюс-минус 30 метров в самом узком месте пролива, получился еще один остров – Васин. Может, и не пролив там, а отмель какая-нибудь, схожу потом, гляну. Да, на нем располагалась «Васина» сопка. Остров образовался почти круглый, только небольшой мыс, получившийся из хребта невысокой и пологой сопки, плавно «скатывающейся» в воду, превратил остров в «запятую». По площади он уступал моему примерно в три раза, его максимальная ширина была от мыса до противоположной стороны пять километров. От материка, точнее от того, что осталось от Южного Приморья, насколько было видно из карты, меня отделял десятикилометровый пролив. Примерно десять-пятнадцать километров было до мыса, где раньше был поселок Лесной, и я очень надеялся на то, что там кто-то выжил. Вообще карта была 1:500 000, и отметить все точно, естественно, получалось с трудом, был у меня еще автомобильный атлас в масштабе 1:100 000, но его превращать в «книжку-раскраску» пока не хотелось, я с ним только сверялся. А вообще по карте получалось, что от границы с Китаем до Комсомольска-на-Амуре теперь океан. Затушив свечи и подогрев чайник, навел себе морса и, попивая сладкий напиток, я развалился, как-тог римлянин на матрасе, всматриваясь в звездное небо. Тихо... красиво... вот же интересно, вроде бы произошла планетарная катастрофа, погибли, вероятно, миллиарды, я покосился на карту, где почти две трети Китая подлежало заштриховке, а вокруг все равно красиво и спокойно. Мы ведь, то есть люди, как паразиты на этой планете, подобно раковым клеткам, живущим только для себя, заботясь только о своем благе, забывая, что обязаны этой планете жизнью. И вероятно, Земля решила вопрос заболевания паразитами небольшими «водными процедурами» и «разминкой», в виде землетрясений и наклона оси. А тем людям, которые пережили это, предоставлен, возможно, «сто первый» и последний шанс исправиться. Так, «размышляя о высоком», я и заснул.

После волны. День 9-й

Сделав все утренние дела, то есть совершив прогулку к развалинам и позавтракав, решил по-быстрому сходить застирать все найденное вчера тряпье. Тулуп мне вчера показался тяжеловат, вероятно из-за грязи, и я решил развязать туго связывающие его тренчики и встряхнуть для начала. Провозился с пряжками ремней пару минут, мне уже стало понятно, что внутри что-то завернуто. Сняв ремни, я потянул тулуп за край и вытряхнул содержимое на землю... просто праздник какой-то!!! Правда, лыжи-то мне нахрена? На землю выпали «подарки», которые кто-то из местных мужиков, вероятно, приготовил закинуть в зимовье, другого логического объяснения такому комплекту у меня не нашлось. В общем, мне досталось пара выдавших виды лыж «Тайга», курковка ТОЗ-63 аж 1969 года, патронов штук 40, в основном латунные гильзы, отличная самодельная финка, небольшой топорик, моток веревки, фляга и армейский котелок. Все поверхности найденных трофеев пришлось оттирать сначала

тряпкой с мыльной водой, а потом с керосином. Внутри котелка была подкопченная снизу алюминиевая кружка с заплетенной шпагатом ручкой, вилка, ложка, советский складной нож и два коробка спичек в презервативе. Во фляге был явно самогон, судя по запаху. Да уж, теперь у меня целый арсенал, совсем недавно думал, что таскать дробовик все время с собой тяжело. А теперь я посмотрел на печь, у которой и на которой лежал разный инструмент, и мой и найденный в процессе уборки территории, а теперь я сделаю себе обрез! Выволок ножовочное полотно и провозился почти час, чтобы отпилить стволы и приклад, как говорится, довел все напильником, и вуаля... «смерть председателя» готова. Достал из патронташа одну латунную гильзу, ага, самокрут... с боку нацарапано «П», пыж сидит плотно и залит парафином. Пулевой, что ли? Ну сейчас и проверим. Вставил гильзу, взвел курок, прицелился в доску останков ворот... Бах!!! Фу... дымарь, что ли? А какая уже, впрочем, разница, я нашел свой охотничий ящик с причиндалами для снаряжения патронов еще в первые дни, порох у меня есть и капсюлей немного... правда, мои капсюля в латунки никак, но есть сверла вон в наборе, высверлю донце под КВешный капсюль. Вообще охота с 16-м калибром это для большого профессионала, к каковым я себя не относил, поэтому обрез, именно как оружие самообороны, меня радовал больше, чем полноценная горизонталка 16-го калибра для охоты. Патрон оказался действительно пулевой, и я перебрал весь патронташ и два небольших кожаных подсумка на 10 патронов каждый. Подсумки эти, кстати, были просто произведение искусства, стояло клеймо какого-то завода и год – 1950, красивый давленный рисунок на толстой коричневой коже, на тему «камыш, болото, утки, спаниель». Один подсумок я сразу прицепил на мой «супер пояс», перебрал патроны, протирая каждый намоченной в керосине ветошью, выяснив, где что, воткнул в подсумок пять картечных и пять пулевых. Один из тренчиков, которым был перетянут тулуп, я приспособил под ремень для обреза, изготовив самодельные антабки. Теперь поход за водой, например, будет переноситься полегче, ибо шагая по сопкам долго и с нагрузкой, коришь себя за каждые лишние сто граммов веса.

Собрав грязное тряпье, понес его к морю отстирывать, провозился около часа и развесил у дома бабы Зои на растянутой между подправленными мной трубами от забора веревке тулуп, вполне приличный пододеяльник, скатерть или платок, рубаха какая-то цветастая и женское пальто, правда, женщина была, наверное, совершенно необъятная. Завтра пойду за водой и все перестираю уже в чистом ручье с мылом, прополощу и высушу.

Стал собираться в «поход за бочкой», дорога, конечно, дальняя, и примерно часа три протопать туда придется, поискать место, перекусить, может, захочется и с грузом обратно, чтобы успеть до жары. Надел «энцефалитку» на голову, на манер шемага, намотал кусок белой простыни. Приладил на пояс финку и топорик, мультитул тоже перекочевал из моего рюкзака на пояс в отдельном подсумке, еще флягу и армейский котелок «из тулупа», в который к тому комплекту, что там был, проложив маленьким полотенцем, чтобы не гроыхало, поставил банку перловой каши со свиной и бросил несколько пакетиков чая. Воды взял еще литр отдельно в пластиковой бутылке из-под газировки какой-то, для нее очень подошел подсумок, пошитый из штанины от джинсов. Чтобы делать отметки в пути, прихватил карту и компас, кстати, солнце теперь всходило на северо-востоке, ну это при условии, что компас не «погоду показывает», отметил на карте, исходя из ориентиров, новые север и юг большой жирной стрелкой и убрал в планшет. Плотнo смотав метров десять веревки, тоже закрепил на поясе и, перекинув через голову ремень обреза и ремешок бинокля, потихоньку зашагал вверх к развалинам вч.

Пройдя полчаса, все-таки решил идти не по нетронутому лесу, а примерно по кромке, где остановилась и пошла вниз вода. Вдруг найду что-то... или кого-то. Протопав еще минут сорок, присел на табурет... да, из небольшой кучи мусора торчал табурет, я высвободил его ножки из грязи, стряхнул и, поставив, уселся на него, сделал отметку на карте, так и назвал ориентир «табуретка». Осмотрелся в бинокль, отхлебнул воды и пошагал дальше. Метров через сто обнаружил кучу разбросанного тряпья и остатки мебели, на дверце от какого-то шкафа я

заметил закрепленное зеркало, небольшое, «пригодится», сделал я себе заметку, потом заберу и пошел было дальше, но рядом увидел крышку не то комода, не то столика, но главное там был небольшой ящик. Приложив немало усилий, приподнял за край и оттащил в сторону, так, небольшой ящичек выдвижной, закрыт. Это не проблема, перевернув стол, я хватил пару раз топориком по разбухшему фанерному дну ящика, что тут у нас? Ага, всякая женская бижутерия, нитки, иголки, пуговицы... все по баночкам и коробочкам, пара хороших ножниц и несколько тысяч рублей, завернутых в полотенце, я даже не считал сколько и просто выбросил. Ссыпав содержимое ящика в сумку, пришитую к поясу, побрел дальше. Пока дошел до бочки, у меня нарисовалось несколько ориентиров на карте и заметок, записанных в «вахтенный журнал». Бочка лежала так же, как я ее и оставил, не нужна никому, наверное, кроме меня, хотя если бы ее не было, то я бы обрадовался скорее всего, предположив, что кто живой еще есть рядом. Походил вокруг между поваленными деревьями... только сейчас до меня дошло, что я действительно «родился в рубашке», в радиусе тридцати метров осталось нормально стоять всего несколько деревьев, на одном из которых я и завис тогда с бочкой. В этом месте распадок сужался и уходил вниз, значит, поток тут был очень мощный, и бочку, к которой я успел зацепиться, вероятно просто подкинуло потоком вверх. Долго изгалялся с тем, чтобы обвязать бочку и чтобы удобно было ее тащить в виде ранца, так-то она не тяжелая, полиэтилен, но габаритная, на 220 литров. Постоял еще, отметил на карте место, навьючился и побрел обратно. Примерно через час обратного пути заметил на дереве слишком ровную «толстую ветку», это оказалась вязанка удочек. Несколько бамбуковых колен еще времен СССР, наверное, и «телескопичка» с катушкой примерно того же времени, вокруг пучками спутанная леска, с крючками и поплавками, которыми эта «вязанка» и зацепилась, снял «бочку-рюкзак», влез на дерево и с помощью финки высвободил свою находку из веток.

До развалин части шел «с перекурами», периодически останавливаясь и осматриваясь, ничего выдающегося больше не обнаружил и решил от развалин спуститься к дому напрямки, через скалу и фазанье поле, где меня поджидало сразу два сюрприза – во-первых, это «дорожка» из бруса, скорее всего от моей бани, хотя не факт, растянувшаяся метров на сто, часть валялась в открытую, а часть торчала из намытой земли и веток. Во-вторых, я провалился в какую-то жижу по колено, сначала подумал, что наступил на гниющий труп или тушу животного, от чего меня чуть не стошнило, но выяснилось, что это просто мокрая земля... мокрая земля... с чего бы??? Поджим!!! Воткнул первый попавшийся под руку дырн на том месте и, как молодой сайгак, побежал к дому, забыв, что за плечами висит бочка, хоть и полиэтиленовая, весело, наверное, со стороны выглядело – черепашка ниндзя, блин. Прибежал к дому, скинул с себя все, кроме оружия, схватил штыковую лопату и побежал назад. Вот что бегать, спрашивается, никуда же уже не денется, ан нет, как молодой неся к торчащему из мокрой земли дырну. Вода начала проступать, когда я прокопал вглубь примерно на полметра, ну и в ширину на метр откинул землю. Опустившись на колени, как загипнотизированный смотрел на неспешно поднимающийся уровень воды в яме. Потом копнул еще глубже, пока лопата не начала позвякивать, ударяясь об песчаник в глине, расширил еще немного яму и прокопал желобок для стока. Чтобы яма не осыпалась, наносил досок от забора и, заострив с одного конца топориком, топориком же и заколотил их под конус, подгоняя друг к другу. Потом, опустившись на землю рядом с источником, я просидел почти час, просто смотря на воду, которая, набравшись в яму, вытекала через желобок вниз и через пару метров, впитываясь в землю, исчезала. Начало припекать солнце, и меня охватил приступ паранойи, я, боясь потерять только что обретенный источник, подумав, что он сейчас высохнет, начал спешно сооружать над ним навес, забив по периметру ямы несколько кольев, закрепил их горизонтальными жердями, привязав проволокой. Потом перекрыл эту конструкции кусками битого шифера, подобрав более или менее большие куски. От начавшейся жары надо было прятаться,

и, вернув себе самообладание, я побрел до своего бунгало, до которого было метров сто, не больше. Жадно вылакав полфляги воды, я опустился на матрас и вырубился.

Проспал примерно три часа, попил и взялся за канцелярию:

«9-й день после волны

Утренний осмотр территории не выявил выживших.

Сходил за бочкой, собрал немного трофеев и сделал отметки на карте. Обнаружил поджим в 100 м от дома, откопал и облагородил источник. Сырую пить не рискну, хоть вверху трупов и не обнаружил, все равно прокипячу сначала.

Завтра устрою выходной, устал.

Решил для себя вести свой календарь: в неделе 10 дней, 10-й день выходной».

Убрав журнал, пошел проверить источник. Вода уже очистилась и была прозрачной, но на дне было видно глину и тонкий матовый слой грязи. Песка и гальку было взять неоткуда, и я потратил час на то, чтобы расколоть несколько кирпичей кувалдой, как можно мельче, потом собрал кирпичную крошку и засыпал дно источника. Вот, гораздо лучше теперь, чище будет. Если этот поджим никуда не уйдет, то огород можно засаживать смело, а я все волновался, как огородничать при такой жаре, уже было собирался в лесу у оврага грядки копать меж деревьев. Так как обед нагло продрых, достал банку каши из котелка, что брал с собой, настругал щепок в очаг и, подсунув обрывков бумаги, зажег линзой огонь. Подкинул дров, вскрыл банку, высыпал содержимое в кастрюльку и поставил на «плиту» на пару с чайником. В чайник я налил воды из нового «колодца», на пробу, так сказать, вот попою чайку, и если потом не пронесет или не заболелю какой-нибудь холерой, то считай жизнь налаживается. Кстати, о холере, уже достала эта воняющая куча в огороде, размерами – в высоту под два метра в верхней точке и площадью примерно 4 на 6 метров. Однако разбирать ее надо. Ничего, вон забор расчистил, с дороги все собрал по периметру от места, где были ворота, и до загородки под уголь, и эту кучу разберу.

Пообедав, переоделся в рабочее, нацепил пояс с инструментом и пошел искать источник вони, в смысле кучу разгрести.

После трех часов работы стало понятно, что это за куча такая. Сорванную потоком крышу дома перевернуло и с размахом опустило на сараи и курятник. Птица же была считай в клетке, а потом ее еще волной и крышей задавило, так что источник испорченного воздуха был найден. Я в быстром темпе начал все разбирать, складывая доски, шифер и кровельное железо в аккуратную кучу у одной из целых стен дома. Сарай-мастерскую просто сложило на бок в сторону фазаньего поля, и я аж запрыгал от радости, как ребенок, так как там слишком много всего лежало и осталось лежать ценного, а учитывая современные реалии – бесценного!

Намахался я, конечно, гвоздодером и молотком, да и натаскался за сегодня. Ладно, главное вонючие тушки собрал, отнес на кострище и сжег, потерпит сарай до 11-го дня теперь. А сейчас ужин и спать!

После волны. День 10-й

Открыв глаза одновременно с первыми лучами солнца, я еще повалялся с полчаса, выходной как-никак. Скрутил спальник, развел огонь и, поставив греться полный чайник, отправился на развалины, выходной выходным, а утренний дозор никто не отменял! Прокрутился на 360 градусов, осматривая все вокруг, вроде все по-старому... только мне, возможно, показалось, но в стороне Васиной сопки, у самой кромки воды, вроде было шевеление какое-то, бинокль хорошо увеличивал и позволял рассмотреть очень многое, однако либо зверь затаился, либо ушел в лес и скрылся в валежнике, ну или действительно... показалось. В общем, к завтраку спустился я слегка озадаченным, чайник уже кипел вовсю. Заварив свежий пакетик, вскрыл банку сгущенки, отлил в чашку, и макая туда галеты, которых уцелело в подвале всего несколько пачек, принялся за «завтрак выходного дня». Несмотря на объявленный самому себе выходной, поработать, не надрывая пупок, я все же собирался. Еще вчера засыпая, я придумал

применение пластиковой бочке. Я сделаю у родника еще один небольшой навес, сколочу невысокий козелок и установлю на нем разрезанную вдоль бочку – будет ванна! А вторую половину от бочки пристрою пониже родника, прокопаю желоб, выложу шифером. От родника будет стекать вода и наполнять вкопанную половинку, из нее будет удобно черпать воду не поднимая муть в самом роднике, и самое главное, там можно будет стирать. Накидав примерный эскиз «в голове», принялся за работу. Бочку резал старым кухонным ножом, предварительно раскалив его в огне, получилось почти ровно, сколотил козелок, установил половинку, прихватил в четырех местах по краю гвоздями к козелку. Конечно, не джакузи с гидромассажем, но зато есть где помыться, не чапая перед этим по сопкам почти 8 километров. Так, не торопясь и в удовольствие я провозился часа четыре. Все-таки навыки не кабинетного инженера сказываются в положительную сторону, оборудовал я себе отличный «банно-прачечный комбинат». До обеда оставалось еще пара часов, и я решил разметить дорожки от дома до бани и до туалета, которые выложу досками, которых теперь очень много где валяется, и если их не использовать, то потом только в костер, испортятся в земле. Ну что, на следующую неделю включу в план работ. Вообще, работая вот так, не монотонно, можно многое сделать. Конечно, устает, но из-за смены вида работ это не так чувствуется, так что 2–3 часа в день можно потратить и на деревянные дорожки.

На обед приготовил себе рис с сайрой и запил холодным чаем. Потом, подтащив к матрасу несколько стопок журналов, найденных при разборе свалившейся крыши, я развалился в тени брезента и стал их перебирать. Радости моей не было предела, когда, перебрав подписку «Роман-газеты» периода 1976–1980 годов, я докопался до нескольких внушительных стопок журналов «Техника молодежи» и «Моделист-конструктор». Отлично, теперь есть чем заняться в «сиесту».

После обеда я пошел неспешно разбирать остатки крыши и курятника. Перетаскивая к дому очередную стопку досок, я услышал выстрел, который раскатом заметался меж склонами сопки и затих в тайге... а потом лай, очень знакомый лай... где-то далеко... Дернул с одного из гвоздей, заколоченных мной недавно в стену, бинокль и побежал повыше, к туалету. Я немного покрутился, высматривая что-нибудь... ничего... может, подняться на развалины... и тут опять лай. Точно! Оттуда же, где мне «показалось», что я видел какого то зверя. Руки тряслись от волнения, я подставил под бинокль доску как опору и стал всматриваться в место на склоне Васиной сопки. Ага, силуэт человека, в комбинезоне, что ли, за спиной ружье, силуэт что-то достает палкой из воды... ни хрена себе! Рыба... это по рыбе что ли стреляли? Рыбка с половину силуэта точно, и когда человек выволок жердью рыбу повыше на берег, из кустов выскочила собака и опять залаяла, покусывая то жердь, то рыбу. Это же Бим! Я разволновался, руки затряслись еще сильнее, а от следующей картины бинокль вообще чуть ли не выпал у меня из рук... Силуэт выпрямился, стянув с головы что-то вроде тюрбана, рыжие волосы сразу рассыпались по плечам, и жестом, который в генах только у русских женщин, она вытерла пот со лба тыльной стороной ладони. Светлана! Это точно она! Так, что делать, как подать знак? Стрельнуть? Костер?

– А ну, возьми себя в руки! – сказал я вслух. – Во-первых, если стрельнешь она, может, и услышит, но не увидит ничего, а во-вторых, на костер уйдет время, к тому же вон уже уходит она, куда-то вверх по склону, взвалив на себя рыбину.

Бимка, весело подпрыгивая, бежал за Светланой, а я смотрел им вслед, пока они не скрылись в валежнике и кедряче. Опустившись на землю, лег на спину, раскинув руки, и, глядя в синее небо и обращаясь к кому-то или чему-то всемогущему и всесильному, прошептал: «СПАСИБО».

Вот вроде мы абсолютно чужие друг другу люди со Светланой, но за время проживания по соседству какая-то, как говорят, искорка все-таки проскочила между нами. Нечего скрывать, она была мне симпатична, правда, я никак не мог найти подход к ее, так сказать, своеоб-

разности. И теперь, в нынешних условиях, она была самым близким мне человеком... а Бимка так вообще «сыночек».

В общем, поднявшись с земли, я решительным шагом направился к дому, готовиться к походу к Васиной сопке. Над картой просидел около часа, все-таки пытаюсь выяснить, смогу ли я посуху пройти на Васину сопку. Решив, что готовиться надо к разным вариантам, я в спешном порядке начал раскидывать руины сарая, так как там находилась куча всякого автомобильного, что я покупал перед отъездом из города, в частности 8 камер, насос от мотоцикла, да и сам мотоцикл, хотя ему, наверное, уже конец после утопления, ну не до него сейчас. С моим стилем плавания, а именно «топориком» или «утюгом», мне нужно средство переправы, если между нашими островами все-таки 150-метровый пролив, а не отмель или коса. Я нашел то, что искал. Четыре камеры я плотно скрутил веревкой, которую тоже отыскал в сарае с избытком, нашел и насос, но его пришлось перебирать, обильно залив маслом. Через час я был готов, в самодельный пояс сложил все необходимое, в рюкзак сложил камеры, насос, крепежный материал, кусок брезента, пару кусков фанеры от какой-то мебели – для весел. До максимально узкого места, между нашими островами я решил идти верхами, то есть по не задетым волной местам, так быстрее и не придется лезть всю дорогу через валежник и завалы. Сверился еще раз с картой, надел рюкзак и перекинув, через голову ремень обреза, выдвинулся. К нужному месту я вышел через пять часов, нашел более-менее пологий спуск к воде... Да, гладко было на бумаге, да забыли про овраги – вспомнил я пословицу. Все-таки пролив, и метров двести не меньше. Что ж, стемнеет часа через три, так что не буду «гнать лошадей» и спокойно подготовлю материалы и займусь плотом. Нарубил жердей, обтесал, чтобы не торчало ничего, затем накачал три камеры и связал между собой, накрыл брезентом, дабы не повредить резину, затем закрепил, перехватив веревкой четыре жерди поперек, как лаги, и сверху уже начал укладывать жерди вдоль. Плот получился примерно 1,5 на 2,5 метра. Дотемна я успел все скрепить и проверить надежность, спустив плот на воду и попрыгав на нем... ну, вроде устойчиво и хорошо держится на воде. Затащил обратно на берег, привязал... а то! А вдруг белки сопрут. Развел костерок и, согрев кипятка, в кружке заварил чай, а в котелке сублимированную лапшу, я поужинал. Улегшись прямо на плот, подстелив спальник, я долго смотрел на звезды и не мог уснуть. Никак не мог вспомнить ее лица, вот бывает же так... увижу – узнаю, а лица вспомнить не могу. Так и уснул, пытаюсь выцарапать из памяти черты лица Светланы.

После волны. День 11-й

Проснулся с восходом, и пока грелась вода на чай, я изготовил два весла и прикрепил их по бортам плота на уключины, сделанные из веревки. Быстро попив чай, перегрузил барахло на плот и оттолкнулся от берега... «Ну, с Богом», – сказал я, сел на колени, подложив спальник, и попробовал погresti. Получалось не очень, ни в строительстве плотов, ни в мореплавании я не преуспел до этого, однако я плыл! Плыл вполне уверенно, громко плюхая веслами в рассветной тишине. Половину расстояния я преодолел, пытаюсь приловчиться к веслам и вообще к тому, как ведет себя на плаву мое плавсредство, но вторую половину уже более уверенно, целенаправленно и быстрее. Таким образом, через полчаса я причалил к толстому корню поваленного дуба. Привязал плот и выбрался на берег, застегнув на себе только пояс и повесив на плечо обрез, я зашагал к зимовью, заметив не то чтобы свеженатоптанную тропу, но явно свежие следы. Подъем в сопку занял почти час, я отметил четкую границу прохождения волны. Валежник кончился, и идти стало легче. Лес в основном здесь был хвойный, и очень приятно пахло. Сквозь ковер опавших иголок настойчиво пробивалась свежая трава и совсем молодые побеги папоротника. Вот так, растительный мир «думает», что наступила весна.

Первым мне навстречу выскочил Бимка, на то он и собака, наверняка почуял приближение «гостя». Бим сначала залился громким лаем, потом, увидев меня, он замер на секунду, наклонил голову сначала на один бок, потом на другой и, неистово виляя хвостом и издавая нечто среднее между скулением и писком, он пулей полетел ко мне, я опустился на колени,

раскинув в стороны руки. Подскочив ко мне, он встал на задние лапы, а передними обняв меня за шею, начал облизывать мне лицо, продолжая скулить, даже пару раз прикусил за подбородок. Я обнял, его теребя по холке, и сам был готов скулить от радости, не в силах сдержать слезы. На пригорок вбежала Светлана с ружьем в руках, в каком-то комбинезоне и резиновых сапогах, увидев нас с Бимом, она как будто потеряла равновесие, опершись на ружье, медленно опустилась на землю и закрыла лицо руками, ее плечи подрагивали. Я встал и направился к ней, Бим как заведенный скакал вокруг меня и лаял, пытаясь сигануть повыше. Подойдя к Светлане, я опустился рядом на колени и положил руки на ее дрожащие плечи, которые сразу же замерли, и она подняла на меня взгляд.

– Ты почему так долго? – спросила она и уткнулась мне в грудь лицом, ее плечи затряслись снова, она плакала, но очень тихо, почти не слышно.

– Так ты же забралась далеко, – ответил я шепотом и спросил: – Где пацаны?

– Там, в зимовье, – сказала она.

– Ну что, пойдём собираться?

– Куда?

– Домой.

Переpravлялись за два рейса, сначала перевез мальчишек и Бима, потом Светлану и кое-что с зимовья. Несмотря на то, что провозились со сборами, переправой и разборкой плота, путь домой мне показался гораздо быстрее. Протопали часа три и сделали привал, напиться и передохнуть.

– Там было где взять воду? – спросил я у Светланы, протягивая ей флягу.

– Да, нашла в паре километров от зимовья ручей.

– А ели Васины запасы?

– Да, но кончились они быстро. Зато там ружье вот было и патронов два десятка, – она кивнула на не новый, но хорошего состояния ИЖ-27.

– Так, а ты в рыбу стреляла-то зачем, и что это за рыба такая?

– Их там несколько было, не знаю, что за рыба, наверняка это уже что-то неместное, но вкусная. Я их заметила позавчера, когда силки ходила ставить. Они у берега крутились, у самой поверхности, где туша барана у воды лежала. Запах, наверное, привлекал. Ну привязала тушу за дерево и спихнула наполовину в воду, как приманку.

– Ишь ты, хорошо придумала.

– Сергей, я своим хозяйством и охотой уже больше десять лет живу, не думай, что у меня на это не хватит мозгов, а тем более когда стоит вопрос прокормить детей.

– Я и не думаю, совсем наоборот. Так, а что стреляла-то?

– А чем ее брать? Можно было бы это к жерди привязать, но большая рыба сорвалась бы, – Светлана показала мне мой нож и добавила: – Вернуть?

– Оставь.

– Если бы ты мне нож не оставил, утатило бы нас вниз, а так я смогла сориентироваться, подтянула мальчишек к себе и отрезала бочки, а потом ножом за стволы цеплялась, пока не удалось надежно зацепиться.

– А Бимка как?

– Не знаю, на второй день на него наткнулась.

– А меня просто смыло, да головой ударился, пока волной швыряло, вот тут очнулся, на дереве висел, – я протянул Светлане карту с моими отметками, – очнулся и побрел.

– Ух ты, карта, ты где ее взял?

– У себя, дома. Дом только наполовину снесло, так что в нем и живу, да и из вещей много что уцелело.

– Это как?

– Два кедра, что за домом были, не дали потоку спихнуть дом, только крышу оторвало и на огород скинуло.

– Чудо.

– Вот именно. Но там и силы волны не было, на тридцать метров выше волна не прошла уже.

– А мой дом?

– Ну... только печь стоит, и то покосилась.

– Больше ничего?

– Ничего.

Мальчишки, Андрей и Денис, внимательно слушали наш диалог, и потом старший, 13-летний Андрей спросил:

– Дядя Сергей, а мы теперь вместе будем жить?

– А ты как хочешь?

– Я хочу вместе.

– Я тоже хочу, – добавил Дениска, ему было 11 лет.

– А мама ваша хочет? – спросил я у них и посмотрел на Светлану.

На что она посмотрела на меня в ответ, как-то оценивающе, и, пронзив взглядом, что аж в затылке зачесалось, поправила рыжий локон, согласно кивнула детям и, улыбнувшись, ответила:

– И мама тоже хочет.

У меня аж отлегло, немного зная ее характер, я не был до конца уверен, что она согласится жить под одной крышей с малознакомым, да еще и городским мужиком.

– Может, перекусим? Идти еще часа два – два с половиной. Или потерпим до деревни, – предложил я.

– Потерпим, – ответила Светлана, решительно вставая с земли.

– Хорошо, тогда потопали дальше, – сказал я, взваливая на себя рюкзак.

Взобрались на развалины воинской части часа через три, все-таки в гору, да и с детьми, которые, надо отдать им должное, ни разу ни пискнули за всю дорогу. Только Биму было жарко бежать, и мы еще несколько раз останавливались напоить собаку да самим попить и отдышаться. Светлана стояла и смотрела вниз, на небольшой залив, под толщей воды которого покоился поселок Сахарный, потом спросила:

– Ты нашел кого-нибудь?

– Да, нашел Михалыча и еще несколько человек... кремировал их. Вон там у берега. Ну что, пошли?

– Пойдем.

Зашли во двор со стороны дороги, Бимка сразу кинулся все обнюхивать и метить территорию.

– Ну вот, располагайтесь. А я пока обедом занимаюсь, вы идите сполоснитесь.

– Где? – удивленно спросила Светлана.

– Да я же ванну сделал! Вон видишь навес? Там рядом две половинки бочки, на козелках и вкопанная.

– Ух ты, а вода откуда, из скважины?

– Нет, из скважины вода ушла. А там поджим откуда-то взялся, ну прокопал я его поглубже и обустроил для забора воды.

– Да я смотрю, ты тут вообще зря время даром не терял.

– Ну а что, жизнь-то продолжается.

– Это верно.

– Может, за первые несколько дней и не свихнулся только потому, что постоянно чем-то занимался. Ладно, вот вам мыло, ведро и простыни – вместо полотенец.

– Мыло и простыни, – повторила за мной Светлана, принимая от меня вещи, – откуда?

– Да я же говорю, почти все уцелело мое хозяйство.

– А что есть переодеться? – спросила Светлана.

– Эм... ну моя одежда, да вот пособирал кое-что и отстирал, – сказал я, указав на полку и комод.

– Я вот это и это возьму? – сказала она, сняв с вешалки недавно найденную и отстиранную цветастую рубашу и мои обрезанные из джинсов бриджи.

– Бери.

Светлана еще раз посмотрела в сторону моего «банно-прачечного комбината» и спросила:

– Можно еще простынь, я там штору сделаю.

– Зачем?

Светлана недоуменно приподняла бровь, как же симпатично у нее это получается.

– А... прости, туплю. Вот держи, – Наверное, покраснев, ответил я и вручил ей толстую штору и небольшой моток веревки.

– Мальчики, идем, поможете, – позвала она детей и направилась к «ванной».

А я спустился в подвал, набрал картошки, консервов и пшенной крупы на кашу Бимке. Развел огонь и поставил вариться картошку «в мундирах» и кашу. Пока варится обед, решил по-быстрому сходить и загородить туалет. Пока работал над ограждением туалета, было слышно, как плескаются и смеются мальчишки. «Господи, неужели надо было уничтожить почти весь мир, чтобы люди начали понимать, в чем истинные человеческие ценности?» – пронеслось в голове. Перестав стучать молотком, я повернулся в их сторону. Дети сидели в «ванне», что была на козелках, и смеясь поднимали вокруг себя брызги и мыльные пузыри.

Закончив, я вернулся в дом, где на очаге уже сварились и картошка и каша. Вывалив в кастрюлю с кашей банку тушенки, перемешал, затем отложил порцию в маленькую миску и поставил остывать на тумбочку, Бим сразу сообразил, что это для него, и уселся рядом с тумбочкой охранять.

– Ну ты только не обольщайся, это тебе в честь праздника такое угощение, – сказал я Биму, потрепав его меж ушей, – есть куча комбикорма и птичьей еды, вот из них и буду тебе кашу варить. Ну и сам что в лесу добудешь, тоже твое, не претендую.

Светлана с детьми закончили с водными процедурами и направлялись ко мне. Дети, завернувшись в полотенца, а Светлана в моих, точнее, уже в ее обрезанных по колено джинсах.

– Ну садитесь сюда, берите картошку, сейчас консервы открою.

– Что прямо вот на полу? – радостно спросил Денис.

– Да, прямо на полу, как японцы, только вот стол надо будет сделать, одному-то мне и перевернутого тазика хватало.

– Класс, на полу! – заулыбался Андрей и посмотрел на мать.

Светлана села рядом со мной и стала помогать с «сервировкой стола». И тут я вдруг спохватился и побежал в подвал.

– Надо же отметить встречу, – сказал я, вернувшись, выставляя остатки вина и по банке консервированных ананасов пацанам.

– Хорошая мысль, – согласилась Светлана.

И тут гавкнул Бим, мол, «вы что, забыли про меня?». Мы рассмеялись, и я снял с тумбочки миску с кашей и отдал собаке.

Андрей весьма умело вскрыл ножом обе банки, что я оценил, отметив про себя, что этим пацанам суждено стать мужиками до срока.

Мы пообедали, выпили вина и, пока пережидали жару, рассказывали друг другу о своих приключениях в новом мире. Потом мальчишки уединились, усевшись на топчан у печи, и стали там рассматривать «Моделист-конструктор».

- Что думаешь дальше делать? – разливая вино, спросила Светлана.
- Да дел-то навалом, бардак в огороде разобрать, мастерскую восстановить и навес там сделать, ну и сажать начинать... Картошку и прочее.
- А что еще прочее?
- Да я в подвале металлическую коробку нашел с семенами разными, они давнишние, но вдруг что прорастет.
- Попробовать можно. Мне огородом заниматься?
- Хорошо, занимайся, а пацаны пускай по склону ходят, там много чего полезного найти можно, пусть все несут. Теперь в район не съездишь по магазинам.
- Это точно, я еще одеждой займусь, отстираю для начала, а потом посмотрю, что перешить можно. Что вот за куча тряпья у того столба лежит?
- Да это я в тот день нашел, когда тебя на берегу увидел. Сразу же бросил все и собираться начал.
- Понятно, ну завтра отстираю.
- Вон там у развалин дома бабы Зои я еще застиранное в море развесил.
- В море?
- Ну а где? Все же в грязи было. Я все найденное тряпье полоскал в море, а потом на родник к оврагу носил стирать, пока этот поджим не нашел.
- В старую балку ходил?
- Ну да, каждые два дня, воду-то питьевую только там нашел. А, там такой замечательный водопад образовался, я под ним мыться приспособился. А еще я там временное убежище решил построить, ну жару переждать или еще чего.
- Покажешь?
- Сходим обязательно, как здесь дела основные закончим.
- Ну что, еще вина?
- Разливай уже последнее. О! У меня же к вину есть отличная закуска.
- Я опять сбегал в подвал и снял с лески несколько пластиков вяленой медвежатины.
- Ого, сам что ли добыл?
- Да... на испуг взял, больше он меня, конечно. Хотя, если честно, я так разозлился, что мне уже все равно было, медведь это или динозавр какой, сам словно в зверя превратился. Представляешь, я тут все разгребал, чистил три дня как заведенный, чтобы запасы и имущество спасти, ну вроде более-менее разгреб и за водой пошел, возвращаюсь, а здесь эта тварь хозяйничает, все с ног на голову перевернул. Ну и застрелил я его, в общем. А жара же несусветная стоит, соли мало, я немного пожарил, немного завялил, остальное в море.
- Соли мало? – Света опять сделала бровь «домиком» и кивнула в сторону залива.
- Эм... вот я... Надо же!!! – шлепнул я себя по лбу. – Да поморы на северных морях еще при «царе Горохе» соль варили.
- Вот именно. Хорошо ты головой-то стукнулся, наверное, – сказала Света и рассмеялась приятным звонким смехом.
- Ничего, до свадьбы заживет.
- Да? Еще планируешь?
- А то! Мужчина я видный, холостой... – И мы опять рассмеялись.
- Так за разговорами мы переждали жару. Я озадачил мальчишек поисками на фазаньем поле и дальше, правда попросил, чтобы совсем далеко не уходили. Светлане показал, где у меня лежит все бытовое, и она занялась шмотками, сделать себе и детям что-нибудь на смену переодеться. А сам отправился заканчивать с сараями.

«39-й день после волны

Дневник не вел практически месяц, все как-то закрутилось. Завтра 40 дней в новом мире. И у меня возникло желание поведать о прошедшем месяце.

Нашел выживших, 3 человека, мать и двое детей. Раньше жили по соседству. Светлана мне симпатична, но я не проявляю активных действий, стесняюсь. Она мне очень нравится, и я боюсь ее обидеть. Она и дети живут со мной, познаем принципы общежития. Светлана занимается бытом и огородом. Недавно ходили вместе на охоту, и хочу сказать, что в некоторых моментах он мне может вполне дать фору. Подстрелила фазана еще до того, как его подняла собака.

Сейчас живем вчетвером + собака. Дети активно занимались поисками в округе, и не безрезультатно, нашли много полезных и необходимых в хозяйстве вещей.

Пару недель назад закончили с посадками в огороде, и сегодня уже наблюдали картину наших трудов – много всхожих побегов. Все-таки субтропики, как мне кажется, очень располагают к земледелию.

Пару раз где-то далеко слышали выстрелы, но это не на нашем острове, либо на море, либо на материке. К нам на остров пока никто не заявлялся.

Сходили к оврагу пару раз, сделали шалаши и запас провизии. Теперь там можно с неделю пересидеть вчетвером, во всяком случае, рассчитывали на четверых.

Осваиваем солеварение. Дети нашли котел из моей бани, здоровенная чугунная посуда примерно на 100 литров. Откапывали ее практически весь день, и потом с большим трудом отволокли ее к морю, установили на камни. Разводим костер и кипятим морскую воду, выпаривая соль. Выпадающую в осадок соль в процессе кипячения откидываем на деревянный настил и сушим. Доверили этот процесс детям. Справляются, наварили уже несколько килограммов.

По огороду:

посадили 4 ведра картошки и немного рассады – огурцы, помидоры, баклажаны, перцы и тыквы. Прямо в грунт посеяли морковь и свеклу. Проросло не более 20 процентов семян, но и это нас устраивает. На фазаньем поле нашли проросший лук и чеснок, несколько головок – вероятно, то, что разнесло волной из домов. Выкопали и пересадили в огороде. В лесу много зелени, трава и кусты прут вовсю. Средняя температура воздуха 32 градуса, дети нашли термометр, и теперь можно точно наблюдать колебания температуры. Наблюдения показывают, что ночью температура опускается до 20–22 градусов, от восхода солнца и до обеда 30–35 градусов, во время дневного солнцестояния температура поднимается до 40–45 градусов. На 25-й день был дождь, ночью, шел не долго, около часа, но плотный и сильный, а наутро опять безоблачное небо.

Огород полностью очищен, восстановил сарай и сделал навес. Все, что в нем находилось, уцелело.

Поправил стены дома и уложил бревна в венцы с помощью лебедки и домкрата, перекрыл крышу жердями, сверху закрыл найденными материалами (2 ковра, куски шифера и рубероида).

Откопал машину, но она уже металлолом. Решили потихоньку разбирать ее с детьми. Завтра идем со Светланой к оврагу, закончить с шалахом и поохотиться, если повезет».

После волны. День 40-й

Сходили с утра с мальчишками на развалины, им понравилось каждое утро нести вахту и наблюдать за побережьем и окрестностями. С неделю назад они уговорили меня сделать на развалинах наблюдательный пункт. Это мне поднялся, осмотрелся и обратно. А для них с радостью воспринятая обязанность наблюдения по утрам превратилась в нечто большее, в чем совместились и игра, и стремление быть нужным, важным и чувствовать себя еще и важной частью нашего скромного общества. Денис спросил у меня добро взять материалы и инструмент, чтобы соорудить на развалинах небольшой навес. Я им разрешил, и уже три дня дети проводят время после обеда под навесом на развалинах. После завтрака мы со Светланой стали

собираться в поход к оврагу, куда нужно было отнести еще кое-что из запасов еды и вещей. Собрав рюкзак, небольшую спортивную сумку и прихватив оружие, мы отправились к оврагу. Собаку оставили детям, пусть привыкает охранять в отсутствие взрослых. Не дойдя примерно с километр до шалаша, задержались у зарослей лиан лимонника, набрали ягод, листьев и нарежали блестящих шелушащихся стеблей.

– Все в дело пустим, тайга прокормит, – сказала Светлана, сматывая в кольцо кусок отрезанной лианы.

– Да и на чай надо наготовить трав. В огороде вон кусты листья распустили, засушить чёрной смородины, малины, облепихи. И липовый цвет собрать можно будет.

– Согласна, сколько еще у нас чая «из прошлой жизни» осталось?

– Немного, пакетированного начатая коробка и две пачки гранулированного.

– Ну вот, а чая пьем мы много, быстро выпьем.

Закончив мучить лиану, продолжили путь и, придя на место, занялись каждый своим делом – Света, добавив провизию в тайник в дупле, пошла прогуляться вокруг на предмет живности, а мне предстояло закончить с настилом пола в шалаше, который я делал из нетолстых жердей, плотно подгоняя друг к другу.

– Сегодня не повезло, но я видела несколько косуль на противоположном склоне, а на тропе к оврагу следы кабана, – сказала Света, тихо подойдя к шалашу.

– С солью проблем нет, можно будет добывать теперь зверя впрок.

– Ладно, добытчик, я под водопад схожу, обмоюсь, потом поедем. Долго тебе еще?

– Почти закончил, края обвяжу только.

Светлана достала из сумки большое полотенце, уцелевшее в комодке среди другого белья, но уже чистое и отстиранное, и спустилась к водопаду. Закончив работу, я убрал инструмент и принялся разводиться огонь, лоя фокус линзой на кучке сухой травы и листьев. Когда я, уже разведя огонь, повесил греться котелок с водой, пришла Светлана, замотанная в полотенце на манер сарафана, держа одежду в руках.

– Иди ты теперь освежись, я тут разберусь, – сказала она, присев в шалаше и перебирая в сумке чистую одежду.

– Хорошо, – согласился я и, вытащив из своего рюкзака чистую простынь и подобрав с земли мыльницу, направился вниз.

Водопад уже выбил за период своего недолгого существования небольшое углубление, где было удобно замкнуть, стоя по грудь, что я и сделал, раздевшись рядом на камнях. Несколько раз нырнув, я намылился и, затем ополоснувшись под холодным потоком воды, пулей выскочил оттуда, покрывшись «гусиной кожей», ухая и ахая от бодрячка. Поднявшись к шалашу, замотанный словно римский патриций простынею, я развесил на натянутой веревке постиранную одежду и сел на край настила шалаша, где Света уже запарила кипятком сублимированную лапшу и выложила лепешки, которые она наловчилась жарить из муки и яичного порошка. Молча поели, и я заварил чай, добавив веточек лимонника.

– Ну что, будем собираться обратно? – спросил я Светлану, допив чай и оставив кружку.

– Посидим еще немного, – ответила она, держа двумя руками кружку у себя на коленях.

– Ну посидим, торопиться некуда.

Я сидел и смотрел вниз, где журча и подпрыгивая по камням, устремлялась в глубь оврага вода. Сквозь кроны деревьев пробивались солнечные лучи-прожекторы, оставляя на траве множество сияющих пятен разного диаметра, вокруг щебетали птицы, и казалось, что ничего в мире не произошло вовсе. Единственное, что сильно изменилось, так это запах леса, он стал слаще, что ли, и если случалось находиться в лесу во время дневного солнцестояния, то этот запах становился еще сильнее, а воздух уплотнялся. Так, погружившись в размышления о природе, я не заметил, как Светлана как-то очень плавно и мягко положила голову мне на плечо, а потом подняла на меня глаза... они все сказали... все произошло настолько есте-

ственно и гармонично, насколько естественна была природа вокруг нас... и время остановилось. Мы слились в объятиях, целуя друг друга, а я прикасался к ней так, словно боялся навредить нежному цветку...

– Ты такой нерешительный, оказывается, – сказала она, положив голову мне на грудь.

– А очень хотелось, – ответил я, перебирая пальцами рыжие локоны волос, запустив пальтерню в волосы на ее затылке и скосив взгляд на ее стройную спину и симпатичные ямочки на пояснице.

– Это я тоже поняла, – ответила Светлана, потом приподнялась на локте и, улыбнувшись, сказала: – Пошли купаться и домой, а то задержались мы тут.

Домой мы отправились гораздо позже, чем планировали, слишком много накопилось сдерживаемых ранее желаний.

Вернуться успели к самой жаре, и спускаясь к дому, услышали монотонное постукивание молотков – мальчишки выпрямляли на камнях гвозди, которые они до этого повибаскивали из досок, что я складывал на территории участка и которые они находили в округе. Андрей с Денисом вообще были очень самостоятельные и трудолюбивые, в чем, естественно, заслуга Светланы. Им не нужно было искать работу, они находили и придумывали ее себе сами. О нашем приближении всю округу оповестил Бим, который несся нам навстречу, прижав уши к голове и размахивая хвостом как вентилятором. Следом на дорогу выбежали и мальчишки.

– Сергей! Сергей! Тут лодка была! Оранжевая такая, пузатая, но ей никто не управлял, она то боком, то задом и туда поплыла, – наперебой кричали они.

– Давно? – спросил я, опуская рюкзак на землю, уже пройдя во двор.

– Нет, часа два назад, – ответил Дениска, посмотрел на крышку-циферблат.

– Ее вон там прибило, но мы не ходили к ней, ты же нам наказал не покидать дом, пока вас нет.

– Где?

– Да вон у камня, – ответил Андрей и протянул мне бинокль.

Действительно, посмотрев в бинокль, я увидел, что примерно в полутора километрах, у мыска с большим валуном и кучей поваленных стволов деревьев, как пупырь торчал спасательный ботик, оранжевый такой «боб» с неким подобием рубки.

– Ладно, Света, готовьтесь обедать, я проверю.

Оставив на себе только пояс с обрезом и бинокль на шее, я прихватил моток веревки и широким шагом направился вниз к мысу. Не доходя метров триста, остановился и еще раз осмотрел находку в бинокль. Зацепившись кранцами за деревья, торчащие из воды, ботик покачивался на небольшой волне в трех метрах от берега. Все люки были задраены. На носу была надпись «KURILSKAYA-3, 8.60x2.80x1.80, 32 рег.» Прочитав, что бот рассчитан на 32 человека, и поняв, что он с нефтяной платформы, которая наверняка находилась где-то в Охотском море, мне что-то стало не по себе, я представил, какой там внутри запах, учитывая, что проболталась эта посуда на жаре уже более месяца. А вдруг все-таки кто-нибудь выжил... вскарабкавшись по стволам поваленных деревьев, я ухватился за швартовый кнехт на носу бота, привязал к нему конец веревки, а весь моток, размахнувшись, забросил на берег, спустился обратно по деревьям и, подобрав веревку, несколько раз обвязал ею большой валун, торчащий из земли. А то! Вдруг заберусь, а он отцепится от веток и поплывет себе дальше, а так понадежней. Забрался на бот, принялся, ничем кроме раскаленного стеклопластика не пахнет, ладно, попробуем. Я повернул замки носового люка и аккуратно приподнял крышку. Меня обдало невероятным жаром изнутри, а также резким запахом пластика, резины и солярки. Перебежал на корму, разблокировал замки двери-люка и открыл, пусть протянет, хотя ветра почти нет. Сразу за дверью была рубка, небольшая панель, на которой компас, болтающийся в прозрачной жидкости в некой стеклянной капсуле, какие-то приборы, руль или, правильнее,

штурвал (хотя больше похож на обычную баранку автомобиля), пара рычагов, замок зажигания, тоже как на авто, ключей только не было. На панели, сбоку была наклепана блестящая медная бирка, часть надписей была на японском, то есть иероглифами, часть на английском и часть на русском. Правда, много информации я оттуда не почерпнул, понял только: грузоподъемность 3600, размеры 8.60x2.80x1.90, выпуска 2008 года, скорость 7 узлов, то есть чуть меньше 13 кмч. Ну и самая радостная надпись – «MADE IN JAPAN», значит, драндулет надежный априори. Продолжая принохиваться, разблокировал и толкнул вниз еще небольшой люк-дверь, спустился и очутился в достаточно большом помещении, напомнившем аттракцион из детства в луна-парке, где надо было зайти в некий контейнер, в котором по периметру были приделаны ремни, пристегнуться, и этот контейнер начинало мотылять из стороны в сторону в течение трех минут аж за целых 50 копеек. Здесь также по периметру были закреплены много вроде как ремней безопасности, и еще в центре пара перегородок, по обеим сторонам которых также были прикреплены ремни. От середины к корме тянулся кожух двигателя со всевозможными техническим лючками, баки с надписями «Fuel» и «Water», полости под ящики. Разного размера ящики и прорезиненные мешки были также рассредоточены по разнообразным нишам и креплениям. Бот был пуст, и судя по отсутствию ключей, кое-какой разбросанной внутри мелочи, тонким пластиковым пломбам на люках, в этот бот никто даже и не пытался залезть, и его скорее всего сорвало с креплений во время удара волны или резком повышении уровня моря. Ладно, надо вылезать, а то я тут сейчас, как в микроволновке, зажарюсь. Оставив открытыми все люки, я перебрался обратно на берег и поспешил к дому.

– Ну что там, трупов, наверное, куча? – спросила Светлана, когда, помыв руки, уселся за не так давно сколоченный коротконогий «японский» стол, примерно метр на метр.

– Представляешь, он пуст!

– Как? Это же спасательная вроде шлюпка какая-то.

– Да, но в ней никто не успел спастись, я сначала не заметил, а потом увидел пластиковые пломбы на люках, пломбы двухлетней давности, борт один процарапан хорошо. Я думаю, сорвало этот бот с креплений и все. В общем, после жары пойду его заведу попробую.

– Хм, а кое-кто обещал мне помочь в огороде... Не помнишь? Сережа, обязательно грядки надо затенить, а то погорит все.

– А, точно, ну закончим с грядками и пойду.

– А ты умеешь вообще с такими лодками обходиться?

– Нет! – честно ответил я. – Я даже плавать не умею толком.

Светлана звонко, как колокольчик, рассмеялась и спросила:

– А как же ты собираешься?

– Ну когда-то же надо начинать, тем более выбора у нас нет и мореплавание придется постигать в любом случае. И не забывай, что отправившись за тобой, я построил первый в своей жизни плот, и вполне удачно, так что небольшой шанс на удачу у нас есть, тем более что пока фортуна к нам лицом, если в общем и целом посмотреть.

– Да, согласна, – улыбувшись, кивнула Света, – зови детей и давайте есть уже, а то я страшно проголодалась... почему-то.

– И я! Андрей, Денис! За стол!

Мальчишки побросали лопаты, которыми они копали небольшие ямки вдоль грядок по моим отметкам, и побежали к умывальнику. Теперь с водой проблем не было, каждое утро дети «заряжали» умывальник, изготовленный из старого ведра, куска трубки и прищепки, к обеду вода нагревалась и было вполне комфортно заниматься гигиеной, а кто сильно за день перегревался, мог вполне сходить к роднику и замочиться во вкопанной половине бочки с ледяной и проточной водой.

Пообедали новым блюдом, Света недавно придумала. Это рисовая похлебка на бульоне из копченого фазана со свежей зеленью – черемша и крапива. Оказалось просто фантастически вкусно.

Пообедав, мальчишки унеслись на развалины, в свой «штаб», как они теперь называли наш НП, прихватив с собой найденный пару дней назад чайник и пятилитровку воды – обустройства, «адмиралы». Кстати, дробовик мой там теперь «прописался», в тайнике. Я настоящему принял зачеты у пацанов по обращению с оружием, и несмотря на то, что Света уверяла меня, мол, они не один раз уже сами в лес ходили до волны, я все равно заставил каждого зарядить и разрядить ружье (все не двудулка) и отстрелять по паре патронов. Еще выделил им линзу для разведения огня в «штабе», а на экстренный случай там был устроен небольшой схрон за выбитым из старой кладки кирпичом – зажигалка, пара свечей, ну и небольшой аварийный комплект и пяток патронов.

Света занялась кусками тряпок, которых за последние несколько недель нашлось предостаточно. То, что было более-менее крепкое и целое, Света, конечно, отстирала и отложила, а всякую ветошь она просто сшивала или связывала кусками. Вот эту ветошь мы и собирались натянуть над грядками, защитив наш огород от солнца. А я лежал под навесом в самом углу дома, на своем любимом матрасе, правда пока меня нет, его еще и Бим очень полюбил, и распутывал клубки веревок и проволоки, что натаскали мальчишки за все это время. Занятие, кстати, та еще «нирвана», сидишь и выпутываешь кусок стропы, радуясь новому полезному приобретению... а оно раз и кончилось, иногда распутываешь, распутываешь сосредоточенно часа полтора, а в результате куча времени убита на распутывание всего лишь двухметрового куска веревки... а я-то надеялся метров на десять... не меньше!

Солнце покинуло убийственный сектор жары, и мы со Светой отправились спасать нашу плантацию, ну а что, 25 соток не шутка. Учитывая нынешнюю температуру, я пару раз называл огород фазендой, прям как в 90-е после просмотра одного бразильского сериала, на что Света отреагировала своим звонким смехом. У нее был очень заразительный смех и фантастически очаровательная улыбка, что она, кстати, в «прошлой жизни» очень умело скрывала. Слыша, как она в очередной раз смеется над моей вроде не очень смешной шуткой и улыбается, глядя своими красивыми зелеными глазами не моргая, я, наверное, переживал нечто сродни ломки наркомана. Как же я долго держал себя в руках до сегодняшнего момента, и спасибо Светлане, она меня старалась не провоцировать, ни жестами, ни репликами, ни тем более внешним видом, понимая, что очень мне нравится.

Процесс установки невысоких опор в выкопанные ямки, укрепления их, натяжки веревок и развешивания тряпок над грядками занял часа три. И когда огород стал напоминать старый итальянский квартал с развешанным бельем на просушку, работа была закончена.

– Иди уже, а то смотрю, подпрыгиваешь от нетерпения, – сказала Света, аккуратно привязывая куст помидора к колышку.

– А то! Там столько неизведанного.

– Смотри, не уплыви куда-нибудь, мореплаватель.

Взяв с собой кое-какой инструмент, отправился к боту. Не один, мальчишки, естественно, напросились со мной. Бим тоже было намылится с нами, но получив команду «охранять», обиделся и улегся на мой матрас.

С помощью детей мне удалось более надежно пришвартовать бот, Андрей зацепил еще один кусок веревки за кормовой кнехт, а Дениска освободил запутавшиеся в ветках веревки кранцев. Потом дети переместились на берег, и мы втроем подтянули бот поближе к берегу и надежно привязали. Затем мальчишки натаскали досок, и я сколотил узкий трап, закрепив один его край за никелированную небольшую лестницу на борту бота.

– Ну вот, добро пожаловать на борт, послушные отроки, – улыбнувшись, я сделал детям приглашающий жест.

Дениска, обрадовавшись, собрался было подниматься, но Андрей его тихонько придержал и сказал:

– Только после вас, капитан!

– Вперед, бойцы! А я за вами, до капитана еще дорасти надо.

Дениска вырвался и, показав язык Андрею, быстро вбежал по трапу, затем также быстро и ловко поднялся по короткой лестнице на палубу, которая выполняла еще и роль крыши всей этой посуды, только на корме была небольшая надстройка, выступающая над палубой на полметра, и с трех ее сторон были иллюминаторы сантиметров по 30 в диаметре.

– Вот видишь, какой шустрый? Так что еще и неизвестно, кто тут капитаном будет, давай вперед, – сказал я Андрею, похлопав по плечу и подтолкнув к трапу.

Распахнули все люки, а два из них были вообще съемные. Мы их сняли и закрепили, привязав по бортам. Всего люков было десять: один на носу – вход в спасательный отсек, второй на корме – вход в рубку, шесть по бортам – они были прямоугольные 40 на 100 см, откидывались вверх и стопорились, и два больших съемных люка метр на полтора находись сверху, прямо по центру палубы и крепились друг к другу специальными замками. Сняв эти два люка, мы получили дыру два метра в длину и шириной почти от борта до борта.

– Ну вот, теперь не будет так жарко внутри, – подытожил я и спустился вниз, в спасательный отсек, осмотреть двигатель.

Открутил крепление кожуха, показался двигатель, что-то «до боли в зубах» напоминающее... точно, и надпись на шильдике с внутренней стороны кожуха это подтвердила – «NISSAN – TD27», полный аналог движка моего «тирки», только без турбины. Вытащил масляный щуп, чуть меньше уровня, но это на холодную движку, так что пока пойдет, потом долью. Что еще... хреновина какая-то, не то раздатка, не то коробка, и от нее пошел вал вниз к корме. Из коробки торчало два штока, на каждом из которых болтались таблички «manual control», а рядом в специальных пазах были закреплены специальные ключи на манер «кривого стартера», ага, то есть при отсутствии топлива, накинув эти ключи, можно привести винт в движение, надо только вот рычаг переключить. Так, где аккумуляторы? Вскрыл несколько ниш, в одной увидел отрезок толстого жгута проводов, уходящих наверх в рубку.

– Сергей, тут ключи! – крикнул сверху Андрей.

– Где? – спросил я, подняв голову.

– Вот!

У Андрея на руке болталась связка ключей с ярко-оранжевой лентой.

– Они в рубке прямо перед носом висели, рядом с иллюминатором на защелке специальной, – сказал Андрей, показывая рукой в сторону рубки.

– Ясно, сейчас поднимусь.

Выполз вверх по четырем узким ступенькам в рубку на корму и взял ключи у Андрея. Ну в принципе понятно, почему я их не заметил, лента под цвет борта – оранжевый, пластиковые бирки того же цвета и маленькие ключики, вроде как от почтового ящика. Так, что тут написано на бирках?

– Пацаны... по англишу спикаем?

– Чо? – смешно скорчив непонимающее лицо, спросил, свесившись сверху рубки, Дениска.

– Ладно, сами с усами, – пробубнил я.

Читаем – (engine), (first aid kit), (fuse), (fuel), (safety), (console). Так шесть ключей, этот, судя по надписи, явно ключ зажигания. Отцепил, вставил, повернул в положение «АСС»... довернул на «Start»... ничего. Потом я пригляделся к ключам и гоготнул. Они все идентичные. Отцепил все от колечек, сложил в стопку... Ну точно, все одинаковые! Ну а с другой стороны,

все правильно, если представить, что платформа, допустим, тонет... кому там будет время разбираться, где и от чего ключ. А позакрывать всякие важные узлы от рукоблудов надо...

Ниже штурвала был еще один замок, я взял первый попавшийся ключ и открыл. Подалась на меня небольшая крышка. Ага, два отделения, в одном пластиковый ящик с надписью «first aid kit», а ниже два аккумулятора с неподключенными клеммами. Понятно, клеммы на место. Ага, заискрило, панель «ответила» тёмно-зелёной подсветкой. Спустился к двигателю, покачал «лягушку» ручного насоса, обратно наверх, зажигание... Пару раз чихнув, двигатель завелся, выплюнув клубы сизого дыма откуда-то сбоку. По боту распространялась вибрация, явно чувствовалось, что двигатель троит, ну мы не торопимся, подождем, когда прогреется. Датчик топлива на панели показывал 2/3 шкалы. Спустившись опять вниз, я осмотрел топливную емкость, на крышке был замок, который я разблокировал ключом из связки. На емкости была надпись «diesel 600 L», значит, имеем примерно 400 литров. Ну что ж, еще у меня в сарае бочка плюс три канистры с соляжкой.

– Ну что, мужики, попробуем перегнать этот «крейсер» к дому бабы Зои?

– Да, да!!! – радостно закричали мальчишки.

– Хорошо, Андрей, отвязывай и забегай быстро по трапу.

Андрей быстро сбежал по трапу, отвязал веревки от валуна, я выбрал швартовые и командовал:

– Бегом на борт!

Андрей забежал обратно, и мы втроем затащили наш самодельный трап на палубу.

– Ну, попробуем потихоньку, – сказал я, переключив рычаг на панели в положение «back», плавно добавил рычагом «force» мощности двигателю и вывернул штурвал.

Бот послушно начал отходить от берега, отдалившись на десяток метров, переключился на «forward» и добавил газу. Ровно тархтя двигателем, бот поплыл вдоль берега.

– Сергей, как здорово! Я в первый раз вот так плыву по морю.

– Не поверишь, я тоже, – улыбнувшись, ответил я.

Дениска сидел на носу, свесив босые ноги, и смотрел на воду. Андрей стоял рядом со мной в рубке и внимательно смотрел на все мои манипуляции. Плюхая своим легким корпусом по волнам, наш «крейсер» уверенно бежал по морю, я добавил газу на максимум, когда мы были на удалении от берега примерно на сто метров.

– А быстрее? – спросил Андрей.

– А все, это максимум, ты не забывай, это же спасательное судно, а не глиссер какой-нибудь.

– Медленно, – ответил он, даже немного насупившись.

– Ну ты даешь, умей ценить то, что имеешь, – ответил я ему.

– Я ценю, – улыбнулся он в ответ, – но медленно же.

– А мы спешим?

– Нет, но медленно...

– Ну ничего, есть вариант заменить коллектор и поставить турбину с моей машины, движки-то одинаковые. Но это потом, скорости в принципе достаточно, считай, что ты бежишь бегом по воде.

– Сергей! Направо! Нет... право руля!!! – командовал Дениска, внимательно наблюдающий за береговой линией и нашим движением.

Я чуть сбавил ход и вывернул штурвал, выравняв курс на развалины дома бабы Зои.

– Андрей, снимай багор с борта, сейчас швартоваться будем.

Через полчаса нам удалось пришвартоваться напротив дороги вверх, к моему дому, привязав наше новое транспортное средство аж на три веревки и спустив трап на стену дома бабы Зои.

– Ну все, мужики, сходим на берег, завтра будем делать ревизию внутри и потом построим пирс. Есть мысли, как это сделать.

Мальчишки побежали вверх по дороге, а я потихоньку шагал за ними, прихватив все ключи с бота и отключив на нем аккумуляторы.

Часть 2

После волны. День 41-й

Проснулся рано, только начало светать, и сразу ощутил приятное тепло от ладони Светланы у меня на груди. С вечера она демонстративно постелила нам на топчане. Мальчишки отреагировали на это, скажем так, положительно – хихикали и шептались часа два, прежде чем утомиться и уснуть. Как-только я сел на край топчана, опустив ноги на пол, сразу подскочил Бим и, встав на задние лапы, стал активно «говорить доброе утро», махая хвостом и пытаясь лизнуть меня я в лицо. Одевшись, вышел на дорогу и посмотрел вниз в сторону моря. Наша вчерашняя находка никуда не делась, и оранжевый пузатый корпус бота еле заметно покачивался на слабом прибое.

После завтрака я и дети направились чахнуть над золотом, то есть провести ревизию всего, что есть на борту. Мальчишки уже недели три писали «амбарную книгу», в которую записывали все материальные ценности и старательно вели учет, полезное, надо сказать, занятие. Закрепив понадежнее трап, поднялись на борт. Андрею я вручил сумку с инструментами и поручил откручивать страховочные ремни.

– Откручивай все, кроме вот этих шести, пусть будут. Болты все на место вворачивай потом.

– Хорошо, – кивнул Андрей и принялся за работу.

– А ты, Дениска, устраивайся на ступеньках, будешь заносить в книгу все.

– Ну, поехали с этого борта, – сказал я, осматривая правый борт и то, что находится на виду, начинай записывать:

– Огнетушитель – 2 шт., спасательный круг с линем в 30 метров – 2 шт., опреснитель ручной с комплектом шлангов – 1 шт., ручная помпа для откачки воды – 1 шт.

– Записал?

– Да, а что такое опреснитель?

– Специальное устройство, с помощью которого можно морскую воду переработать в пресную, то есть питьевую.

– А как? – с неподдельным любопытством поинтересовался Дениска.

– Ну вот тут все в картинках изображено, разматываем шланг и перекидываем за борт, потом вот этим рычагом качаем, пресная вода будет скапливаться вот в этой емкости, – я постукал по трехлитровой полиэтиленовой канистре, закрепленной рядом.

– Понятно.

– Ну, пиши дальше, – сказал я и открыл нишу у пола.

Список того, чем был укомплектован этот спасательный бот, оказался очень внушительным, вот часть самых важных находок: рационы питания, двухлитровые тетрапаки с чистой водой, очень большая аптечка, в которой оказался даже портативный дефибриллятор, два мощных фонаря и несколько элементов питания, один набор выживания, собранный с японской дотошностью, ракетница, несколько плавающих фальшфейеров и дымовых шашек и еще некоторые полезные вещи, даже надувная лодка двухместная, тоже ярко-оранжевая со светоотражающей полосой по всему борту и сборные весла. Пацаны на эту лодку сразу, как говорится, «положили глаз». В рубке, в одной из ниш обнаружился небольшой кофр, в котором была стационарная морская рация, размером с автомагнитола, и две портативных, кабель с антенной и зарядное устройство для аккумуляторов. Этой находке я радовался, как ребенок, теперь у нас будет связь! Разобраться бы еще, как это все работает, ну да инструкция есть, аж на пяти языках, но, к сожалению, кроме русского. Оставив на борту необходимое только для пятерых членов экипажа, остальное перетаскали домой в подвал, где мальчишки потом разместили все аккуратно на полках.

Разобравшись с имуществом с бота, начали готовить материал для строительства пирса. По обочинам дороги от кромки воды до моего дома и выше было несколько стопок разного объема бруса, бревен, досок и другого строительного мусора, которые после потопа прибывало к берегу и просто валялось по округе. Мы каждый день что-то вытаскивали на берег и складывали сушиться. Я прошелся с мальчишками по этим штабелям и показал, какие доски и бруски стаскивать к дому бабы Зои, несколько длинных бревен и брусьев тащили втроем – некогда части чьего-то сруба, хорошо, что под горку. Потом вернулись к дому, сложили в тачку крепежный материал и инструменты. Я надел свой пояс, переоснастив его в «режим плотника», распихав по карманам инструмент, гвозди и прочее. Дениска сбегал в подвал и принес банку холодного морса из смородинового варенья, которую аккуратно примостили в тачке.

– Ну идите, созидатели, – сказал я пацанам, – катите это к берегу, а я прихвачу веревку и вас догоню.

Они подхватили тачку, хитро переглянулись и покатали ее к берегу, а я пошел в мастерскую, взять моток веревки... и посмотреть на Свету, которая копошилась в огороде.

– Ну как успехи, огородница? – спросил я, выйдя из мастерской.

– Замечательно, видишь, как «повеселели» помидорки после того, как организовали навес, – ответила Света, подняв голову на меня и приложив ко лбу ладонь «козырьком». – Солнышко к полудню, так что вы там не увлекайтесь, обедать через пару часов.

– Хорошо.

Спустившись к берегу, я присел на толстый брус, приглядываясь к торчащей из воды кладке стены дома бабы Зои. Так, ну сбить два ряда кирпича и получится ровная площадка в полуметре над водой, 3080 см одна сторона угла кладки и 30100 см другая. Напротив той стороны, что длиннее и параллельной берегу, уложу кусок бруса, ну примерно понятно.

– Андрей, бери молоток, только не забудь к поясу привязать его, как я тебе говорил. Вон кусок стены торчит из воды.

– Ага, вижу, и что делать?

– Отсчитаешь семь рядов кирпича от поверхности воды и остальное сбивай, чтобы ровная площадка более-менее была, кирпичи только в воду не бросай.

– А куда их?

– Как куда, пригодятся. На берег выбрасывай, Дениска подберет.

Пройдя по настилу от берега до разрушенной стены дома, который я сделал еще в первую неделю, Андрей начал откалывать кирпичи от кладки. А я тем временем начал отмерять бревна и делать в них пропилы на краях, чтобы стесать небольшую площадку для удобства и более плотной обвязки. Потом приволок два булыжника с одной плоской стороной и прикопал у берега напротив нужной стенки, что обрабатывает Андрей, предварительно обмотав проволокой, оставив торчать вверх «усы». Сверху толстую доску не тоньше «пятерки», которая когда-то у кого-то была ступенью лестницы, и привязал проволокой. Вроде крепко, доска не «гуляет».

– Сергей, я все, – доложил Андрей, кидая последнюю отколотую половинку кирпича на берег.

– Отлично, иду. Давай на берег.

Я взял еще одну доску, аналогичную той, что прикрутил на берегу, и прибил ее в нескольких местах «стодвадцатками», кроме двух согнувшихся, четыре гвоздя вошли в красный кирпич без особых проблем. Потом мы втроем, кряхтя от натуги, уложили два шестиметровых бревна, диаметром около 120 мм, спилами на подготовленные поверхности. Подровняли их до нужной «параллельности», затем с двух сторон прихватил гвоздями, расстояние между бревнами получилось чуть меньше метра. Надо еще кое-что сделать и потом положим третье бревно. Я взял в руки кувалду и, держа равновесие, дошел примерно до середины бревна.

– Мужики, несите вон ту железяку, – указал я на полутораметровый металлический уголок «пятидесятку», что я приготовил заранее, и в котором кто-то когда-то давно сделал газосваркой несколько отверстий разного диаметра.

– Так, чуть на меня, еще... сюда наклоните, еще... вот так держите.

Мальчишки стояли по пояс в воде под бревнами, удерживая уголок, а я, как говорили в старом кино, стал его загонять в грунт, «сильно, но аккуратно». Звон, конечно, раздавался на всю округу, на Васином острове тоже было слышно, наверное. Верхняя часть уголка деформировалась, но мне это не важно, заколотил на нужное расстояние между краем уголка и нижней частью бревен. Затем собрал конструкцию, забив между уголком и бревнами толстый брус в форме буквы «Т», которая будет поддерживать от нагрузки бревна примерно посередине пролета, перекладину подпорки прикрутил к бревнам проволокой.

– Ну что, кладем третье бревно и идем обедать?

– Мы не хотим, – за двоих ответил Дениска.

– Даже слышать не хочу, – нахмурил я брови.

– Я правда не хочу.

– Так, хватаем бревно, укладываем.

Мы опять закричали, но уже было проще, готовую конструкцию мы использовали как направляющие. Уложили третье бревно, я все подровнял и прибил.

– Ну все, идем обедать.

Пережидая послеобеденную жару, мы уселись за эскизы кубрика, точнее я просто подкинул мальчишкам идею, что, мол, хорошо бы обустроить все внутри бота, чтобы было удобно и уютно. Дети с радостью подхватили идею и даже не пошли в свой «штаб» на развалинах, вместо этого они на листах от вахтенного журнала принялись реализовывать себя как дизайнеры. Света спустилась в подвал провести ревизию запасов и придумать ужин, а я уселся разбираться с радиостанциями. Аккумуляторы были «живые» на 1/3 от уровня заряда, но проверить, что все работает, хватило. Собрал все обратно, отнесу на бот, зарядить от бортовой сети. Затем я до конца обеда копошился в мастерской, где собрал кое-какие ГСМ для двигателя бота, и когда солнце начало уходить из сектора жары, мы с мальчишками пошли продолжать строительство.

Удлинить пирс дальше в воду не представлялось возможным, а вот развернуть его почти параллельно берегу мы сможем, используя торчащий из воды на тридцать сантиметров бетонный пасынок от опоры ЛЭП. Расстояние между ним и углом дома бабы Зои было около 4,5–5 метров. Глубина около пасынка была примерно два метра, может чуть больше, поэтому мы накачали лодку, обнаруженную в боте, правда не насосом, а выдернув чеку из баллона со сжатым воздухом, что был прикреплен к одному из бортов. За несколько секунд, шипя и извиваясь, бесформенный оранжевый комок превратился в готовое плавсредство. Теперь предстояло придумать, как соорудить на коротком бетонном «пеньке», торчащем из воды, некую опору для настила бревен, да еще эту опору было необходимо поднять от воды на полметра. В общем, изрисовав набросками пару листков бумаги, решение нашлось. Сделав заготовки из кусков шпалы, уголка и бруса, сгрузил все в лодку и поплыл к пасынку. Работать оказалось очень неудобно, не имея под ногами жесткой опоры, но повозившись и красноречиво матерясь, шепотом, чтобы дети не слышали, я все-таки закрепил куски шпал, установив их спилами на «пенек» и скрепив кусками тонкого металлического прутка, затем сделал обвязку доской. Уложив сверху на всю эту конструкцию кусок бруса, сделал от него с двух сторон упоры в «пенек» под сорок пять градусов. Потом все это «произведение» скрепил для верности, где металлическими скобами, где гвоздями, а где многократно замотав проволокой. Выглядело это все, конечно, ужасно, но конструкция получилась достаточно крепкой. Теперь оставалось уложить бревна от стены до «пенька», чем мы и занялись, столкнув в воду три бревна подходящей длины. После того как все несущие бревна были закреплены, я промерил рейкой необходимую длину досок для настила и озадачил Дениску размечать заготовки углем, а мы с Андреем «в две

ножовки» принялись пилить доски. Еще часа через три работы пирс был готов, и на него ушла добрая половина запаса гвоздей. Я прошелся по нему подпрыгивая, затем попытался ногами раскатать и обнаружил, что бетонный пасынок все-таки прилично «гуляет», раскачиваясь в сторону моря и обратно к берегу. Задумался. Идея пришла в голову, когда я увидел, как от скуки Дениска, сидя на углу пирса, то есть на стене дома бабы Зои, «рыбачит» веревкой, на конце которой была привязана «кошка» из согнутых гвоздей, скрепленная проволокой.

– И что ты там ловишь?

– А вон кружка лежит.

Я подошел к нему и увидел, что действительно, наполовину погрузившись в смесь суглинка и грязи, на дне лежала эмалированная кружка, глубина была около полутора метров и было сносно видно дно. Дениска, в очередной раз закинув свою снасть, аккуратно подтягивая веревку, все-таки удачно подцепив кружку, выволок ее на пирс.

– Молодец! – потрепал я его за чуб и отправился соорудить свою «удочку».

Когда я вернулся к пирсу из сарая, у меня в руках была десятиметровая буксировочная стропа из багажника «Террано», пара металлических уголков, обрезки арматуры и десять метров толстой металлической проволоки восьмерки, к которой был когда-то привязан пес прежнего хозяина моего дома и бегал вдоль нее на цепи. Скрепил крестом два уголка проволокой и крепко связал, прокручивая гвоздодером пару подцепленных витков. Затем к этому «якорю» прикрутил проволоку восьмерку и отправился на край пирса. Где-то в глубине, метрах в шести от пирса, должны быть остатки еще одного дома, возможно удастся за что-то крепко зацепиться. Я кидал якорь в воду и вытаскивал более десятка раз, занятие оказалось не из легких, но закинув в очередной раз «снасть», я все-таки за что-то хорошо зацепился. Несколько раз сильно подергал, ага, есть контакт!

– Андрей, Денис, идите сюда. Держите внатяг проволоку, – сказал я детям, а сам принялся изготавливать что-то вроде талрепа, намотав на полуметровую доску несколько витков колючей проволоки и накинув получившуюся петлю на толстую металлическую скобу, заколотил эту скобу в торец пирса, в недавно сооруженную опору. Теперь проволоку от якоря в петлю и закрепить. Закрутив немного самодельный талреп, натянул проволоку якоря, но не сильно, надо теперь в противоположную сторону сделать растяжку. Привязал к скобе стропу и перебросил ее на берег, где вдвоем максимально ее натянули и привязали к трубе бывшего забора вдоль дороги, труба была забетонирована и выглядела очень надежно. Потом вернулся на пирс и сделал еще несколько оборотов на талрепе. Вот! Это совсем другое дело, получив натяжение в две стороны, опора нашего пирса теперь стояла почти намертво. Осталось только привязать с краю пару старых покрышек (бывшие клумбы у кедров сзади дома), чтобы бот не бился бортом о край пирса. Располагать швартовочные устройства на пирсе я побоялся, поэтому я просто протянул от забитых на берегу уголков два линия, пропустил их через крючки из арматуры, которые я изготовил и закрепил на пирсе. Теперь при швартовке нужно будет просто снять с крючков линии и завязать их на носовом и кормовом швартовочных кнехтах бота.

Потом мы завели бот и пришвартовались к нашему пирсу. Пока я удерживался багром за край пирса, мальчишки шустро спустились по бортовому трапу на пирс, схватили по линю и, вернувшись на бот, привязали линии к кнехтам.

– Отлично, всем пять! – сказал я радостно, спустившись на пирс. – Ну, теперь опять кто-то скажет, что не голодный?

– Нееет, – хором ответили мальчишки, – уже очень есть хочется.

– Ну, вытаскивайте резиновую лодку на берег, вон к дереву ее прислоните, собираем инструмент и топаем ужинать.

До заката оставалось не более часа, мы, конечно, сегодня очень устали, но и работа проделана о-го-го! Теперь сполоснуться и ужинать.

– О, работнички чумазые явились, – сказала Света, увидав нас подходящих к дому, – ну как успехи?

– Мама, давай сходим после ужина, я тебе там все покажу, мы там столько построили... там такие тяжелые деревянные были... а еще потом доски прибывали, и прям как мост получилось, – затараторил радостно Дениска.

– Хорошо, сынок, обязательно сходим, только завтра, сейчас мыться, ужинать и спать.

– А почитать? – надулся было Андрей, он уже не первый вечер после ужина с интересом зачитывался советскими журналами.

– Ну конечно почитаешь, – улыбнулась Светлана, – мойтесь идите, чумазики.

Сложив весь инструмент и остатки материалов в мастерской, я присел на стопку досок рядом с домом и наблюдал за Светланой, которая помешивала в кастрюле на очаге что-то очень вкусно пахнущее. Бим сидел рядом с ней, как статуя, вытянув голову вперед и втягивая шевающими ноздрями блестящего носа аромат готовящейся пищи. «Да... рисовать их надо», – подумалось мне.

Что-то сосредоточенно обсуждая, от родника возвращались мальчишки, и я, подхватив чистую одежду, тоже отправился сполоснуться, где улегся в половину бочки, вкопанной в землю. Холодная, но без ощущения дискомфорта родниковая вода, мгновенно сняла усталость. Быстро намылился и смыл пену, поливая себя сверху черпаком, сделанным из литровой консервной банки из-под ананасов.

После ужина я отрубился еще до того, как мое тело заняло горизонтальное положение на топчане, как говорится – «на подлете к подушке».

После волны. День 42-й

– Ну что, какие планы на сегодня? – спросила меня Светлана, разливая чай по чашкам.

– Хочу обойти остров вокруг, посмотреть. Рацию тебе оставляю, заодно проверим связь.

– Один пойдешь?

– Нет, Андрея возьму.

– А я? – надувшись, спросил Дениска.

– А кто за мужика останется? Маму охранять, дом? – ответил я.

– Да, мне здесь оставаться страшно без мужчины одной, – подыграла мне Светлана.

– Ладно, останусь. Но в следующий раз, Сергей, я с тобой.

– Договорились, – кивнул я, отпивая чай.

Собирались мы с Андреем недолго, взяли кое-какой сухпай и воды. Из снаряжения нацепил на себя свой пояс в режиме «разведка», то есть патроны, немного инструмента, фомку, молоток и еще мелочи всякой. Вооружился СКСом и Андрею вручил обрез и пяток патронов.

Пока прогревался двигатель, я надежно прикрутил на панели базовую станцию, вывел и закрепил на рубке антенну.

– База, ответь боту. Как слышишь?

– Отлично слышу, – ответил «приятный женский голос».

– Хорошо, буду вызывать тебя периодически по ходу движения.

– Договорились, мой капитан, будь осторожен.

– Постараюсь, целую, отбой связи.

Андрей шустро отшвартовался и забрался на борт. Я прибавил газу, и оранжевая посуда из стекловолокна тихонько потарахтела вдоль берега. Обойти остров решили по часовой стрелке. Держался примерно метрах в пятидесяти от берега, а Андрей, сидя на носу, вглядывался периодически в воду, мало ли, вдруг наскочим на что. В принципе, картина берега была везде одинаковая – кое-где поваленные деревья вперемешку с плотным кустарником, выше воды все как прежде, то есть тайга, только она стала зеленее, что ли, и плотнее. Вообще заметил во время прогулок по лесу, что нижний слой травы стал как-то сочнее, свежая листва на кустарниках и деревьях, которые до волны уже «собирались зимовать», вспыхнула ярким зеле-

ным оттенком. А вот хвойные деревья начали желтеть, посыпая землю ровным слоем иголок, с моря это было отчетливо видно, этакie желтые проплешины в зелени.

– Андрей, иди сюда, – крикнул я, высунувшись из рубки.

Андрей быстро прибежал и вопрошающе посмотрел на меня.

– Давай, бери руль, то есть штурвал, попробуй право-лево, скорость больше-меньше.

Он даже подпрыгнул на месте от оказанного доверия.

– Ну а что, Андрюха, что-то мне подсказывает, что морская жизнь это часть нашего будущего, так что дерзай.

Андрей, нахмутив брови, подошел к штурвалу и крепко ухватился. Потом сосредоточился и, поглядывая по сторонам, поводил судно вправо и влево.

– Молодец, теперь газу, вот этот рычаг, ага, давай смелее.

Бот поплыл быстрее, радостно плюхая тупым носом по воде.

– Развернись теперь на 360 градусов и возьми прежний курс.

Андрей аккуратно вывернул штурвал, и бот послушно начал разворачиваться от берега.

– Хорошо, только скорость сбавь. Чем меньше скорость, тем меньше радиус разворота.

– Понял, – ответил Андрей и сбавил газ.

Бот описал круг и лег на прежний курс.

– Молодец, ну давай дальше рули, – сказал я и похлопал Андрея по плечу.

– База, как меня слышишь? – сказал в рацию, решив проверить связь.

Через минуту, когда я уже собирался делать повторный вызов, в динамике отозвалось:

– Слышу... слышу.

– Как дела?

– Огородничаем с Дениской.

– Слышно хорошо?

– Да, отлично.

– Мы через некоторое время к берегу пристанем, перекусить.

– Ну приятного аппетита, мореплаватели, целую.

– Отбой связи... и я целую.

Взяв бинокль, я всматривался в берег. Один и тот же пейзаж, ничего интересного. Наше путешествие продолжалось еще четыре часа, пока у меня не начало урчать в животе. Андрей уже вполне уверенно управлял ботом, что ему очень нравилось.

– Андрей, давай вон к тому завалу поворачивай, – сказал я, указав на небольшой овраг с завалом.

Бот, плавно развернувшись, устремился к указанному мной месту.

– Молодец, дальше я сам, готовь линь для швартовки, – сказал я Андрею, принимая управление судном.

Сбавив ход до минимума, вывернул штурвал влево, потом чуть прибавил газу и вывернул обратно, бот почти параллельно «прилип» к берегу, немного черкнув бортом о ствол поваленного дерева.

Андрей с линем в руках сиганул с борта на ствол, выбрал натяжение и намотал линь на толстый сук.

– Ну, давай посмотримся, – сказал я, спрыгнув на берег и поправив карабин на плече.

Андрей вернулся на борт и, захватив обрез, присоседился ко мне.

Обошли место швартовки метров на триста вглубь и спустились обратно оврагом, в котором обнаружился небольшой поджим и ниже тонкий ручей. Я зачерпнул рукой воду и отпил. Хорошая, чистая вода.

Расположились почти на берегу, метрах в десяти от кромки воды. Поставили мой армейский котелок на костер для чая, затем, развернув небольшую тряпицу, в которой была лепешка, я передал Андрею банку фасоли.

– На, открывай.

Андрей вытащил из ножен на поясе подаренный мной нож и принялся вскрывать банку.

На обед у нас ушло около часа, потом мы залили костер и собирались было отчаливать, но я услышал что-то очень знакомое...

– Куо-ко-ко-ко, – донеслось из леса.

– Курица! – подскочив, сказал Андрей.

– Точно, она, пошли.

Аттракцион «поймай куриц» у нас продлился еще почти час, левее от оврага мы поймали трех куриц и петуха, еще одна смылась в лес, и на ее поиски и поимку ушел еще час. Итого четыре курицы и петух, разодрал мне предплечье, гаденыш, мы захватили в плен и поместили внутрь бота. Потом отдышались, я с помощью Андрея перевязал руку. Раны не глубокие, но неприятные, прополоскал руку в морской воде перед перевязкой.

– Откуда они тут? – спросил меня Андрей, завязывая узел на бинте.

– А мы тут откуда? Тоже, наверное, «счастливчики» выжившие из нашей деревни.

– Здорово! Теперь курятник у нас будет.

– Да, это действительно здорово, – согласился я, – ну поплыли дальше, а то жара через несколько часов наступит, надо успеть.

Через три часа мы уже причаливали к нашему пирсу.

– Мы прибыли, – сообщил я в рацию.

– Это хорошо, обед готов, – ответила мне Светлана.

Я выдернул из стакана-зарядника рацию, что я воткнул перед выходом в море, скинул клеммы с аккумуляторов, и, сойдя на берег, мы направились вверх по дороге.

После обеда я с мальчишками занялся подготовкой к строительству курятника, то есть выпрямляли и связывали куски сетки-рабицы, которые я в первые недели после волны свалил в кучу под стены дома, вот и пригодилась. Затем сколотил лоток кормушки и изготовил поилку. А когда солнце ушло из зенита, принялись за строительство. К вечеру курятник был готов, получился лучше, чем прежний, но в два раза меньше. Загородку для выгула накрыли нарубленными ветками, чтобы создать тень. Потом мальчишки сбегали к боту и перетаскали по одной птиц в курятник.

Перед тем как уснуть, посидел еще над картой, по «моей штриховке» получалось, что за Васиным островом должен быть небольшой архипелаг из четырех островов, бывшие две небольшие сопки и один хребет «седлом», с двумя вершинами. Примерно два часа ходу было до самого южного острова.

– Завтра сюда пойду, – показал я Свете отметки на карте.

– Далек.

– Да, около двух часов тарыхтеть туда.

– А зачем? – спокойно спросила Светлана, но уже зная, что я отвечу.

– Нужно знать, что рядом с нами, и, может, что-нибудь нужное там по берегам прибило.

– Один хочешь пойти?

– Да, один.

– Андрея возьми, не ходи один, – сказала Света и так посмотрела на меня, что ничего против говорить не хотелось.

– Ладно, утро вечера мудренее, давай уже спать. Мальчишки вон уработались и сопят.

– Хорошо, только через «ванну», – ответила Света и улыбнулась.

Уснули мы только через пару часов, ведем себя, как студенты в коммуналке, надо будет к оврагу с водопадом сходить, там как-то интимнее.

После волны. День 43-й

Света с Дениской нас провожали у пирса. Вышли рано, как только позавтракали. Прихватили сухпай, оружие и кое-какой инструмент. Дениска, конечно, обиделся, но вида не пока-

зывал, все же понимал что-то своим детским умом. Дошли до ближайшего мыса на Васином острове, проверил связь, все работало, помех нет и слышно отлично. Дабы Дениска оценил «важность момента», назначили его дежурным связистом на базе, что он, естественно, воспринял со всей ответственностью.

– Сергей, мы этот остров будем обходить?

– Сейчас нет, на обратном пути обогнем и проливом вернемся.

– Можно мне за штурвал?

– Да, заступай на вахту, держись параллельно берега пока, а я еще раз карту гляну.

Сверился с картой и посмотрел на ближайший остров «архипелага» в бинокль.

– Ладно, выворачивай и держи курс на крайний слева остров.

Почти три часа у нас ушло на то, чтобы обойти два острова. Датчик топлива показывал половину бака, нормально, на всякий случай я еще три канистры с соляркой прихватил. Осмотр островов ничего не дал, выглядело все так же, как и везде, никаких предметов из прошлой жизни не обнаружили.

С внешней стороны островов уже ощущалась качка, волна была небольшой и беспокойства не вызывала. Два раза запрашивали «дежурного по базе», на что Дениска гордо отвечал, что слышит нас хорошо и за наше отсутствие происшествий не случилось, «Бимка спит, а мама в огороде».

Мы уже почти закончили осмотр третьего острова, и я стал приглядываться в бинокль на четвертый остров, где мое внимание привлек странный мыс, явно не природного происхождения.

– Так, Андрей, дай-ка порулить. А ты держи бинокль и смотри прямо по курсу внимательно.

Если предыдущие острова были примерно равноудалены на расстояние не более трех километров, то четвертый был на расстоянии примерно пяти километров.

– Ну что там, Андрей?

– Еще не очень хорошо видно, поближе бы.

– Ладно, будет тебе поближе через полчаса.

– Там кто-то есть! – практически закричал Андрей после получаса наблюдений, когда до острова оставалось уже меньше километра.

– Что видишь?

– Корабль, наполовину на берегу торчит. Дым костра, палатка или навес какой-то, и человек вроде в лес ушел.

Я сбавил ход почти до нуля, надо самому глянуть.

– Так, меняемся, теперь я понаблюдаю, скорость не прибавляй, потихоньку пойдем.

Действительно, две трети судна торчало на берегу, носом зарывшись в осыпавшийся склон сопки. Не пойму, то ли что-то рыбацкое, то ли буксир, но великоват для буксира. Цветом более похож на какой-то корабль ВМФ, возможно вспомогательного флота, вооружения на борту нет. Так, вот и название – «СР-322», ага, это судно размагничивания. На берегу метрах в пятидесяти от воды было нечто среднее между вигвамом и «шалашом Ильича», дымил костер, на нем кастрюля. Значит, кто-то есть живой или живые, но я пока никого не вижу.

– Андрей, ты одного человека видел?

– Да, он у костра покрутился и в лес ушел.

Наверно, заметил нас, вот и ушел, еще бы, такой «мандарин» гигантский плывет. Ладно, надо приставать к берегу, будем надеяться, что это нормальный человек, а не изголодавшийся психопат или психопаты.

– Андрей, слушай внимательно. Подходим к берегу, я боюсь, ты швартуешься, потом бегом обратно на бот. Ложишься вот тут за рубкой с карабином и боишься меня, а я возьму обрез и рацию, пойду знакомиться. И вот еще что, если что-то со мной случится – руби швар-

товые и уходи домой, дорогу знаешь, и если скоманую по рации уходить домой – уходишь. Понял?

– Понял.

Бот тихонько уткнулся носом в заиленный берег, метрах в ста от корабля, мы спустили наш самодельный трап, и Андрей, быстро добежав до дерева, привязал к нему лить. Я махнул Андрею, чтобы он возвращался, а сам надел свой пояс, сунул в него обрез, потом перевел базовую станцию и рацию на другую частоту, ну чтобы наши не волновались, услышав переговоры, и сошел на берег.

– Андрей, стрелять только в случае, если опасность именно для тебя, просто страхуй.

– Хорошо, – ответил Андрей и прилег с СКСом у рубки.

Я берегом дошел до судна, все время посматривая вправо, на лес, куда ушел хозяин этого острова. Рядом кораблем, плавно раскачиваясь на воде, стояла шлюпка, она была привязана к одному из деревьев, внутри весла и какие-то ящики и тюки. С борта СРа свешивалась самодельная веревочная лестница почти у самой кромки воды, слабый прибой плюхал по покрытому ржавчиной и ракушкой дну корабля. Метров девять примерно высота борта, как мне кажется. По берегу много валежника, и только там, где стоит шалаш и горит костер, небольшой расчищенный пятючок земли. Перебираясь через завалы, я направился к шалашу. На костре сильно кипела кастрюля с самой настоящей ухой.

– У вас уха выкипит, – крикнул я в сторону леса и присел на ствол дерева.

Со стороны леса, немного похрустев ветками, показался человек. Тельняшка, синие штаны робы, синяя же пилотка. На вид около пятидесяти, крепкого сложения мужик, невысокий, короткая шея, густые брови, нос «картошкой», и самое главное – гладко выбрит. В руках он держал ракетницу и внимательно смотрел то на меня, то в сторону нашего бота.

– Я надеюсь, вы с этого пальнуть не собираетесь?

– Ну это как вести себя будешь, – вполне спокойно ответил мужик и, не спуская с меня глаз, подошел к костру и сдвинул по жерди кастрюлю в сторону от огня.

Я медленно встал и протянул ему руку.

– Сергей, бывший инженер, жил и работал во Владивостоке, примерно за месяц до волны все бросил и уехал в деревню, она недалеко отсюда.

– И что, уцелела деревня-то?

– Немного больше чем полдома.

– Иван Иванович, – ответил наш новый знакомый, убирая ракетницу за пояс и протягивая мне руку, – стармех этого СРа.

– Вы один выжили из экипажа?

– Теперь уже считай один, – тяжело вздохнув, он кивнул в сторону высокого кедра метрах в ста от шалаша.

Я посмотрел в ту сторону и увидел два могильных холмика с крестами.

– Это моторист наш, Василич, и Димка – матрос. Димка пару недель назад умер, похоже, сердце у парня не сдюжило, хотя молодой ведь совсем, А Василича мы почти сразу похоронили, как нас на берег выбросило, поломало его сильно, пока нас болтало. Был еще один матрос, новенький, не помню как звать даже, смыло его сразу с юта волной. Он, можно сказать, нас и спас, он канаты рубил, когда уже все волну увидели.

– А где вы стояли?

– Да на базе флотилии, мы должны были к Сахалину выходить, там работать предполагалось, а я дежурным заступил на сутки, как раз закончил прием топлива, провизии и воды.

– И что, топливо есть?

– Ну, один бак лопнул, растеклось все по трюму да за борт, а во втором двадцать тонн есть.

– Поменяете, может, на что?

– А чего у вас есть, что мне нужно? – спросил Иван Иванович, улыбнувшись. – Мне запасов тут на год хватит одному, если не свихнусь от одиночества. Так что менять не буду... так бери, сколько надо.

– Спасибо вам огромное. Так а вы что, здесь один собираетесь жить?

– А у меня есть выбор? Доживу как-нибудь и тут, сколько там мне осталось.

– Иван Иванович, выбор всегда есть, – сказал я, доставая карту, – жизнь продолжается, и мне кажется, грех это, в уныние впадать, если мы уцелели.

– Может, и прав ты, Сергей, – вздохнув и задумавшись, ответил Иванович.

– Сейчас мы тут, – указал я веткой на крайний остров «архипелага», – вот здесь начинается материк, а здесь живем мы.

– И много вас там?

– Одна семья, можно сказать. Я, Светлана и двое детей, пацаны 11 и 13 лет. Ну еще собака и куры, мы их на днях нашли.

– Может, пообедаем? А то на голодный желудок решения принимать не хочется.

– Угощаете?

– Да угощаю, и «наблюдателя» своего зови, а то он там извертелся уже.

К ухе хорошо пошли наши лепешки. Иванович поставил на огонь чайник, а мы с Андреем пошли перегнать бот к СРу под заправку.

После чаепития Иванович помог нам заправиться «под пробку», соединив шланги и ручную помпу. Также мы спустили на воду один из трех уцелевших шлюпов, поставив в него три двухсотлитровые бочки и закачав в них солярку. Вообще, я очень сильно хотел, чтобы Иванович решил переехать к нам на остров, еще один мужик, к тому же явно с мозгами и руками, это большой плюс к нашим шансам выжить в новом мире.

– Пойдем, Сергей, под навес, еще по чайку и жару переждем, – сказал Иванович, когда мы закончили закреплять бочки в шлюпе.

– Пойдемте, – согласился я.

Подкинув в костер дров, Иванович поставил на огонь небольшую кастрюльку с водой, потом повозился в кармане робы, достав пачку сигарет, закурил и сказал:

– Хорошо, Сергей, я перееду к вам, но это все бросать нельзя, – указал он на корабль.

– Согласен, там слишком много всего нужного.

– Вот именно, поэтому предлагаю сделать так – отправляйтесь к себе, а завтра с утра возвращайся, и шлюп прихвати на буксир обратно, и начнем все снимать и перевозить. А я тут покамест прикину, что да как.

– Договорились.

Вернувшись домой, мы рассказали о «робинзоне» Иваныче. Светлана очень обрадовалась еще одному выжившему и решила обустроить угол в нашем «бунгало» для размещения нашего нового жильца.

Бочки с соляркой мы разгрузили, скатив по доскам на берег и разместив их рядом с развалинами дома бабы Зои, сделали небольшой навес.

После волны. День 44-й

К острову Иваныча мы отправились рано утром, еще только рассветало, добрались примерно за полтора часа. Иванович встретил нас, помахав с борта СРа. Пришвартовались практически под бортом СРа и поднялись по веревочной лестнице.

– Ну что, Сергей, малец пусть будет на подхвате, а мы начнем с кают.

– Хорошо, начнем.

Из кают мы выгребали практически все, даже снимали некоторую мебель – легкие, сделанные из материала, похожего на пенопласт и покрытого пластиком, ящики. Все максимально компактно связывали в тюки и скидывали с носа на берег, где Андрей подтаскивал все ближе

к берегу и собирал в кучи. Ближе к обеду спустили на воду еще последний шлюп, и потом из двух сделали плот-катамаран, скрепив шлюпы толстыми жердями. Так поместилось больше. В третий поставили еще три бочки, которых на корабле нашлось около десятка, и залили в них топливо. Также под завязку загрузили и наш «мандаринчик», как его ласково называет Светлана, затем, пообедав и переждав жару, взяли на буксир плот и шлюп и отправились домой.

На переезд ушло ровно 28 дней. Но все равно на судне осталось еще много нужного. Вся дорога от пирса и до дома была завалена барахлом с СРа. Решили теперь ходить на остров Иваныча раз в три дня с ночевкой. Теперь приходилось много работать инструментом, осталось только то, что надо разбирать и раскручивать. Ходили на остров вдвоем с Иванычем, весь день разбирали, ночевали, наутро загружались и шли обратно. Во время всей этой эпопеи бот заправлял прямо с СРа, потому как бочки были уже все наполнены и стояли под навесом у пирса в количестве 18 штук – чуть больше 3,5 тонны, плюс несколько бочек с солидолом, моторным маслом. Нашелся даже спирт в двух двадцатилитровых канистрах, который, со слов Иваныча, был не технический и вполне употребляемый.

Вообще я был немного потрясен, Иваныч сказал, что есть такая поговорка на флоте – «на корабле есть все», и действительно, столько всего, что может обеспечить жизнедеятельность на такой малой площади, я встретил впервые в жизни. Тут были и мастерская с кое-какими станками, и полноценная кухня с пекарней, баня... да много чего, но все работает от электричества, вырабатываемого силовой установкой корабля. Иваныч практически в ультимативной форме настоял на том, чтобы снять электрогенераторы и разобрать два вспомогательных двигателя, к которым было несколько ящиков ЗИПа. В общем, еще куча времени ушло на разборку железа в моторном отделении и его перетаскивание, даже отработку сливали. Дошли до того, что искали любые емкости, чтобы вычерпать солярку, пока не пришло в голову простое решение, выкопать яму, проложить ее толстой пленкой, найденной на СРе в огромном количестве, и сливать туда солярку. Ям выкопали две, одну на четыре, вторую на шесть кубов. И началась новая эпопея – перевозка топлива. Все бочки слили в ямы, потом перевезли их на остров Иваныча, и все по новой, заливка, транспортировка и слив в ямы. Заполнили все ямы и укрыли их щитами из плетня, сверху еще пленка и брезент, края присыпали для герметичности грунтом. Наполнив заново бочки, вернули их на прежнее место. Солярки на СРе осталось еще порядка 15 тонн, решили, что пусть будет нашей заправочной станцией, а то, что перевезли к себе, пусть будет НЗ.

Настоящим подарком для Светланы стала швейная машинка, найденная в одном из кубриков вместе с коробкой ниток, пуговиц и прочей мелочи. Теперь мы часто заставляли ее склонившуюся над столом и что-то строчащую на машинке.

А недавно небо порадовало нас сначала облаками, медленно приплывшими со стороны материка, а потом пошел дождь... плотный, с крупными каплями. Шел он не долго, минут тридцать, и прекратился так же внезапно, как и начался, но земля промокла ощутимо. На следующее утро после дождя даже лес выглядел «как новый», листва и трава стали зеленее, с поверхностей смыло пыль, и все выглядело свежим и обновленным.

Неделя ушла на постройку здорового сарая, нужно было сортировать все и убирать под крышу, благо кругом лес и нет проблем с материалом. В трудах время летело незаметно, и если бы не Дениска, которому я поручил вести свой дневник, то мы, наверное, потеряли бы счет дням. Самое главное, мы обеспечили себя электричеством. Сняв капот с «Террано» и сделав над машиной навес, мы с Иванычем долго возились с движком и его модернизацией, заодно махнули коллекторы с ботом и переставили турбину. Теперь бот стал немного резвее. После затопления на движке «Террано» генератор был убит напрочь, но Иваныч приспособил генератор от «вспомогача» СРа, бак сняли и примостили на крышу, потом долго приспособили генератор с корабля, возились с инвертором и аккумуляторами. В общем, возни было

много, но зато когда запитали циркулярный станок, я помянул добрым словом прошлый мир и настойчивость Иваныча. Теперь заготавливать пиломатериал не составляло больших проблем. Также стало возможно подключить небольшой сварочник, электродов правда немного, но кое-что особо нужное теперь можно было и сварить.

Наш «мандарин» тоже претерпел небольшую модернизацию – обустроили внутри, разделив кучу места в трюме на небольшой кубрик, грузовой отсек и моторный, в котором дополнительно установили две бочки под топливо. Также Иваныч настоял на установке мачты и паруса и пообещал научить нас «ловить ветер», что было возможно только за «архипелагом» в открытом море.

Внутри нашей группы островов ветра почти не было за все «новое» время, но зато было течение, между «архипелагом» и материком, потом оно проходило между нашим и Васиным островами. Еще пару дней потратили на посадку картошки, которой в СРе обнаружилось около трех мешков, правда половина уже начала подгнивать, немного выбрали на еду, а ту, что уже активно проросла, мы посадили. Вообще, с обнаружением СРа наша продовольственная безопасность значительно укрепилась консервами, макаронами, мукой, растительным маслом, чаем, сахаром и крупами.

После волны. День 80-й

За завтраком Иваныч обмолвился, что, мол, не хочет нас стеснять, а что хочет построить себе отдельное бунгало, на что дети отреагировали моментально, в смысле, что никто никого не стесняет, а совместное чтение журналов на ночь так вообще уже традиция. Но Иваныч настоял на своем и сказал, что перебирается жить на наш НП, ну то есть будет там спать и уединяться подремать в обеденное время. Позавтракав, мы всей мужской компанией отправились на развалины воинской части, обустривать жилище Иванычу. Сделали большой навес и сколотили топчан, я показал место тайника, где «живет» моя МРка, Иваныч «примерился» к ней и сказал, что у него было аналогичное ружье – «Бекас». К вечеру, когда все уже были расселены по углам, мы решили составить распорядок дня нашего «колхоза», без изысков, все просто – составили расписание подъема, завтрака, обеда и ужина. Все остальное время – общественно-полезный труд на благо новой, так сказать, цивилизации.

Переждав обеденную жару, мы с Иванычем все-таки реализовали проект по освещению поселка, точнее того, что от него осталось. Правда, лампочки с СРа были на 127 вольт, ну да мы их по две последовательно соединяли. Осветили пирс, дорогу и территорию вокруг «бунгало». Потом решили перенести на «Мандарин» кое-какой инструмент, чтобы завтра пойти к СРу, продолжать разбирать нужные железяки. Я находился в рубке бота – проверял настройки радиостанции, а Иваныч полез в катамаран из шлюпок, убедиться все ли нормально с ним... Оттуда он и заметил их...

Старый спасательный бот, тоже оранжевого, но гораздо темнее цвета, обшарпанный, медленно приближался к пирсу, тарахтя «уставшим» дизелем.

– К нам гости, два кабельтовых примерно, – крикнул мне с катамарана Иваныч. – Сергей, ты пока не высывайся, подстрахуешь, если что, я сам их встречу.

– Понял, – ответил я и выволок из ящика обрез и патронташ, затем вызвал по рации Свету и сообщил о гостях. Она знает, что делать, это как у Филатова: «мне тебя учить не надо, сковородка под рукой». Затем взял бинокль и аккуратно сквозь иллюминатор стал рассматривать гостей.

На носу «обшарпанного» стояли двое, значит, как минимум есть еще третий – кто у штурвала. Оба в обрезанных по колено штанах и рубашках без рукавов, бородатые. У одного за спиной явно оружие, разглядеть сложно, что именно. Держатся уверенно и спокойно и вроде бы не враждебно. Когда от «обшарпанного» до Иваныча оставалось порядка десяти метров, один из гостей, тот, что повыше и, как мне показалось, моложе, прокричал:

– Добрый день! Поговорим?

– Добрый, – кивнул Иваныч, – можно и поговорить.

Один из бородачей нагнулся и поднял с палубы трос.

– Принимай швартовый, – крикнул он, размахиваясь.

– Не стоит, – ответил Иваныч, сделав останавливающий жест, – так поговорим.

– Ну, можно и так, – спокойно сказал бородач, выпуская из рук трос.

Я тихонько перебрался из рубки через кубрик к носовому люку, рядом с которым на палубе лежали моток каната и пара ящиков, так что я смог незаметно чуть-чуть высунуть голову, смотреть и слушать.

На «обшарпанном» заглушили двигатель, и он остановился в двух метрах от Иваныча, плавно покачиваясь, тот, что был помоложе, присел на носу, спокойно свесив ноги, а тот, что постарше и со стволом за спиной, остался стоять, причем глаза его так и бегали, осматривая наш бот, пирс, постройки и хозяйство. Скрипнул небольшой люк, и со стороны кормы вылез еще один из гостей, вероятно, их «рулевой», и встал рядом с «вооруженным», что-то ему бубня и кивая в сторону нашего бота.

– Как спаслись? – начал разговор «молодой»

– С Божией помощью, – спокойно ответил Иваныч.

– И много вас тут спасенных? Не похоже, что вот это все, – он повел рукой в сторону дороги, – один осилил.

– Есть еще люди, – так же спокойно и с небольшим холодком ответил Иваныч.

Мне они как-то тоже, при ближайшем рассмотрении, не особо нравились, не внушали, как говорится, доверия, и я погладил спусковые крючки, держа палец на скобе.

– Да ладно, отец, не напрягайся, мы ж такие же. Рыбаки мы, наш траулер на остров вынесло порядка десяти миль, – он махнул куда-то себе за спину, вроде как указал, в какой стороне.

– Понятно, – кивнул Иваныч.

– Нас в экипаже было тридцать человек, почти все уцелели во время волны. Короче, первое время думали, что да как, начали обустраиваться. Но потом всякие междоусобицы да разборки начались, несколько уплыли в поселок на материке, как его... мм...

– Лесной, – подсказал «вооруженный».

– Точно, Лесной, там какой-то нерусский всем командует. В общем, осталось нас 12 человек на острове, разбираем траулер и меняем в Лесном на еду и прочее. Еще солярка у нас есть, много, еще полста тонн. Ну и еще ходим вот по округе собираем, что есть по берегам.

– И что там в Лесном?

– О! Интересно? За информацию при теперешних временах тоже надо платить, без обид, отец, сейчас так, – пожав плечами и немного ехидно улыбнувшись, ответил «молодой» и переглянулся с «вооруженным», – ну да ладно, как жест доброй воли... Поселок там целехонький, народ живет, местные, да те, кто выжил, туда прибились, говорят, есть еще вглубь материка пара более-менее цивилизованных мест.

– Понятно, ну раз времена кругом платные, на вот лови... за информацию, – Иваныч выудил из кармана початую пачку сигарет, одну сигарету сунул себе за ухо, а пачку кинул «молодому».

– Ох! От души, отец! Вот спасибо-то! – ответил «молодой», поймав пачку.

«Молодой» встал, раздал друзьям по сигарете, и они, прикурив от одной зажигалки, довольно заулыбались, переглядываясь, а «вооруженный» достал бинокль и стал рассматривать наше поселение.

– Мы вот с друзьями ходим по вновь образованным архипелагам и берегам, ищем место, где обосноваться, – продолжил «молодой», – тут у вас, я смотрю, ничего... а что, отец, может мы остатками экипажа к вам сюда переберемся?

– Это плохая идея, земли сейчас много, людей мало... Ищите свободные места, – также спокойно ответил Иваныч.

– Ты не прав, отец, сейчас помогать надо друг другу.

– Ты уже определись, сынок... то помогать, а то информация платная, – в голосе Иваныча был явный стеб, – думаю, для первого знакомства достаточно, до свидания... сынки.

– Ну ты не борзел бы, а? – вмешался в разговор «вооруженный», выходя вперед и выпячивая плечо, на котором висело оружие прикладом вверх.

– Мужики, ну по-русски же сказали, до свидания, – это уже я, привстав на трапе из люка и взведя курки, направил стволы обреза в сторону гостей.

На пару секунд они впали в ступор. Желания продолжать «разговор» у них явно поубавилось.

– Ладно, понятно, спокойно, – выставив левую руку вперед, сказал «молодой», – нет так нет... Мишаня, заводи, идем домой.

– Вот это правильно, и, сынки... вы больше не совались бы сюда.

– Хорошо, без базара, – все так же держа вытянутой левую руку, ответил «молодой».

Когда «обшарпанный» задним ходом, а затем развернувшись, отошел от острова метров на триста, Иваныч сел на борт одной из шлюпок катамарана и закурил, достав сигарету из-за уха. Я спустился к нему и сел рядом.

– У молодого под рубахой пистолет был или ракетница... не разглядел, я думал, выстрелит, – сказал Иваныч, смотря в воду.

– Не успел бы, я мог их всех «сдуть» в воду картечью с двух стволов-то, почти в упор.

– Вот поэтому он и не выстрелил, соображал.

– Ну, думаю, надо вносить кое-какие коррективы в нашу колхозную жизнь.

Иваныч только кивнул, затянувшись.

После волны. День 81-й

Сегодняшняя ночь прошла с дежурствами на развалинах, под ненавязчиво морозящий мелкий дождик, который закончился под утро, и все вокруг начало парить, как только взошло солнце. Разбивали вахту на троих, оружие с вечера проверили и держали наготове. За завтраком я заметил, что Иваныч как-то нахмурился.

– Иваныч, о чем думаешь? – спросил я его.

– Да есть кое-какие мысли, вот и гоняю их в голове.

– Ясно, поделишься?

– Во-первых, подходы к пирсу надо обезопасить, да и сделать там, у пирса что-то укрепленное, чтобы обороняться. Ох, – вздохнул Иваныч, подкуривая третью сигарету за 10 минут, – не понравились мне эти... «сынки», наверняка вернуться они, и гораздо большей компанией.

– Мне они тоже не понравились, – согласился я и мельком взглянул на Светлану, которая тоже как-то надулась. Почувствовав мой взгляд, она посмотрела на меня, «как Ленин на буржуазию».

– Что вы их вообще отпустили, раз стало ясно, что у них на уме нехорошее? – выпалила она, перебирая в пластмассовой баночке какие-то пуговицы.

Я посмотрел на детей, они, отвлекшись от завтрака, внимательно «грели уши».

– Так, пацаны, взяли бинокль, рацию и на развалины... бдить. Света, собери им еды, они сегодня бессменные наблюдатели.

Проводив мальчишек взглядом, я спросил у Светы:

– То есть, по твоему мнению, мы должны были их вот так просто взять и пристрелить?

– А что? – невозмутимо спросила Светлана, на что Иваныч аж дымом поперхнулся.

– Нет, мужики, ну выдаете! Мы кое-как выжили, только-только начали обживать, появилась возможность жить, растить детей... и теперь будущее этих детей под угрозой!

– Возможно, ты права, – согласился я.

– Она права на все сто, – констатировал Иваныч, туша бычок в консервной банке, – ну пока они вернутся к себе, пока посоветуются, пока подготовятся и поплывут к нам... думаю, один-два дня у нас есть, если, конечно, у них нет какого-нибудь скоростного катера... Ладно, пошли к пирсу, обдумаем кое-что.

Мы спустились к пирсу, Иваныч влез на палубу бота и стал осматриваться.

– Предлагаю сделать несколько ловушек из тросов с поплавками, слегка притопить и зафиксировать на дне. Будет возможность менять фарватер на подходе к пирсу. Днем они наверняка не сунутся, а вот ночью это для них будет «сюрпризом».

– Ну да, на винт наматывается, будет неприятно.

– Это им неприятно, а нам в самый раз... с этой стороны, где шла волна, везде валежник, и швартоваться либо на пирсе, либо с обратной стороны острова, а с той стороны можем тоже всякой сигнализации выдумать.

У Иваныча вообще подход к работе был такой обстоятельный – идея, планирование, реализация. В общем, до обеда мы засели сначала за эскизы и обсуждение планов «физической защиты острова» – как это назвал Иваныч, а после обеда, собрав необходимые материалы и перетаскав их к пирсу, принялись за работу.

Первую ловушку поставили в пятистах метрах от пирса, используя в качестве поплавков куски мебели с СРа. А управились со всеми только к вечеру, причем на одну из ловушек прицепили капроновую нить, соединив через придуманную Иванычем систему колец с ракетницей, которую закрепили на дереве рядом с пирсом.

– Вот, зацепят, и ракетница нас оповестит, – удовлетворенно сказал Иваныч.

– И гостей тоже.

– А это уже не важно, важно, что мы о них уже будем знать, а там посмотрим.

– Согласен.

– Завтра с противоположной стороны сопки тоже сигнализацию растянем, нам главное, чтобы нас врасплох не застали.

– Точно, пойдем, кстати, проверим оружие и распределим, кто, что и где в случае нападения.

– Пошли, да и проголодался я что-то, – кивнул Иваныч, подхватывая сумку с инструментом.

Я подхватил тачку, в которой были снятые с бота аккумуляторы и прочие ценности, и мы направились домой.

Пожинав, распределили оружие – при Свете остался Васин ИЖак, Иванычу МРку, я с СКСом, а обрез оставили «на подхвате» в доме.

– Если верить пленным, – ухмыльнувшись, сказал Иваныч, – то их двенадцать человек. Надо бы еще что-то посерьезней нам, конечно.

– Ну можно пару самострелов на растяжку поставить, трубок напилить, навеску пороха побольше, заряд дроби побольше... там много ума не надо.

– Вот и делай, не пару только, сразу снаряжай и ставь на подходах к дому и у пирса. А на боевой взвод будем ставить в случае опасности.

– Хорошо, – ответил я и пошел выволакивать свой охотничий ящик с причиндалами для снаряжения патронов.

В общем, сделал шесть штук, навеску пороха догнал до 3,5 грамма, а дробь сыпал прям в трубку, пыж из газеты забил, думаю, достаточно. Один решили испытать, привязав проволокой к дереву. Бабахнуло неслабо, а дерево в 10 метрах покрыло хорошей и плотной осыпью.

– Пойдет, – удовлетворенно кивнул Иваныч, разглядывая «адские машинки», – не убьет, так покалечит.

Прошли с Иванычем и поставили самострелы на позиции, приготовили и отмерили куски лески, напротив стволов на всякий случай положили булыжники, как дополнительный предохранитель. Теперь оставалось только в случае опасности растянуть леску, взвести пружину, которая толкала гвоздь внутри обрезка трубки от какой-то антенны, расположенной напротив капсуля. В качестве пружин использовались тонкие стальные пластины от какой-то неведомой мне корабельной хреновины – Иваныч приволок из ЗИПа. На ночь все-таки решили ставить самострелы на боевой взвод, а с утра снимать. Затем рядом с домом уложили бревна, изобразив несколько невысоких брустверов. Когда стемнело, пришли мальчишки с развалин, которых я сразу проинструктировал по безопасности и временно запретил ходить по определенным местам, объяснив почему. Бима на ночь тоже решили привязывать, он привык вольно бегать по окрестностям, не дай бог, растяжку сорвет.

После волны. День 82-й

Рано утром отправились за сопку, прихватив с собой еще три изготовленных самострела. Отошли примерно на километр и дугой по склону сделали несколько сигнальных отрезков и установили на возможных тропах самострелы, сразу поставив их на боевой взвод. В местах установки сделали специальные метки, чтобы потом самим не попасться. Вернувшись домой, сели завтракать. Утренняя вахта была Светина, и она успела напечь пирожков с зеленым луком и яйцом. Я успел съесть только один пирожок, как раздался приглушенный хлопок, и со стороны пирса вверх взмыла ракета.

– Ну вот и дождались, – констатировал Иваныч, потянувшись за дробовиком.

– Дети, в подвал, Света, в доме... Пошли, Иваныч, рацию не забудь, – протараторил я скороговоркой, на ходу цепляя на себя свой пояс и хватая карабин.

План обороны у нас уже был оговорен, и Иваныч, выскочив со двора, пристроился за бруствером у ворот, Света укрылась прямо в доме, ну а я побежал мимо родника, к месту погребального костра, там почти у кромки воды я сложил пару бревен, подготовив позицию, с которой хорошо просматривалась дорога и пирс. Бежал пригнувшись и, достигнув своей позиции, рухнул за бревна. Достал бинокль, высунулся аккуратно, посмотреть в сторону пирса и увидел следующую картину – уже знакомый «обшарпанный», теряя ход, волочил за собой на буксире две шлюпки, в которых я разглядел по четыре человека. В обеих шлюпках оружие было только у одного, остальные держали в руках кто нож, кто небольшую дубинку или кусок цепи. На «обшарпанном» уже старые знакомые, плюс еще один мужик с небольшим топориком в руках, «молодой» действительно держал в руках какой-то пистолет, а «вооруженный» таковым и остался, я разглядел оружие – какая-то «помпа», не слишком длинная.

– Ну что там? – послышался вызов рации.

– Сработала твоя придумка с тросами, Иваныч, ход потеряли, суетятся сейчас у кормы.

– Ладно, пусть посуетятся, понервничают. Может, ты их того... пока они суетятся.

– Нет, Иваныч, к карабину у меня патронов не так много, да и не снайпер я, метров сто пятьдесят до них, они до пирса примерно полста метров не дошли. Вот на дороге я их хорошо достану, но сначала пусть мимо самострелов прогуляются. Огнестрельных стволов я всего три насчитал, остальные с холодным.

– Ну, как знаешь, ждем, значит.

– Ждем, – согласился я.

Тем временем «сынки» разобрались с причиной остановки, но снять запутавшийся пяти-миллиметровый тросик с винта было, мягко говоря, проблемой, которую «гости» решили, достав две пары весел. Как-только они достигли пирса, «молодой» начал махать руками и давать указания.

«Ага, значит, он у них за босса», – подумал я.

Выполняя команды старшего, двое побежали вдоль дороги, немного углубившись в лес, трое во главе с «вооруженным» пошли направо, то есть прямо на меня. Остальные семеро внаглую зашагали вверх по дороге.

Дослав патрон, я аккуратно положил ствол поверх бруствера и совместил мушку и целик на голове «вооруженного», они меня не видят, идут в полный рост и о чем-то болтают. Не могу... Что-то не дает мне выстрелить в человека, пусть и плохого... Сполз за бруствер, лег на спину, удерживая на груди карабин и пытаюсь выровнять дыхание... Уже слышны их голоса и дикое ржание, такое ощущение, что они как будто знают, что никто их не будет останавливать, а недавнее «недоразумение» только подстегнуло их азарт и любопытство... Правильно, «не стреляли сразу, значит, и сейчас стрелять не будут», так они думают, наверное.

Бум! – раздался громкий хлопок со стороны дороги, и сразу же чьи-то отчаянные крики понеслись по всему поселку.

«Ну вот и на самострел нарвались», – подумал я.

Бум-бум, – подряд два раза разнеслось снова.

– Иваныч, что там у тебя? – сделал я вызов.

– На дороге двое корчатся, и в подлеске справа сработало, хрен его знает, что там, мне не видно. Ты почему не стреляешь?

– Не могу, Иваныч...

– Ты что, совсем охренел? Они идут нас на фарш пускать, а он не могу... Бля! Там дети и Светлана в доме, что с ними будет?

Не знаю, что на меня подействовало больше, матюги Иваныча или мысль о том, что эти «сынки» доберутся до Светланы и детей, но я высунулся снова из-за бруствера и столкнулся взглядом с «вооруженным»... расстояние между нами было не более 15 метров...

Бах! – «вооруженный» выстрелил в меня «от бедра» не прицеливаясь. Я припал к земле и, высунув ствол из-за бруствера, выстрелил несколько раз... куда-то в сторону противника, поднялся на колено и увидел, что двое отползают за ближайший валун, а «вооруженный» бежит к дому. Мудрствовать не стал, прицелился ему в спину и выстрелил... один раз... у него как-то подкосились ноги, он пробежал еще пару шагов и рухнул. Я встал в полный рост и застрелил двух отползающих, на последнем затвор откатился назад, достав из подсумка на поясе снаряженную обойму, загнал еще десяток патронов в магазин, быстро не получилось – руки тряслись.

– Иваныч, троих снял.

– Давно бы так, а «мои» что-то залегли. Двоих самострелом точно посекло.

– Сейчас я их побеспокою, иду к дороге.

Я услышал, как Иваныч выстрелил три раза, и после этого двое из нападавших стали где ползком, а где перебежками отступать к пирсу.

– Сергей, уходят! – зашипело в рации.

«Далеко не уйдут», – подумал я, присел на коленки у поваленного дерева и положил карабин на ствол дерева. Почему-то стрелять хотелось именно на поражение, так чтоб сразу наповал. Разбираться потом с «подранками» что-то не хочется. Выцелить первого мешали завалы и руины у дороги, а вот второй укрылся неудачно, точнее он удачно укрылся от Иваныча, но не от меня. Выстрелил ему в голову, подорвался и перебежал почти по кромке воды, чтобы не дать возможности другому сориентироваться, зашел с тыла, и выстрелил еще раз... почти в упор.

– Иваныч, что там с теми, которые в лес забежали?

– Не знаю.

– Сейчас подойду к тебе.

Я вернулся той же дорогой, дошел до дергающегося в предсмертных конвульсиях «вооруженного», подобрал оружие – какой-то импортный дробовик, проверил карманы... негусто:

4 патрона 12-го калибра, складной нож и одноразовая зажигалка. Проходя мимо родника, попил и затем вылил себе на голову пару кружек воды.

Иваныч держал оборону с комфортом, присев на перевернутое ведро и положив дробовик поверх бревна, он водил стволом, всматриваясь вниз по дороге. Он заметил меня и махнул рукой, подзывая.

– Ну, что у тебя тут?

– Да вот, лежат, не шевелятся. Думаю, может, сходить проверить?

– Не, Иваныч, сиди пока, наблюдай, я в лес зайду, проверю.

– Хорошо, кричи, если что.

Я показал ему на рацию, в стиле «Семен Семеныч».

– Ну вот в нее и кричи, – поправился Иваныч.

Углубившись в лес, я пригнулся и аккуратно начал пробираться к месту, где ставил самострелы. Мини-просеку от пролетевшего большого заряда дроби в широких ветках папоротника я увидел сразу, и рядом в пропитавшейся кровью одежде по левому боку лежал и часто и прерывисто дышал, периодически сплевывая красную пену изо рта, молодой парень, 25 лет, не больше. Он увидел меня и вытянул руку, вроде как закрылся от солнца.

«Мда... не жилец», – подумал я, присел на колено, оглядываясь и прислушиваясь. Где-то в стороне хрустнула ветка, 15 метров, не дальше. Сняв с плеча трофейный дробовик, развернулся в сторону хруста. Точно, что-то мелькнуло в кустах.

Ба-бах... Ба-бах... выстрелил я в том направлении и сразу услышал неистовый вопль. Поднялся и медленно зашагал в направлении крика, оглянулся на парня... он был уже мертв. Второго я задел совсем чуть-чуть, но в левую лопатку и в шею, он лежал скорчившись, зажав одной рукой шею, из которой с пульсацией сквозь пальцы интенсивно текла кровь, а второй рукой с ножом он размахивал впереди себя, скуля и бормоча что-то невнятное себе под нос.

– Вот на что вы надеялись? Придурки... – спросил я его, подойдя на пару метров.

– Ссссуууууууу... – прошипел он в ответ.

Дослав в трубчатый магазин дробовика четыре патрона, я молча выстрелил ему в сердце... в упор.

Вот так закончилась наша первая битва... без криков «Ура» и прочего... Мы, как звери, защищали и охраняли территорию своей стаи, то есть просто убив конкурентов. История и потомки рассудят, плохо это или хорошо... сейчас главное у кого ружье.

Светлана и дети оставались в доме, пока мы с Иванычем занимались «уборкой». Перетаскали все трупы в одну из шлюпок, на которой прибыли нападавшие. Двое были еще живы, и мы с Иванычем «тянули спички» на то, кто их будет успокаивать. Короткая досталась мне... проклиная случившееся и этих всех «сынков», сделал дело ножом, сдерживая тошноту при хрусте плоти под лезвием, «успокоил» обоих в сердце... Потом пробили дно в шлюпке ломиком, отбуксировали ботом к месту, где более сильное течение, и отпустили. Я лишь украдкой прошептал: «Прости, Господи». Потом прошли и сняли все самострелы, от греха, но далеко убирать не стали, отложил их на перезарядку, на потом. Сложили все трофеи из шлюпок и «обшарпанного» у пирса. Вообще, было такое ощущение, что этот «десант» был неким актом отчаянья, то есть особо ценного мы не обнаружили ничего. Была еда, а именно: несколько вариантов круп в мешках, початый ящик тушенки, рыбные и овощные консервы, сахар, мука и соль. Кое-какое тряпье и бытовые принадлежности, как будто они взяли «билет в один конец». В «обшарпанном» стояло три бочки с соляжкой, две пустые, одна полная. Трофейное оружие тоже экзотика – пятисотый «Моссберг», четырехзарядный помповик. У Мишки такой был, который он купил больше для понтов и, естественно, для самообороны, хотя в прошлом мире самооборона равно статья, 105-я вроде. У «молодого» действительно был пистолет... пистолет Марголина. В юности довелось из такого пострелять в десаффовском тире... отдал писто-

лет Иванычу, все ж его трофей, и аж 26 патронов калибра 5,6. И третьим «оружием» оказалась воздушка МР512 со жменькой пуль-воланчиков – оставили детям, путь тренируются.

На обед мы ели спирт... Нет, конечно, Света приготовила полноценный обед, но «отходняк» меня настиг аккурат к обеду, такая трясушка была, что первые сто граммов я выпил с помощью Иваныча, ибо руки тряслись как у паралитика. Да и Иваныч сам был белый, как простыня, несмотря на загар, хоть и храбрился, ага, будто он по утрам в качестве разминки дюжину налетчиков в расход пускает. Так что жару мы пересиживали в состоянии полного аута, несмотря на то что я выпил примерно 0,5 литра разбавленного спирта, захмелеть все равно особо не получалось. Когда начала спадать жара, я попросил, чтобы не кантовали, и отправился спать.

После волны. День 83-й

Проснулся рано, только-только рассвело, и петух в курятнике, радуясь первым лучам солнца, довольно кукарекал, важно расхаживая по огороженному сеткой и плетнем выгулу. Отправившись в туалет, обратил внимание, что с развалин спускается Иваныч. Бим бегал от него и обратно, радостно принося брошенную палку.

Света и дети еще спали, и мы с Иванычем, умывшись, принялись варить завтрак, точнее Иваныч варил молочную кашу, разведя сухое молоко в кастрюле. А я, стараясь не громыхать, почистил карабин, забил патронами пустую обойму и сложил все в чехол в нашем «оружейном» углу. Пересчитал патроны, негусто – четыре «барнаульских» пачки и россыпь в коробке 43 штуки, плюс три полные обоймы, итого полторы сотни «с хвостиком». Под 12-й калибр патронов хватало, да и учитывая возможность их перезарядки, я особо не переживал. Почистил трофейный «Моссберг», набил четыре патрона с картечью в трубчатый магазин и поставил у входа в «бунгало» – будет «дежурным». Переложил в подсумок на пояс десяток патронов 16-го и, вставив обрез в кобуру, надел пояс на себя. Иваныч, глядя на меня, улыбнулся и продемонстрировал рукоять «марголина», торчащую из-за пояса, задрал тельняшку.

– Вот и носи с собой всегда, а то видишь, какая фигня, – сказал я ему, указав рукой примерно в сторону, куда унесло тихим течением шляпку с дюжиной вчерашних «десантников».

– Придется, – вздохнув, согласился Иваныч.

Иваныч привстал от очага, прервав постоянное перемешивание каши, взглянул на «солнечный циферблат», и, постучав ложкой по краю кастрюли, громко сказал:

– Экипаж, завтракать.

Место кастрюли на очаге занял чайник, и «все население острова» приступило к завтраку.

– Ну что, пойдем проверим трофейный бот? – спросил Иваныч, допив травяной чай.

Я согласился, и мы отправились к пирсу, где в первую очередь, раздевшись, освободили винт «обшарпанного» от троса с помощью бокорезов и кое-какой матери. Двигатель бота завелся не сразу, а раза с четвертого, но все же завелся, жутко троя и выпуская клубы сизого дыма.

– Движочек-то «уставший», – констатировал Иваныч.

– Ну как-то они все-таки дошли и на нем до нас.

– Это да. Ну, даже в таком состоянии он еще вполне походит, масло только не проворонить, чтобы не стуканул.

– Будет у нас для недалеких походов.

– Да, но я бы все равно особо на него не рассчитывал, масла и солярки на него не напасешься.

Вытащили две пустые железные бочки и откатали пока к «складу ГСМ». Затем вышли в море на нашем «мандарине», сняли тросы, кроме одного – который «сигнальный», и вернувшись на берег, перезарядили ракетницу, к ней было еще два патрона.

За обедом Светлана предложила:

– Может, сходите в Лесной?

– Что-то не хочется тебя одну тут оставлять, – ответил я.

– А мне не хочется кого-то из вас одного туда отпускать, так что собирайтесь на завтра с Иванычем в Лесной, надо же все-таки как-то и с цивилизацией, точнее с тем, что от нее осталось, связь налаживать. Да и рация есть, ты говорил, что она далеко работает.

– Эх, – вздохнул Иваныч, – главное, чтобы от цивилизации остались не только такие представители, как вчерашние «гости».

– Да, но сидеть тут отшельниками тоже не дело, там, может, торговля какая или обмен.

– Ну «сынки» обмолвились, что там вроде нерусский какой-то управляет, – сказал Иваныч, отойдя чуть в сторону, и подкурил сигарету.

– Аслан, наверное, больше некому. Ну это даже хорошо, у него голова есть и руки, и деловой, и работающий сам мужик, несмотря что басурманин, – предположил я.

– Ну вот и посмотрите, нам вообще-то корова нужна, – сказала Света, потом хотела еще что-то добавить, но промолчала.

– А что мы можем предложить за корову? – спросил я.

Света встала, подошла к тумбочке на кухне, достала тряпочный сверток, вернулась и положила сверток перед нами на столик. Я развернул сверток, из которого на стол выпало несколько кусочков «желтого металла», разной формы и небольших размеров.

– Откуда? – спросил я.

– Из Васиного тайника, с острова.

– Это, наверное, с того места, про которое мне Михалыч накануне Волны рассказывал.

– А откуда еще, – удивилась Светлана. – Там на острове есть ручей в оврагах, недалеко от старой выработки, вот там мужики и мыли иногда золото.

Иваныч подошел к нам, взял со стола сверток и «взвесил».

– Грамм триста будет. Только мне думается, что теперь, в новом мире есть вещи и поценнее золота.

– Согласна, – ответила Светлана, – но и золото со счетов снимать нельзя. Вот сходите в Лесной, все разузнаете, а там как говорится – «спрос рождает предложение».

– Ох, Сергей, разумная у тебя баба, – одобрительно сказал Иваныч, улыбаясь.

– Какая есть, – ответила Света, тоже улыбнувшись и выразительно похлопав длинными ресницами.

В общем, как человек, более близкий к морскому делу, Иваныч разложил карту и достал из «канцелярской» тумбочки готовальню, линейку и карандаши, начал продумывать маршрут до Лесного, что-то бубня себе под нос и пыхтя сигаретой. А я, подозревая мальчишек, начал инструктаж на тему «завтра вы остаетесь за мужиков». После мы отправились готовить «мандарин» к походу. Заправились топливом, заполнили бак под пресную воду и, несмотря на наличие НЗ в боте, уложили сухпай на двое суток. Решили взять на буксир один из шлюпов с СРа, он длинный и вместительный, а то вдруг и вправду получится корову выменять, не в бот же ее запихивать. Также уложили немного разной тары под жидкое и сыпучее. После ужина приготовили оружие, решили взять с собой «мурку» и карабин, и по десятку патронов к каждому стволу. Все еще несколько раз обговорили, как идти до Лесного, какой канал связи и на какой случай, условные сигналы.

– Ну, утро вечера мудренее, – сказал Иваныч, отправляясь к себе на развалины, – спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответили мы со Светой почти хором.

Дождавшись, когда дети уgomонятся и уснут, Света явно с намеком, стрельнув глазками, взяла полотенце, отправилась в «ванную комнату», что и я не преминул сделать. Уснули мы

не сразу... вроде и вместе постоянно, но как-то соскучились, стресс опять же... а тут еще на завтра расставание минимум на двое суток.

После волны. День 84-й

Плотно позавтракав, мы вышли в море одновременно с восходом солнца. До Лесного по расчетам было примерно 10–12 часов ходу, то есть треть от суток нового времени. «Мандарин» уверенно бежал по слабой волне, ровно тарахтя «прокачанным» движком, а позади, плюхая тупым носом об воду, покорно волочился шлюп. Кстати, замена коллектора и установка турбины значительно добавили резвости боту. Иваныч был на вахте за штурвалом и пыхтел вечно торчащей в углу рта сигаретой. Я сидел сверху на палубе, опершись на пластик рубки и периодически осматривал берега островов, плавно проплывающих мимо нас.

– Иваныч, а что ты курить-то будешь, когда твой запас сигарет с СРа кончится?

– Эм... – задумался он, – Ну, самосад-то, надеюсь, кто-нибудь додумается выращивать.

– Может, и додумается кто, – кивнул я согласно и продолжил наблюдение по горизонту.

– Как думаешь, Иваныч... Как нас там встретят?

– Главное, чтобы не так, как мы этих... «сынков», – ответил он и сплюнул окурочек за борт.

– Думаю, причалим где поспокойнее, я схожу со станцией, проверю. Если уж случится что-то такое прям очень нехорошее, то уходи, не впрягайся... Свету и детей нельзя одну оставлять.

– Хорошо, только давай наоборот. Я свое уже пожил, и при таком раскладе я тебя не пушу, сам пойду.

– Что-то мы еще не дошли, а сразу о грустном заговорили.

– Вот-вот, – буркнул в ответ Иваныч.

Через четыре часа ходу, сверившись с картой, я встал на вахту.

– Вон на тот мысок курс держи, потом вправо тридцать на этой отметке дашь, и уже на прямой курс на Лесной выйдем, – дал мне указания Иваныч.

Через пару часов хода Иваныч, который наблюдал в бинокль, скомандовал:

– Ну-ка, самый малый, Серега... Это что еще за «неопознанный плавающий объект»?

Я перевел двигатель в «холостой» режим, поднялся на палубу и взял у Иваныча бинокль.

Недалеко от мыса, на который мы держали курс, на воде болтался то ли плот, то ли еще что-то. То, что это чье-то плавсредство, сомнений не возникало. И мачта и парус присутствовали. На плоту было три человека. Я их мог хорошо разглядеть – они все стояли и смотрели в нашу сторону, по силуэту мужчина и две женщины. Одна из женщин, точнее молодая девушка, судя по всему, вдруг быстро засуетилась и спряталась под какое-то тряпье, а женщина поставила рядом какой-то ящик и села на него. Мужчина продолжал на нас смотреть, держа ладонь «kozyрьком», потом размотал на мачте веревки, удерживающие полотно паруса, тем самым увеличив незначительно скорость плота, и потом, махнув рукой, сел на палубу.

– Они нас боятся, Иваныч.

– Еще бы, мы ж просто само зло, на оранжевой, толстой посудине.

– Да не ерничай ты, их трое, девчонка молодая даже запряталась в куче тряпья.

– Ну... надо тихонько подойти и в максимально вежливой форме познакомиться, может, им помощь какая нужна.

– Вот так бы сразу... А то как Бармалей, честное слово.

Внешний вид у Иваныча и вправду был вполне себе бармалейский – на ногах туфли-«тропички» на босу ногу, обрезанные по колено синие штаны морской робы, тельняшка, заткнутый за пояс пистолет, и в завершение всего этого внушительный тесак – один из трофеев позавчерашних. Единственный положительный аксессуар в его одежде это сделанная из рваной майки косынка, на которой была надпись «Сделано в СССР». И теперь эти четыре буквы красовались аккуратно у него на лбу.

Я вернулся на место у штурвала и направил бот к плоту, не слишком быстро. Иваныч остался сидеть на палубе.

– Сахарный, вызывает Мандарин, – сделал я вызов.

– Сахарный слушает, – ответил задорный Денискин голос.

– Дениска, мама далеко?

– Нет, тут рядом.

– Передай станцию.

– Слушаю, – раздался голос Светланы.

– Полпути до Лесного прошли, тут у нас плот с тремя людьми прямо по курсу, будем знакомиться.

– Осторожно, пожалуйста, после знакомства обязательно перезвони, чтобы я не волновалась.

– Не перезвони, а свяжись со мной, – поправил я ее, улыбнувшись.

– Какая разница, ты меня понял же?

– Понял, обязательно, целую. Конец связи.

Когда до плота оставалось метров десять, я сбавил ход до ноля и выкрутил штурвал немного вправо, бот послушно развернулся бортом к плоту, и я заглушил двигатель.

– Добрый день, – громко поприветствовал Иваныч «экипаж» плота.

– Здравствуйте, – добавил я, высунувшись из рубки, при этом держа руку на кобуре с обрезом, но этого с плота не видно.

– И вам добрый день, – ответил молодой парень, явно волнуясь.

Он был не старше двадцати пяти, но давняя редкая щетина, нечесанные волосы и одетое на нем не пойми что – все явно прибавляло лет десять к возрасту, плюс ссадина на припухшем носу, синяки под глазами и разбитая губа.

– Здрассти... – нехотя и с опаской поздоровалась женщина лет пятидесяти, с милостивым лицом, в некоем подобии домашнего халата и с пестрым платком на голове.

– Мы не причиним вам неприятностей, просто хотим поговорить. Теперь слишком мало людей, чтобы создавать друг другу проблемы.

– Да я бы не сказал, – с грустью в голосе ответил парень.

– Что, довелось столкнуться с плохими людьми? – поинтересовался я.

– Да уж довелось, – привстала было с ящика женщина, но вдруг опомнилась и уселась обратно, – плавали тут недавно примерно на таком же... мм... корабле, как у вас, да и еще две лодки с ними... нелюди они, не назвать по-другому.

Мы с Иванычем переглянулись.

– А когда именно?

– Да дня три или четыре назад, с другой стороны плыли... ироды, – ответила женщина и заплакала.

Выяснив, что женщина говорит именно об «обшарпанном», я сказал:

– Ну если они вас чем обидели, то считайте, что они уже понесли наказание.

– Суровое? Все понесли? – спросила всхлипывающая женщина.

– Суровой некуда, унести всю тяжесть наказания не осилили и теперь камбалу уже кормят... всем личным составом экипажа, – ответил Иваныч, подкуривая сигарету.

– Их же много было и с ружьями? – спросила женщина, вытирая слезы краешком косынки.

– Ну... допустим, с одним ружьем, второе так, только с виду ружье, – ответил Иваныч и продолжил: – Да и хрен с ними. Вам-то, может, помощь какая нужна? Мы в Лесной направляемся.

– Так и мы тоже, – обрадовался парень, – так вот от острова к острову, дождавшись ветра, и плывем.

– Хм... долго вы, однако, будете плыть, – ответил Иваныч, – нам еще часов шесть ходу, а вам так до второго пришествия пилить еще. Откуда вы здесь вообще?

– Да мы сами-то из Лесного, там много выживших, жизнь кое-как налаживается... вышли рыбу ловить на еду да на обмен, так увлеклись... отогнало ветром нас, а тут эти уроды мимо проплывали, увидели Наташку... – женщина спохватилась и аж закрыла рот рукой.

– Да ладно, не бойтесь... кстати, Наташка может вылезать, а то еще задохнется или тепловой удар в этой куче схватит, – сказал я, улыбаясь.

Из-под тряпья выбралась девчушка, лет пятнадцать, худенькая, симпатичная, знатно отмеченная солнцем – то есть рыжая и конопатая.

– Здравствуйте, – скромно и все еще боясь нас, поздоровалась она, встала рядом с мамой, прижавшись, я это понял по явному сходству черт лица.

– И тебе привет, – улыбнувшись, ответил Иваныч.

– Ну так вот, – продолжила женщина, – увидели Наташку, ну и давай предлагать всякие neprстойности и мне и ей, пристать к плоту хотели, да я их палкой все гоняла, а они потом...

Женщина замолчала и снова заплакала.

– Ладно, понятно... Можете не рассказывать... если это вас как-то утешит, то многие из этих уродов перед смертью помучались и умерли не сразу, – сказал Иваныч, закуривая снова, видно, что он тоже разволновался. А я и представить даже боялся, что было бы, если бы мы их не остановили.

– Так а здесь вы как оказались? Далеко же до Лесного, – спросил я.

– Они нас связали и отбуксировали вон к тому острову, – ответил парень, показав на третий островок от нас, – и сказали, что скоро вернутся за нами, ну мы еле развязались и поплыли.

– Понятно, – вздохнул Иваныч, – давайте знакомиться, что ли, я Иван Иванович, это Сергей Николаевич.

– Я Володя, это наша с Наташкой мама – Лидия Васильевна. А папка... он в районе был, ну когда волна...

– Давай, Володя, цепляй линь к шлюпке, отбуксируем вас домой, а сами сюда перебирайтесь, – сказал Иваныч, бросив на плот кусок каната.

Володя быстро управился, потом Иваныч багром подтянул плот к боту, и наши новые знакомые по очереди забрались на «Мандарин» по веревочной лестнице. Я завел двигатель и, потихоньку развернувшись на прежний курс, прибавил ходу.

– Сахарный, ответь Мандарину.

– Слушаю, – почти сразу ответила Света.

– Ну в общем нормально все, взяли на буксир попутчиков, семья из Лесного, идем прежним курсом.

– Ну и хорошо, удачи и осторожней там, целую.

– Хорошо. Конец связи.

Пару часов Иваныч беседовал с пассажирами в кубрике, потом вылез, мрачный как смерть, и сменил меня у штурвала. И уже я, спустившись вниз, начал расспрашивать новых знакомых про Лесной и обстановку в нем. И получалась следующая картина.

...в результате землетрясения, точнее после сдвига оси, Лесной, конечно, пострадал. Повредились здания, и кирпичные и деревянные, в основном новоделы, старые здания устояли, за исключением котельной, по стенам пошло много трещин и упала труба, проломив крышу соседнего дома, хозяев придавило насмерть. И это, кстати, единственные жертвы на весь Лесной, остальные отделались ушибами, ссадинами и испугом. Вырубился свет и потом стоял сильный шум, шум воды. А наутро жители обнаружили, что за перевалом море, территория, на которой располагается Лесной, теперь была краем материка, острым мысом заходя в море. Сам Лесной располагался в небольшой долинке между перевалами шириной 4 и длиной 10

километров. Первые несколько дней люди, конечно, паниковали, информации не было никакой. Аслан, хозяин лесопилки, как-то быстро собрал вокруг себя своих работников с семьями, послал в разные стороны конных гонцов, чтобы разведать обстановку. А потом начали «вылавливать» людей и прочее, что прибывало к берегу, было несколько лодок и спасательных плотов. Даже установили дежурство с внешней стороны перевала, той, что к морю. Плавали вдоль берега, подбирали иногда попадающихся выживших. В нескольких местах обнаружались выброшенные волной корабли, и один из них целый пограничный катер, с экипажем 12 человек, из которых выжило 9. Пограничников и экипажи других кораблей привели в Лесной конные гонцы. Потом собрали народный сход и на нем порешили, что пока не ясна обстановка, выживать сообща. Избрали старосту поселка – Аслана, за порядок отвечал единственный полицейский на всю округу – участковый Лесного, к нему примкнули пограничники, организовав народную дружину, которую потом через пару недель возглавил майор, что командовал пограничниками, потому как участковый напился до белой горячки и начал кидаться с оружием на людей. Погранцы его обезоружили и помяли малость, а потом на очередном сходе избрали майора Маслова начальником дружины. Потом стали снаряжать конные обозы – разбирать и снимать все с кораблей. Пограничники сразу сказали, что все, что с их катера, они готовы отдать в общий котел, кроме личных вещей экипажа и, естественно, оружия и боеприпасов. С оружием, кстати, в Лесном проблем не было, то есть оно было почти в каждом доме, а иногда не по одной единице. Через месяц народ начал роптать, некоторые решили уходить в глубь материка, и начались всякие неприятные разборки. Несколько раз были драки, поножовщина и даже перестрелки. Погранцы старались утихомиривать народ как могли, но пошли разговоры, что, мол, когда разнимали дерущихся, кого-то слишком сильно помяли, да и вообще, вы тут не местные, а командуете... В результате Маслов всем объявил, что от больших групп бандитов, которые уже стали появляться иногда рядом с Лесным, они поселок, если что, защитят, а насчет остального, мол, слагаем обязанности и разбирайтесь сами. Аслан поступил примерно так же, так как по его поводу подобные разговоры тоже пошли, но власть в поселке все-таки осталась в руках Аслана, хоть формально он и сложил с себя обязанности. Во всяком случае, решать спорные вопросы односельчане все равно шли к нему, ну не привык у нас народ самостоятельно принимать решения, что ж поделать. Так и сложилось, что народ в Лесном разбился на общины и «общинки», или семьи. Занялись хозяйством, рыбалкой. Организовался небольшой базар, где больше меняли, чем продавали. Открылись разного рода мастерские, харчевни и т. п. Пограничники построили себе небольшой барак из пиломатериала от Аслана и тоже занялись хозяйством да калымили охраной, а охранять уже было что. Аслан начал строительство пристани с внешней стороны перевала, в планах было начать строить небольшие лодки, а быть может и корабли, только вот как это делается, никто толком не знал. Так, строили небольшие плоты, вроде того, на котором были наши пассажиры. Начали ходить обозы в Луневу – пгт, где была даже небольшая жд-станция и недалеко какая-то воинская часть мотострелковая, которая частично пострадала во время волны, но кое-что уцелело, правда часть личного состава разбрелась. Кто осел и занялся хозяйством, кто в лихие люди подался, а кто и сгинул в тайге. Те вояки, что остались при части, заняли примерно такое же положение, что и пограничники в Лесном. Были еще уцелевшие поселки – Терехово и Ключи. И бывший колхоз им. Ленина, в нем, судя по слухам, осело тоже немало народа и активно занимаются земледелием, даже с применением техники, так как недалеко были армейские склады с топливом, а также маленький аэродром, с парой «кукурузников», только не летающими. Позже обнаружались еще несколько выброшенных волной кораблей, за право мародерства которых была даже небольшая трехдневная война. Шутка ли, я на примере СРа понимал, сколько «добра» там может быть, большую ценность, кстати, представляли шлюпки и мотоботы, так как с изменением береговой линии и уровня моря образовалось много рек и проливов, которыми было проще добираться до населенных пунктов, чем пробиваться с обозом лесными тропами и перевалами.

Ну и самая главная новость была в том, что пару недель назад, в один из проливов, севернее Лунево, приземлился, точнее приводнился ИЛ-76 МЧС России, у которого дымил двигатель, самолет прилетел аж с Новосибирска. Спасти удалось только троих членов экипажа, недалеко была шлюпка с рыбаками, они-то и пришли на помощь настолько скоро, насколько смогли. От МЧСников все и узнали о масштабах произошедшего. На эту информацию выжившие отреагировали по-разному, кто пустился во все тяжкие, кто-то более сплотился, кто-то, наоборот, уединился, были даже случаи суицидов и сумасшествий. Некоторые даже отправились в путешествие, выменяв все свое имущество на шлюп или постройку плота.

А рассказали МЧСники примерно следующее.

В Центральной России от Валдайской возвышенности до Старого Оскола еще кое-где остались выжившие, далее, на восток, от Тулы до Пензы – вода... все под водой и Москва, и Воронеж, и Нижний Новгород. На возвышенности от Ульяновска до Саратова есть небольшие участки суши, где также люди. Большой Кавказский хребет волна не задела, как и прилегающие территории, только очень сильно расширились реки в Адыгее и на юге Ставрополя, в целом на Кавказе все обошлось «малой кровью». Но это после волны, зато когда прояснилась ситуация, там началась такая мясорубка, что живые завидовали мертвым. На нетронутым волной Урале кое-как что-то организовалось, и ходят слухи, что кое-кто из Москвы странным образом очутился в горах на Урале, за сутки до волны, но им не повезло, суровый уральский люд, мягко говоря, их не принял. На восток от Новосибирска все плоскогорье и до Иркутска цело, за исключением того, что также много разлилось рек, естественно, с большими проблемами для населения. По всей территории, где на бывшем севере и северо-востоке была вечная мерзлота, волна не прошла, но там теперь одно большое болото, выделяющее невероятное количество сероводорода. В общем, по территории страны жизнь много где сохранилась. Немного островов осталось от Сахалина и Камчатки. От Шантарских островов и до бывшего Китая теперь море, с узким проливом в 15 километров у Комсомольска-на-Амуре, и Приморье отделено этим проливом. Еще неприятным «сюрпризом» для выживших оказались АЭС и появились «мертвые земли».

Володя рассказывал все очень подробно, у него, можно сказать, феноменальная память. А я, слушая все это, как-то внутренне ощутил всю боль, ужас и трагедию нашего мира, нашей цивилизации. Теперь мы оказались гораздо дальше, чем в средневековье, правда с замашками периода индустриализации. Мне как-то стало душновато в кубрике, выпил стакан воды и поднялся к Иванычу в рубку.

– Иваныч, дай-ка сигарету.

– Что, Серега, ощутил, так сказать, важность момента?

– Да уж, – кивнул я, взяв сигарету и подкурив. – Домой вернемся... напьюсь.

– Аналогично, – согласился Иваныч, и потом всю дорогу до «Новых Пристаней» Лесного мы шли молча.

В паре километров от Лесного я уже наблюдал, как сказал Володя, Новые Пристани. Картина, конечно, меня немного потрясла, очень большая территория у берега была расчищена от завалов, вверх сопки, вдоль просеки ЛЭП была расчищенная дорога, по которой ехали повозки и периодически мотались два небольших микрогрузовика. Было три пирса и строились еще несколько. Разглядел некое подобие верфи, на которой рубились несколько плотов. В общем, работа кипела и все что-то делали. Тут же недалеко от пирсов были маленькие торговые ряды, которые продолжали строиться.

– Володь, куда лучше причалить? – спросил я, спустившись в кубрик.

– Да на любое свободное место.

Иваныч аккуратно причалил, я спрыгнул на недавно построенный пирс и намотал швартовые на толстые деревянные сваи, потом мы вдвоем с Володей подтянули шлюп и следом

плот, который Володя пришвартовал рядом с «Мандарином». Ко мне подошла Наташка, и, стесняясь, сказала:

– Мама вас с Иваном Ивановичем приглашает на обед к нам, не отказывайтесь, пожалуйста.

– Хорошо, – согласился я, – только мы сначала тут выясним все, а попозже обязательно придем. Объясни только, как дом ваш найти, я в Лесном был-то пару раз всего.

– Лесопилка знаете где? Вот от нее вниз, в сторону котельной улица, так третий дом по правую сторону это наш, забор там у нас из шифера и зеленым покрашен.

– Хорошо, Наташа, обещаю, что зайдем.

Все семейство собралось на пирсе обвешавшись небольшими узлами, еще раз поблагодарили нас и пошагали к торговым рядам, где Лидия Васильевна сразу «оптом» отдала корзину рыбы торговцу, обменяв на какие-то свертки из газеты, затем семейство потихоньку побрело по просеке вверх.

Я не заметил, как около меня возник молодой парень, крепкого телосложения, в шортах, сделанных из камуфляжных брюк, в тельняшке с зеленой полосой и в зеленом же берете, завершал всю эту «красоту» АКМС, висевший вниз стволом на ремне, зацепленном обоими карабинами за антабку на кнопке сложенного приклада.

– Охрана судну нужна?

– Ну вообще-то нужна, – ответил я, соображая чем за нее можно рассчитаться.

– Сашка... Ивлеев!!! – громко проорал пограничник, как я уже догадался.

Из-под большого навеса, стоявшего рядом с торговыми палатками, прибежал точно такой же молодой парень, только чуть повыше.

– Сколько стоять будете? И эта... Шлюпка тоже ваша? Тогда за два места.

– Да в шлюпке охранять-то нечего, – сказал подошедший Иваныч.

– Как нечего? – по-настоящему удивился Сашка. – А саму шлюпку?

– А, ну да, – кивнул Иваныч и рассмеялся. – Мы первый раз у вас, что за охрану-то платить?

– Тут действуют несколько «валют», – деловито начал Сашка, – «новые» золотые и серебряные монеты, продукты, инструмент, оружие, боеприпасы, топливо, да много чего, даже трудом своим можете рассчитаться. Вон в ломбард зайдите, поинтересуйтесь, вам там могут монеты поменять на что-нибудь.

– А что за «новые» монеты? – спросил я.

– А прямо в ломбарде льют и дают прессом из лома или драгоценностей.

– О как, – удивился я, – а своим трудом это как?

– А вон у ломбарда же на доске мелом написаны работы, которые будут оплачены.

– Понятно. Подожди, Иваныч, тут, я в ломбард зайду.

Сразу за пирсами располагался небольшой щитовой домик, торец которого был оборудован в виде стойки, за которой сидел пожилой кавказец в очках и что-то писал в толстую тетрадь, внутри помещения за стойкой в небольшом кресле в углу сидел здоровенный молодой джигит, лет двадцати, рядом у стены стоял АКМС. А в противоположном от джигита углу стояло что-то типа кузнечного горна, от которого шла труба на улицу, рядом с горном небольшой столик с лабораторными весами, какими-то пузырьками, формами для литья и самодельным прессом. Перед выходом в Лесной мы с Иванычем на всякий случай разделили на двоих содержимое свертка, что дала Светлана. Я достал небольшой сверточек и вставил его на стойку перед пожилым кавказцем.

– Добрый день, уважаемый, говорят, у вас можно золото в монеты переплавить?

– Здравствуй, брат, можно... можно и переплавить, можно просто на лом по весу поменять, в любом случае один к десяти за обмен или штамп я возьму от общего веса.

– Договорились, – ответил я и пододвинул ближе сверток.

Старик развернул сверток, посмотрел на него через лупу, потом помазал его содержимое какой-то жидкостью из баночки, удовлетворенно кивнув. Затем аккуратно высыпал содержимое свертка на весы и начал выкладывать в чашечку гирьки.

– Сто сэмдесят пят грам, – озвучил вес старик, – тебе как, брат, будэш ждать литья, или могу сразу на вес поменять.

– Давай сразу.

Старик отсчитал 15 золотых и 30 серебряных монет, все монетки были небольшие, на которой всего-то был отчеканен только вес в 9 грамм и надпись, маленькими грубыми буквами – «Лесной».

Смахнув все монеты в карман, я направился обратно к боту.

– Ну как, удачно? – спросил меня Сашка.

– Да вполне, сколько мы будем должны за охрану?

– А сколько простоите?

– До завтрашнего обеда точно.

– Ну тогда 15 монет серебром.

– Вот держи, – сказал я, отсчитал и передал монеты.

Взамен он дал мне небольшой деревянный жетон с номером «8». И попросил, что когда буду отплывать, то обязательно вернуть жетон, проверить все ли в порядке на судне и расписаться в журнале у старшего, что под навесом у торговых палаток. Затем мы с Иванычем поднялись обратно на бот, собрать кое-что. Я обратил внимание, что некоторые люди ходят «не стеснясь» с оружием, у кого двустволка за спиной, у кого еще какой «карамультик», очень популярны, оказывается, обрезы, ну а что, правильно, короткий ствол и по убойности в ближнем бою страшное оружие. Еще я внимательно посмотрел, как в 20 метрах от нас строили еще один пирс. Конечно, не то, что я соорудил у нас по принципу «я его слепила из того, что было», ладно сейчас у нас в Сахарном есть возможность подключить электроинструмент и циркулярку... обязательно переделаем и удлиним пирс... потом. Собрав личные вещи, которых было не так уж и много, в маленькую спортивную сумку, накинул за спину карабин и спустился на пирс. Иваныч проследовал за мной, с МРкой и худым военным сидором за спиной.

– Ну что, Иван Иваныч, сходи, наверное, в ломбард и махни золото на монеты, только не жди, когда он будет чеканить, а просто поменяй по весу. Я тут, у схода на берег подожду.

– Сейчас, – кивнул Иваныч и направился общаться со старым чеченом.

Пока ждал, обратил внимание, что у схода на берег был установлен большой щит, на котором где мелом, где углем, а где и записка была приклеена... это была информация о тех, кто еще надеется найти близких и родных, было написано, кто, откуда и где расположился или куда направился. Вернулся из ломбарда Иваныч и похвастался блестящими монетками неправильной формы – 16 золотых и 10 серебряных.

– Ну что, Сергей, пошли пройдемся по торговым палаткам?

– Идем, а после поднимемся в поселок, – согласился я.

Вообще на Новых Пристанях стоял сумасшедший шум и гам, кто-то кого звал, что-то кричал, отовсюду раздавался звук стройки, пахло рыбой, свежеструганым деревом и шашлыком... Как же вкусно потянуло шашлыком.

– Иваныч, смотри.

– Не, Серега, мы же в гости обещали зайти, некрасиво вроде, придем сытые.

– А вдруг они сами последний хрен без соли доедают?

– Эм... – задумался Иваныч, – может, и так, конечно, но глядя вокруг, сомневаюсь, не голодают тут люди.

В основном в торговых палатках у пирсов торговали, конечно, рыбой. Но были и торговцы с другим ассортиментом – инструменты, одежда, кухонная посуда и прочее. В конце ряда торговых палаток располагался небольшой, недавно построенный навес, под которым были

разные ящики, тюки и коробки, охранял навес невысокий крепкий парень с «Сайгой» наперевес, а рядом, за наскоро сколоченным столом сидела необъятных размеров дама с какой-то невероятной прической, и, делая записи карандашом в толстую тетрадь, кому-то что-то выдавала, у кого-то что-то принимала. Рядом с навесом стояли несколько запряженных телег.

– Сынки! Подвезти? – обратился к нам забавный дедок в обрезанных по колено старых трениках, майке-алкоголичке и соломенной шляпе, стоящий у телеги, запряженной старой кобылой.

– Вот так, Серега... из-за некоторых теперь для меня слово «сынки» как нарицательное.

– Да ладно, Иваныч, давай дадим деду подзаработать, – похлопал я Иваныча по плечу и спросил у деда: – Сколько возьмешь до базара довезти?

– А три монеты серебром... с каждого.

Мы, конечно, еще не знали местных цен ни на товары, ни на услуги, и как потом выяснилось, мы переплатили в три раза за эту поездку.

Мы залезли в телегу, дед громко крикнул «пошла!», и кобыла нехотя повезла нас в не очень крутой подъем сопки. Когда телега вползла на верх сопки, нам открылась долина Лесного, поселок занимал треть ее части, но относительно того, каким я его видел перед волной, он активно строился. Везде, вдоль дорог, у домов и по краям поселка лежали бревна или уже напиленные доски. Часть склона, изнутри долины, где раньше стоял плотный лес, была уже почти выпилена, пни жгли, а землю обрабатывали. Часть домов была полуразрушена или повреждена. По длинному забору и штабелями досок за ней я узнал территорию цехов Аслана, за забором тарактела мощная электростанция, киловатт на 30, не меньше, рядом стоял топливозаправщик с прицепом. Бросилась в глаза свежая постройка – кузница, от которой доносился бряцающий звук железа и стук молота.

– Стой, Машка! – скомандовал дед. – Все, приехали.

Пока я рассматривал владения Аслана, не заметил, как мы подъехали к шумным базарным рядам. Мы расплатились, дедок хитро улыбнулся, развернул телегу и покатил обратно. У входа на базар, по обе стороны мы увидели что-то вроде рекламных щитов, у которых стояло несколько человек, кто-то читал объявления, кто-то активно торговался за что-то, кто-то бил по рукам, скрепляя сделку.

– Пойдем, почитаем? – предложил я Иванычу.

– Пошли, – согласился Иваныч, – надо же быть в курсе «что по чем».

Мы подошли и начали читать объявления:

«...возьму в аренду лодку под залог имущества», «найму в охрану обоза трех вооруженных человек, расчет по прибытии в Лунево», «требуется доставка груза», «ищу единомышленников и просто хороших людей для переселения на северный архипелаг», «собирается экспедиция на поиск и разборку корабля, расчет – процент от добытого», «наймусь в плотники», «кладу печи» – в общем, все в таком роде, новый вариант газеты «Из рук в руки»

– Я смотрю, есть спрос на доставку грузов морем и аренду всего, что плавает.

– Есть такое дело, – согласился Иваныч. – Эх! Зря мы «этих» в лодке утопили.

– Да ладно, у нас еще две есть и целый «катамаран».

Пройдя в торговые ряды, мы начали присматриваться и прицениваться, продавалось и менялось все и на все. Наткнулись на интересного персонажа, он сновал между людьми и активно предлагал услуги по поиску товара, где и у кого можно что-либо купить или продать. Я его подозвал к себе, юркий паренек лет двадцати – двадцати пяти, причем явный «потомок Моисея», слишком хорошо и не по погоде одет по новым временам – туфли, костюм «тройка», галстук и фетровая шляпа.

– Доброго дня вам. Что-то ищете?

– Да, ищем. Хотим корову приобрести.

– С коговами сейчас есть пгоблеммы, никто не пгодает пока, но я знаю, у кого подгастают телочки и чегез нектогое вгемя, думаю, чегез пагу месяцев вы можете ко мне обгатиться, если оставите пгедоплату, то я буду дегжать для вас этот товаг.

– О как! Сервис, – улыбнулся Иваныч.

– Да, я стагаюсь делать свое дело хогошо.

– Ясно, а емкости под жидкость у кого можно приобрести? Ну или бочки?

– Мне нужно немного вгемени, где я вас могу найти?

– Давай так... как тебя звать, кстати?

– Ефим Магкович.

– Давай так, Ефим Маркович, у второго пирса на пристани стоит оранжевого цвета спасательный бот с деревянной мачтой, вот вечером мы тебя ждем там часиков в 28 по-новому.

– Хогошо, договогились. С вас десять монет сегебгом, но вечегом, если вы купите то, что искали, если сделки не будет, то пять монет, за мой тгуд.

– Договорились, – кивнул я, и мы распрощались.

– Что-то мне подсказывает, что он десять монет стрясет еще и с тех, кто нам бочки захочет продать, – предположил Иваныч.

– Наверняка, – согласился я, – ладно, давай по рядам еще пройдем, да пойдем уже в гости к нашим пассажирам, а то уже скоро пекло начнется.

Мы прошли по рядам, где Иваныч приобрел себе увесистый кисет с махоркой – на пробу. Я купил пару бутылок коньяка, явно где-то намародеренных, и десяток «петушков» из плавленого сахара. Светлане купил набор полотенец и маникюрный набор, все было абсолютно новое в упаковке, также прикупил несколько кусков мыла, шампунь и зубную пасту. Базар мы прошли насквозь и вышли в другие ворота, рядом с которыми стоял столб-указатель с табличками следующего содержания:

«Гостиница – 100 метров вниз и направо», «оружейная лавка – у котельной», «фельдшер и аптека – в клубе», «Кафе Араик – 100 метров направо».

– Хм... что-то знакомое... а пойдем, Иваныч, направо завернем, хочу проверить кое-что.

– Ну пошли, как раз вон и к цехам вывернем.

Мы прошли вдоль нескольких домов и оказались около бывшего сельского магазина, который потерял две стены и часть кровли во время землетрясения, потом, вероятно, этот магазин был безжалостно разграблен. Теперь, с торца здания был недавно построенный навес, небольшая стойка, мангал и несколько грубо сколоченных столов, за которыми сидели посетители. Хозяин кафе колдовал у мангала, и я было подумал, что ошибся, и откуда ему тут взяться... и не похож вроде. Но когда я увидел, как хозяин перед тем как поставить на стол клиентам тарелку с шашлыком, смахнул полотенцем со стола не существующие крошки... я понял, это именно он – тот самый Араик из придорожного кафе, который варит изумительный кофе и делает вкусное вино! Только сейчас он изрядно похудел, и, вместо черных как смоль волос, голова покрыта пепельной сединой. Я подошел к стойке и спросил:

– А что, вкусный кофе тут тоже варят?

– Эй, дарагой... какой кофе-шмофе, дефсыт эта теперь, – отмахнулся было от меня хозяин, потом взглянул мельком, пару секунд соображал и потом: – Эээ... болшой джип... болшой пирицеп... вино купил...

– Ага, и твой вкусный кофе пил.

– Ааа! И ты мяя не забыл, и я тэбя запомнил... да... ну здравствуй, дарагой, да ты не стой, присаживайся, друга своего приглашай, сейчас я вам покушать принэсу.

– Подожди-подожди, Араик, мы сейчас не можем у тебя задерживаться, но завтра обещаю – обязательно придем завтракать.

– Только обязательно приходи... я... я нэ знаю как тэбя звать.

– Сергей меня звать.

– Вот хорошо, обязательно завтра приходи, Сергей-джан, буду ждать.

Мы попрощались и направились дальше.

– Это кто? – спросил Иваныч, когда мы отошли.

– Ты представляешь, я у него поесть останавливался, когда в Сахарный переезжал, виделось-то минут сорок всего, кофе я ему заказывал сварить, вина купил, да перекинулись парой слов. Все. А запомнился он мне, радушием своим, как это говорят, ммм... О! Харизматичная личность. Да вообще редко в прошлом мире можно было встретить человека, после нескольких минут общения с которым он тебе бы запомнился.

– Да уж, – ну сходим к нему позавтракать.

Дом Лидии Васильевны мы нашли без особого труда, и не только по зеленому забору из листов шифера, а по тому, что Наташка и Володя стояли у калитки и всматривались в нашу сторону. Дети уже успели привести себя в порядок и стояли чистые и в опрятной одежде. Когда они нас заметили, то Наташка сорвалась и побежала в дом, а Володя пошел нам навстречу.

– Мы уже ждали вас, – улыбнулся Володя, насколько это позволяла рассеченная и припухшая губа.

– Ну мы пока осмотрелись тут, – ответил Иваныч.

– Проходите, пожалуйста, – сказал Володя, пропуская нас в калитку вперед себя, – и в дом заходите.

Внутри просторного деревянного сруба было прохладно, к тому же работал «деревенский кондиционер» – периодически меняемая мокрая марля в дверных проемах. Мы оставили в прихожей свои сумки и пристроили в углу оружие. В доме было не богато, но уютно и чисто. Нас проводили на просторную кухню с видом в огород, по которому прогуливались куры, индейки и утки. В глубине огорода были видны несколько ульев, а на плодовых деревьях ухоженного сада уже начинали созревать плоды.

– Ой, ну присаживайтесь, гости дорогие, за стол, будем обедать, – сказала Лидия Васильевна, снимая передник и косынку.

На столе с какой-то «космической» скоростью стали появляться столовые приборы, блюда с едой, несколько бутылок с прозрачными и не очень жидкостями, украшением стола стал гусь, приправленный зеленью и специями.

В дверном проеме появился крепкого сложения мужик, моего возраста примерно, в просторных парусиновых штанах, заправленных в сапоги, белой рубашке и хэбэшном картузе. На поясе у него висела искусно и со знанием дела изготовленная кобура, в которой угадывался обрез двустволки.

– Так вот они, спасители твои, Лидочка, – громогласно сказал он своим очень низким голосом.

– Ой, ребята, знакомьтесь, это брат мой младший – Виктор... Он уже тут целую ватагу, оказывается, собрал, чтобы в море выйти и нас искать.

Виктор прошел в кухню, старательно вытерев ноги об половик, и каждому из нас крепко пожал руку. Мы представились друг другу, потом он отошел чуть назад и низко в пол нам поклонился, сказав басом:

– За сестру и племянников спасибо вам. Нет у меня никого кроме них, а теперь и вы, считай, как братья мне. Ну да за стол давайте, до дна! За спасение и за знакомство!

Мы расселись, видно было, что Иваныч слегка смущен такой сценой простой человеческой благодарности, да и я тоже, что уж говорить.

– Вот, медовухи попробуйте, при нынешней погоде только ее и пить... али квасу, кому хмельного рано еще, – сказала Лидия Васильевна, разливая по чашкам холодный напиток с ядреным ароматом.

Обед был очень вкусным и сытным, от медовухи мы с Иванычем, конечно, захмелели и попросили Виктора не частить, так как у нас сегодня еще дела коммерческие. За разговорами выяснилось, что Виктор работал в Лесном механизатором, пока было еще что ремонтировать, а последние десять лет он работает есть у Аслана, ремонтирует станки и прочую технику.

– Ну значит, коллеги, – резюмировал Иваныч, – я по той же части, только морской.

Наташа должна была этой осенью идти в девятый класс, а потом хотела учиться на парикмахера. Володя, закончив также девять классов, отучился в районе на повара, и уже полтора года «сидел на чемоданах» и ждал повестки из военкомата, но про него, вероятно, забыли. Уже сам собирался ехать в район и выяснять причину, по которой его лишают возможности отслужить в армии.

– А что, у нас все служили, а кто не служил, тот вроде как и не мужик, – заявил Володя, уже порядком опьянев.

Ну а Лидия Васильевна всю жизнь отработала в сельской школе учителем начальных классов. С ее мягким голосом, приятной внешностью и характером самое лучшее занятие в жизни.

За чаем с пирожками зашел разговор о будущем. Виктора в принципе все устраивало, да для него собственно ничего и не изменилось, за исключением статуса в Лесном. Все, кто работал на Аслана, как-то разом стали уважаемыми людьми. Наташка на тему будущего разговаривать не хотела, мол, не придумала еще. А Володя, раз уж с армией не получилось, хочет заниматься тем, чем умеет, то есть готовить, что, кстати, у него действительно получается на отлично, так как почти весь обеденный стол, включая гуся, его стряпня. Лидия Васильевна надеется, что в скором времени все более-менее утрясется, в рамках нового мира, и детьми все равно надо будет заниматься. А пока все семейство по фамилии Савельевы на хозяйстве да приторговывают иногда либо на Пристанях, либо на базаре.

Потом я поинтересовался, у кого можно купить разную домашнюю скотину.

– А что именно интересуется? – спросил Виктор.

– Да в принципе все, и корову надо, и барашков, ни от чего не откажусь.

– Ну, Серега, я тебе так скажу, пока на продажу скотины нет у нас в Лесном. Но кое-что проясняется постепенно, так что, думаю, решим мы этот вопрос.

– Ну и славно.

Время близилось к вечеру, и надо было собираться. Виктор предложил нас подвезти, он был на телеге, половину которой занимали картонные коробки, которые нужно было все равно отвезти на склад у Пристаней. С нас было взято обещание, что в следующий раз мы обязательно остановимся у Савельевых, а не в гостинице или на своем боте. С собой нам завернули пирожков и литровую банку молока. Мы попрощались, и Виктор потихоньку повел телегу к Пристаням.

– А ты, Сергей, значит, не единственный, кто в Сахарном выжил? – спросил Виктор, обернувшись вполборота.

– Со всего Сахарного выжил только я, Светлана – соседка моя, и двое ее детей.

– Эх... – вздохнул Виктор, – Михалыча-то я хорошо знал, да и вообще знакомцев было много там.

– Да, досталось поселку. Да что там, всему миру досталось.

– Ну нас-то тут, видишь, Бог уберет, – сказал Виктор, поведя рукой.

– Вот и хорошо, а то у кого бы мы еще такого вкусного гуся поели да медовухи попили.

Мы рассмеялись и оставшуюся дорогу болтали «о погоде».

Колесо скрипнуло, и телега остановилась прямо у пирса, я задремал и не заметил, как доехали. Мы выгрузились, забрали свои вещи и попрощались.

Прошли к боту, у которого прохаживался один из пограничников, я показал ему жетон, и он нас, пропустив, спросил:

- Так а вы что, отплываете на ночь глядя?
- Нет, мы переночуем, а уже завтра отплываем, да и дело у нас скоро. Тут, кстати, может еврейчик такой в костюме появиться, он нас искать будет.
- Фима, что ли?
- Ага.
- Хорошо, договорились.

Иваныч копошился с движком, что-то проверяя и натирая ветошью, а я в полудреме болтался в гамаке в кубрике, когда в пластиковый борт «Мандарина» деликатно постучали.

- Это я, Фима. Вы тут? Я нашел вам бочки и еще кое-что.

Мы с Иванычем выбрались на пирс, на котором с деловым видом стоял Фима, придерживая одной рукой велосипед.

- Ну рассказывай, эффективный ты наш менеджер, – улыбнулся Иваныч.
- Есть шестнадцать пластиковых бочек на 220 литров, и четыре этих... как их... а, подвесных бака топливных от самолета.
- А баки-то откуда?
- А здесь на окгаине был пункт пгима металла, там вообще много интегесного для совгеменных условий. Только вот хозяин этого пункта сказал, что если так нужны баки, за ближайший час нужно внести залог – семь золотых, так как на них уже есть желающие, которые могут заявиться завтра.
- А они хоть не дырявые?
- Кто, желающие?
- Мля, баки топливные!
- Что вы, если только немного дефогмигованы.
- А какой емкостью?
- Секундочку, – Фима открыл записную книжку, полистал и ответил: – Каждый на две с половиной тонны.

Мы с Иванычем переглянулись, поняв друг друга, и я спросил:

- Какими габаритами баки?
- Секундочку, – опять сунул нос в блокнот Фима, – в длину шесть метгов, в диаметре 0,8 метга, на концах сходятся на конус.
- Ты подумал о том же, о чем и я? – спросил я Иваныча тихнько.
- Поплавки? – также тихо переспросил он.
- Да.
- Надо брать, – прошептал Иваныч.
- И сколько за бочки и за баки?
- Баки по десять золотых за штуку, бочки по золотому за две штуки, итого сорок восемь.
- Не дороговато за баки-то?
- Отнюдь, у кого есть хоть немного понимания в технике, быстго сообгажают тепегь, как их можно использовать. Даже я, с гуманиагным складом ума, догадываюсь, что эти баки очень гедкая и ценная штука.
- Мля, Иваныч, брать надо, а у нас на двоих тридцатка с хвостиком.
- Может, хотя бы эти два бака возьмем и бочки, лучше синица в руках, чем сам знаешь что, в облаках.
- О! Может, шлюп продадим?
- Точно, я и забыл, – доставая сигарету и подкуривая, сказал Иваныч.
- Уважаемые! На пирсе запрещено курить, вот к ломбарду отойдите, там есть место, – прокричал прохаживающийся невдалеке пограничник, указав стволом автомата на нарисованный от руки знак, запрещающий курить.

– Идем! – крикнул ему Иваныч, и мы прошли к ломбарду, где стояли две лавочки и какая-то лохань с водой и плавающей в ней куче окурков.

– Фима, а шлюпку вон ту, – указал я, – за сколько можно продать?

– Любое плавсредство сейчас, знаете ли, очень хогошо ценится.

– Ну не томи.

– У меня нет таких денег

– Да что ж ты такой трудный! За сколько, говорю, можно продать?

– Я думаю, что за семьдесят – восемьдесят золотых у вас ее купят. Могу подыскать вам клиента.

– Уах, штож ты, жиденок, уважаемых лудей абманываешь... а? – распахнулось окошко ломбарда, и в нем показался старый чечен, который нам менял золото на монеты.

Фима аж подпрыгнул.

– Это... это... это почему я обманываю? – начал он оправдываться, заикаясь.

– Ээ. Сейчас выду, да! Пакажи шлуп, уважаемый. Я его сам куплю! Сейчас, – обратился ко мне старый чечен.

Кряхтя и лопоча что-то на своем языке, очень не по-доброму косясь на Фиму, старик вышел из ломбарда, периодически повторяя «шайтан». За ним молча и словно тень проследовал не отставая тот самый детина с «калашом».

– Умар, пасматри, – сказал старик детине, указав на шлюп.

После недолгого осмотра детина вылез и поднял большой палец вверх.

– Сто двадцат дам за шлуп... сейчас, касса сдал, болше нэт. Завтра еще дам тридцать.

– Это нормальная цена? – спросил я как бы сам себя вслух, пребывая в некой растерянности от быстро разворачивающихся событий.

– Это хорошая цена, – без малейшего акцента сказал детина, – мы таких уже пять штук купили, если есть еще, то еще купим. На шлюпах хорошо грузы возить и мотор и парус можно поставить.

– Тогда по рукам.

– Вот, здэс сто двадцать, – сказал старик, протягивая мне увесистый тряпочный мешочек, – завтра старшему охрана скажеш, что мнэ продал шлуп, я отдам еще тридцать.

Старик с детинкой удалились обратно к себе, а я, выдав Фиме 7 золотых задатка и плюс еще один для скорости, отправил договариваться насчет топливных баков, ну и бочек заодно.

Мы сразу повытаскивали со шлюпа все, что там лежало, и сели в кубрике есть пирожки, запивая молоком.

– Что-то мы с тобой нахватили и ртом и жопой, – засмеялся вдруг Иваныч, – как мы это все попрем теперь?

– Нормально, – ответил я, тоже посмеявшись, – что баки, что бочки легкие... все ж не танкер какой, на воде сами держаться будут.

– Ну, тоже верно, значит, завтра будем вязать все для буксировки.

– Да баки и часть бочек можно и на «Мандарин» затащить, остальное на буксир.

– Хорошо. Темнеет, давай в отбой, завтра еще дел куча.

После волны. День 85-й

Проснулись под кукареканье петухов со стороны Лесного. Иваныч, кряхтя и тихонько матерясь, вылез из переднего люка и прокричал:

– Эй, служба, а где у вас тут туалет типа сортир. А? – продолжая стоять на трапе и переминаться с ноги на ногу. – Ага, понял, спасибо.

Иваныч потрусил куда-то в сторону строящихся пирсов. Я проследил за ним взглядом и решил последовать его примеру.

В одиннадцать часов, когда мы уже привели себя в порядок, успели завершить сделку со старым чеченом и получить еще тридцать золотых, на пирс, громыхая, въехала телега, груженная четырьмя емкостями из легко-сплавного авиационного материала.

– Это вы Сергей и Иван? – спросил «водитель кобылы», а заодно и хозяин пункта приема металлов.

– Да, сюда давай, – махнул я ему рукой.

Мы, не особо напрягаясь, загрузили хоть и большие, но легкие емкости на «Мандарин», закрепив по две штуки по бортам.

– С вас тридцать три золотых, помимо 7 залоговых, которые я уже получил, ну и 10 серебром за доставку.

Рассчитавшись, мы распрощались. И минут через десять Иваныч только и успел перекурить на лавочке у ломбарда, на пирс примчался на велосипеде Фима, с опаской поглядывая в сторону старого чечена.

– Доброе утго, бочки пгивезут к обеду, только надо договогиться с охганой, они много места на пигсе займут.

– Хорошо, договоримся. Сколько за твои услуги?

– Вы мне уже уплатили один золотой, – ответил Фима и снова покосился в сторону ломбарда.

– Ладно, вот тебе еще девять золотых, рассчитаешься с продавцом бочек и за доставку, здесь составите, – указал я рукой на место вдоль борта «Мандарина», – а с охраной я сейчас договорюсь.

Фима укатил сияющий, как начищенный самовар, а я поговорил со вчерашним Сашкой из погранцов, чтобы дали добро поставить бочки у «Мандарина», ну и естественно, их охрана. Доплатил десять серебром.

– Ну что, Иваныч, к Араику? Завтракать.

– А пойдём, – согласился Иваныч.

Карабин и МРку оставили на «Мандарине», служба у погранцов вроде налажена хорошо, можно не волноваться. Пройдя торговые палатки, вышли на пятачок к складу, где сидела уже другая женщина. Видно, посменная у них работа. Вчерашний дедок сидел на том же месте, увидев нас, он сделал вид, что дремлет.

– Дедуля, свободно «такси»-то? – спросил я улыбаясь.

– А, сынки, доброго утречка. Куда ехать?

– А сколько до Араика возьмешь?

– Это у сельпо, что ль?

– Ага.

– Эм... – замялся дед, – две монеты серебром.

– Ты смотри, Серый, просто праздник какой-то! Это мы, наверное, сейчас в акции какой-то участвуем, ага... «скидки кинутым один раз клиентам».

– Ох... простите, сынки, простите, бес попутал.

– Да ладно, дед, мы не в обиде, поехали, – Иваныч похлопал по плечу «престарелого бомбилу».

В кафе у Араика был всего один посетитель – важного вида толстяк лет пятидесяти, явно какой-то бывший чинуша. Он сидел за стойкой и задумчиво уплетал олады с чаем.

Араик суетился около непонятной конструкции – нечто среднее между мангалом, варочной печью и барбекю.

– Доброе утро, Араик, – сказал я, проходя под навес.

– А! Сергей-джан, проходи, дарагой, друга своего приглашай, аладышка горячий сейчас подам.

Араик, как всегда, смахнул полотенцем чистый стол и пригласил нас садиться.

– Уважаемый, что-то еще будэш кушать? – обратился Араик к толстяку у стойки, на что тот отрицательно помотал головой.

На столе появилась тарелка с горячими оладьями, небольшая баночка со сметаной, чайник и три чашки.

– Тут нэмногo совсэм заварки, в основном травы. Заварка тоже дэфсыт, но я придумал свой пирапорсия, очень вкусно... попробуй, дарагой, – сказал Араик, разливая по чашкам ароматный напиток.

Я попробовал. Отдавало смородиной, мятой и еще чем-то сладким, никак не мог угадать.

– Хорошо получилось, – похвалил я Араика, – ну хватит суетиться, посетителей все равно пока нет... Рассказывай, как волну пережил, как тут очутился. И где, кстати, дочка твоя?

– Ох, Сергей-джан, вот тут и Маринэ, и волна, и как сюда выбрался, – ответил Араик, запустив пятерню в абсолютно седую кучерявую шевелюру, – нэт болше ничего, толко я, и то, что на сэрдце. Но раз Бог оставил мнэ жит, значит, нада жит, Сергей-джан. Сколко смогу, жит буду, дэло дэлат буду, вот могу вкусно еду дэлат...

Араик утер навернувшиеся было слезы и продолжил:

– Мы уже домой собиралис, ночная смена приехал. Маринэ в машине меня ждала. Как затрясло кругом, весь пасуда кругом падала, мебель падала... печка... баллон пропан... Вай страшна было, Сергей-джан... Я Маринэ крикнул машине сидет, сам все давай деэржат, баллоны с газом атключать... потом как все поехало... поехало... и успокоилось. Я Марине сказал ехать домой к маме, сам остался все убират, порядки наводит. Потом как зашумит и... Бах! – ударил Араик ладонью по столу. – Все... нэ помню, что дальше. В сэбя пришел... лежу на полу в кухня, ай нет... на потолке кухня лежу, все тармашка вверх, кругом бэспорядок, вода и кров... моя кров, вот, – Араик задрал рубаху и показал длинный шрам от ключицы до подвздошной кости, – как голова нэ оторвалса, нэ знаю, болела сильна. Вылез еле как, кругом тэмно, савсем тэмно, думал, ослэп, потом чуть-чуть видно стало кругом, дэревя-шмерэвья, гиряз... и опят плохо мнэ стало, сознание патерал. В сэбя опят пришел, солнце светит, сильно очень светит, жарко. Походил кругом, людей звал, Маринэ звал... никто нэ отвечал... И я пошел... просто пошел и все. Долго шел, сутки шел, пить сильно хотел... потом ручей нашел, попил и уснул. А потом мэня Коля нашел, он везде что-то искал, его Аслан послал. Привел он меня сюда, нэмногo у Аслана жил, еду готовил. А потом подумал и сам решил жить, свое дело опят начинать... люди всегда кушать хотят. На обмен дагаварилса с Асланом, попросил у него людей и четыре лошади, сходить туда, где контейнер кухни остался. За два баллон пропана Аслан согласился. Два дня место искали, все-таки нашли. Забрал еду, пасуда... все что смог и сюда привез. Потом еще сторговалса и попросил еще туда съездить, за два раза все привез. Сюда привез, тут магазин был, люди, который нэ местный, много здес оказалос... голодный были все сильна и злые очен... и тут все грабили в магазине... Все сломали и бросили так... Вот я сходил к Аслану, спросил этот целый палавина себе забрат, он разрешил. Нанял тут хороший плотник, за вино он мне помог тут все немного построить. Тепло, много стен не надо, только крыша нада. Раз-раз и сделали. Немного поломанный половина магазина разобрал, немного у Аслана менял... материал был, быстра построил. Печка сам положил, кирпич вон многа собрал, глина песок замесил. Раз-раз и все. Уже болше месяц работаю. Уже хорошо, немного успокоился и живу.

– Да, ты прав, Аслан, надо продолжать жить, ты все правильно делаешь, – сказал я, допивая чай.

– А ты как спасалса, Сергей-джан?

– Да у меня примерно такая же история, Араик, я так думаю, у всех она одинаковая, за небольшой разницей в деталях.

– А ты тут живеш?

- Нет, я в Сахарном так и живу, теперь это остров.
- Как остров? Зачем остров? Сюда переезжай, Сергей-джан, тут много людей.
- Я не очень люблю, когда много людей, тем более когда много очень разных.
- Может, да, может, и прав ты, – кивнул Араик, – так у тебя, значит, лодка есть?
- Есть.

– Хорошо, лодка сейчас важно. Я два дня назад все дэнги почти отдал, торговца жду из Лунево, товар привезет, чай-кофе обещал.

- Ну значит, в следующий раз уже будешь кофе меня поить?
- Канэшна, дарагой.

Проговорили мы еще минут сорок, пока не появились несколько клиентов. Попрощались с Араиком, естественно, пообещав, что в следующее посещение Лесного обязательно зайдем в гости.

– Ну что, Иваныч, есть предложение прогуляться в оружейную лавку, а потом к Аслану сходим, есть мысль одна.

- Ну пошли. А что за мысль-то?
- Идем, по дороге расскажу.

Прогулочным шагом мы направились к котельной, наблюдая, как в поселке нарастает будничная суета. Кто-то, волоча перед собой тачку с различным барахлом, спешит на базар занять пока еще свободные места, кто-то всем семейством копошится в огороде. Мы Иванычем даже немного выделялись из всего этого сообщества выживших, мы никуда не спешили.

– Иваныч, вот ты когда с Дениской и Андреем подшивки журналов старых читал, ничего не отложилось в голове? – спросил я, переступая через коровью «лепешку».

- Ну... там всякие изобретения прошлого века, статьи про технику.
- А раздел «Моделирование» тебе о чем-нибудь говорит?

– Хм, – на секунду задумался Иваныч. – Точно! Там же модели судов были... И современные, и парусники старые, и самое главное, в масштабе и в виде точных копий.

- Наконец-то! – улыбнулся я.
- Так ты на эту тему хочешь с Асланом поговорить?
- Да.

– Ну вариант, в принципе. Только я тебе так скажу, только не подумай, что я жлоб, – улыбнулся Иваныч, – в теперешнее время знания, источники знаний, хранители знаний, а самое главное те, кто может эти знания применить – можно сказать, самое ценное в этом новом мире. И было бы глупо просто так эти знания отдавать. Не хочу ничего плохого говорить и думать об Аслане, учитывая, что Лесной в том виде, в каком он сейчас, это сто процентов его заслуга, но люди остались людьми, после катастрофы не прозрели, не постигли каких-нибудь «космических истин»... Понимаешь, о чем я?

– Вполне. Я тоже об этом думаю. Но понимаешь, в чем дело, не факт, что точно такие же журналы не хранились у кого-то и в Лесном на пыльном чердаке. И не факт, что, например, завтра или прямо сейчас кто-то не отнесет их к Аслану или еще кому, кто в состоянии заняться строительством корабля.

- И такой вариант вполне возможен...
- И какая необходимость нам как «собака на сене» держать эту информацию?

– Ну при таком раскладе, конечно, смысла большого нет.

– Вот. А если мы придем, поговорим, озвучим намерения поделиться знаниями, вероятно, мы поймеем несколько положительных моментов... Каких именно, объяснять?

- Не надо, и так все понятно.
- Ну вот.

Так за разговором мы и дошли до ворот одного из домов, на воротах которого было аккуратно выведена свежей краской «Оружие и снаряжение». Мы вошли в открытую калитку и

оказались в небольшом дворе. Впритык к воротам стоял УАЗ-«Буханка» на «военных» номерах, судя по внешнему виду, вполне себе на ходу. Низким заборчиком двор был отделен от огорода, в котором работала женщина, что-то активно обрабатывая тяпкой. Из кирпичного дома с мансардой, которая немного съехала набок и теперь была подперта брусом, вышел мужчина, с какой-то вселенской печалью в глазах, вытирая тряпкой испачканные мокрой глиной руки. На вид 35–40 лет, среднего роста, атлетического телосложения. Не зашнурованные, выдавшие виды берцы, заношенные штаны от КЗСа и выцветший тельник. На лысой голове хэбэшная кепка, надета задом наперед, на манер берета. Можно было даже и не присматриваться к тату на плече с черепком, на фоне парашюта и крыльев летучей мыши и сразу понять, кто перед нами.

– О, привет, десантура, – улыбнувшись, сказал Иваныч.

– И вам привет. Что хотели? – не проявив никаких эмоций, ответил тот.

– Так тут на заборе... – Иваныч показал себе пальцем за спину.

– Аааа... Батя, выйди. К тебе пришли.

В дверях показался мужчина, явно пенсионного возраста. Он чуть прихрамывал, а его левая рука была как высохшая, которую он держал согнутой в локте.

– Вы оружием интересуетесь?

– Больше патронами.

– Ну пойдёмте. Леша, ты б помог матери.

– А печку чинить?

– Да после сделаем.

Пенсионер провел нас в сарай в дальнем углу огорода. Отопнув навесной замок и открыв скрипучую дверь, он пригласил нас войти.

– Ну я сразу скажу, оружия не особо много пока. Сын вот обещал договориться с кем-то в Лунево, тогда ассортимент получше будет. Пока из оружия могу предложить только вот «Сайгу», «Тигра» и два пистолета ПМ. Под 12-й калибр патроны все раскупили. Есть немного 16-й латунки, и всего по немногу... и 5,45 и 7,62 и 9 мм.

– А мелкашечный есть?

– Есть коробки полторы, совсем не ходовой патрон в последнее время. А своего «соболя» я еще лет пять назад продал.

– А откуда добро-то? Если не секрет.

– Ну как сказать... Что мой отец, что я, что сын мой... все боевые офицеры. А потом, знаете ли, охота... да в общем поднакопилось кое-что, – как-то стесняясь, ответил он, – я смекнул, что в ходу теперь товар такой будет, вот и решил на старости лет заняться, да и сын обещал подсобить. Слава богу, судьба распорядилась так, что погостить на недельку в отпуск заехал... тем и уберёгся. А невестка с внучкой сгинули...

– Сейчас все кого-то да оплакивают, но жизнь идет дальше.

– Правильно, я тоже так считаю.

– Почему 7,62 на 39? – спросил я, не обнаружив в сарае ничего связанного с патронами и оружием.

Сарай вообще был просторный и использовался как мастерская. Много заготовок не пойми чего. Длинный стол, рядом верстак, на котором были несколько станков – сверлильный, наждачный и какой-то пресс. У дальней стены стоял небольшой токарный станок.

– Один золотой за десяток.

– Мда, недешево.

– Согласен, но пока цена на них такая. Пограничники на пристанях золотой за пять штук просят, и в ломбарде такая же цена.

– Ясно, а 5,6 почему отдашь?

– А сколько 7,62 будете брать? – вопросом на вопрос ответил пенсионер.

– Ну сотню точно возьму.

– Хм... тогда если золотой добавишь, мелкашечные все отдам.

– Договорились.

Пенсионер кивнул, подошел к верстаку и выдвинул верхний ящик. Достал оттуда пять пачек 7,62 и положил на стол.

– Сейчас мелкашечные поищу.

После недолгих поисков по другим ящикам он достал уже изрядно помятую пачку патронов 5,6 и небольшой пакетик с ними же врассыпную.

– Вот, штук семьдесят, наверное, здесь всего.

– Вот деньги, – я отсчитал одиннадцать золотых и положил на верстак, мелкашечные передал Иванычу, а пачки с 7,62 сложил в большой подсумок своего пояса, – что-то у вас тут не по-торговому совсем все.

– Ну я ж так, только начал, так сказать. Сейчас вот сын с обозом съездит в Лунево к другу, там видно будет.

– Понятно. А ПМ сколько стоит?

– За семьдесят золотых монет отдам. Показать?

– Ясно, пока не надо. Ну, не будем вас отвлекать, пойдем мы.

– Ага, счастливо. И это... спасибо за покупку, как говорится, – улыбнулся пенсионер.

Мы вышли со двора «оружейной лавки» и направились к столярным цехам Аслана.

– Интересный дед, – сказал Иваныч, подкуривая.

– Ага, не удивлюсь, если у него в огороде зенитка какая-нибудь прикопана.

– Знаешь, что я подумал... Может, не идти вот так прям сразу к Аслану... а поговорить с Виктором для начала? Ну намекнуть, что есть у нас чертежи моделей масштабные, и что думаем кому бы предложить построить для нас по ним пробный вариант. И если это Аслана заинтересует, а что-то мне подсказывает, что очень заинтересует, то тогда он нас будет искать, а не мы его. Почувствуйте разницу, как говорится.

– Хм... мне нравится ход твоих мыслей, – похлопал я его по плечу, – а ты психолог.

– Я просто на флоте двадцать календарей прослужил, а это о-го-го какая школа психологии.

– Ну и какой придумаем «повод» припереться к Аслану в цеха в поисках Виктора?

– А есть повод, самый настоящий – у нас всего одна пила на циркулярный станок, вот и скажем, что ищем, мол.

– Вариант, – кивнул я.

С территории цехов доносился шум «кипящей» работы и пахло опилками. Мы подошли к воротам, у которых в небольшой недавно построенной беседке-будке сидел молодой парень из погранцов.

– Добрый день, – поприветствовал я новоиспеченного охранника.

– Добрый, вы по какому делу?

– Нам бы Савельева Виктора.

– Он на пристани выехал, материал повез, – погранец посмотрел на часы, – минут через сорок будет.

– Да мы тогда там его и застанем... Спасибо, – ответил я.

– Вот видишь, как все складывается. На пристанях спокойно переговорим без лишних ушей, – сказал Иваныч, когда мы отошли от лесопилки.

– Ну пойдем тогда по дороге, чтобы не разминуться.

Спустившись к пристаням, мы увидели, что на пирсе около «Мандарина» в два аккуратных ряда стояли наши бочки. Суеты вокруг пирсов только прибавилось, везде что-то активно пилили и колотили, несколько человек самодельной приспособой заколачивали сваи нового пирса. На первый взгляд казалось, что кругом бардак и неразбериха, но на самом деле это был вполне управляемый процесс. У одного из строящихся пирсов мы заметили Виктора, который своим громогласным басом руководил разгрузкой длинных бревен. Мы встретились глазами, и я помахал ему, приглашая подойти. Он заулыбался, кивнул, потом перекинулся парой слов с работягой и направился к нам.

– Привет, мужики, готовитесь отплывать? – спросил подошедший Виктор.

– Да, сейчас бочки погрузим и отходим.

– Так это ваш «крейсер»?

– Ага, – ответил Иваныч, закуривая, – бери выше, «линкор»!

– Да ладно, Иван Иваныч, шутить, посудина у вас и впрямь... обзавидуешься.

– Ну это Сереге завидовать надо, он его «выловил» у себя в Сахарном, и только благодаря ему меня нашел на архипелаге. Мы что хотели спросить-то... Вить, у нас на Сахарном есть пара станков, один из них циркулярный, и к нему всего одна пила... Разжиться бы еще одной, мы заплатим... а то решили попробовать небольшой корабль построить по масштабным чертежам из журналов, а наша пила уже еле пилит.

– Пила? Да не вопрос, под какой вал? Диаметр? Внешний диаметр?

– От 22 до 30 миллиметров по валу могу регулировать, а внешний до трехсот.

– Есть такие, погода... – Виктор выудил из нагрудного кармана комбинезона радиостанцию. – База, это Савельев... Борисыч там далеко?

– Дизель заправляет, – ответили ему.

– Ну будь ласков, дойди до него и дай рацию.

– Ща...

– Слушаю, Витя, – ответили через минуту.

– Борисыч, у нас в углу «челябинский калека» стоит уже два года, у него с ЗИПа круги еще не все растащили?

– Да нет, есть еще что-то.

– Я покупателей нашел, очень им надо... Родственники... понимаешь?

– Откуда у тебя родственники, кроме Лиды?

– А вот объявились, короче... Дуй к Аслану, спроси добро. Я жду.

– По пять золотых за круг, – ответили минут через пять.

– Ты что, охренел?

– Ну... это к Аслану.

– Ясно, – ответил Виктор и, сплюнув на землю, спросил у нас: – По пять за круг брать будете?

– Ну... у нас выбора-то нет, – ответил я, – два берем.

– Борисыч, пошли малого, путь принесет на пристань.

– Хорошо.

– Ну пойдем пока к Матвеевне, кваску хлебнем, знатный квас у нее, – сказал Виктор, приглашая нас к небольшому навесу с надписью «Закусочная».

Виктор заплатил три серебряные монеты за нас всех, и сухонькая старушка налила нам три кружки кваса, мы отошли за недавно сколоченный столик, и Виктор спросил:

– А что за корабль вы строить собрались?

– Да у Сереги на чердаке куча журналов, еще советских... так там есть пара моделей – точные копии парусников, с чертежами 1 к 25. Вот решили попробовать. Лес на острове есть, и дуб, и сосна, и кедр.

– Так у вас там что деревообрабатывающий цех, что ли?

– Нет, но как-нибудь попробуем... волной много деревьев повалило, только таскай и пили.

– Ясно, да просто Аслан все время только про то и говорит, что надо начинать строить корабли, а как, не знает.

– Так мы тоже не знаем, но попробуем, – ответил Иваныч.

Было заметно, что Виктор серьезно озадачился, и в его голове шел активный мыслительный процесс.

– Так а вы когда к нам в следующий раз?

– Ну думаем, скоро, есть у нас по дизтопливу тема... вот думаем, пару тонн на продажу привезти.

– Вот вы буржуи, – рассмеялся Виктор, – короче... привезете топливо, сразу к Аслану, он дорого купит все. А если бензин есть...

– Нет, с бензином туго, – ответил я, – литров двадцать есть, но надо же еще и бензопилу заправлять.

– Вот и нам скоро пилить станет нечем... Придется как в старые времена топорами да пилами двуручными.

На территорию пристаней вбежал парень лет двадцати, со свертком под мышкой, и начал активно кого-то искать. Виктор громко свистнул и махнул рукой парню.

– Вот, Борисыч сказал два круга принести.

– Ага, спасибо, малой. Телегу разгрузили, забирай и дуй за следующей партией, я пешком дойду.

– Понял, – кивнул парень, положил промасленный бумажный сверток на стол и убежал.

– Ну вот мужики, добро не мое, хозяйское... так что десять монет золотом с вас.

Я отсчитал десять монет, отдал Виктору и сказал:

– Ну, спасибо за квас, пора собираться, а то задержались мы уже, да и до жары хочется полпути пройти.

– Ну счастливо, братишки, в следующий раз когда придете, обязательно у Лиды останав-ливайтесь, и она и я будем рады принять вас.

– Спасибо, Вить, обязательно.

Загрузив шесть бочек в «Мандарин», а остальные связав линем и поскидывав в воду, мы тихонько отошли от пирса, предварительно расписавшись в журнале у старшего охраны. Когда мы вышли в акваторию Лесного, Иваныч сбавил ход и сказал:

– Может, к СРру прошвырнемся?

– За топливом?

– Да. Заодно и топливные баки испытаем есть на плавучесть.

– Ну давай, Свету только предупредим, волнуется, наверное, уже.

– Так пока все равно связи нет, далеко... к СРу подойдем, оттуда свяжемся.

– Хорошо, ну, ты «за рулем, ты и поворачивай», – вспомнил я старый анекдот.

Иваныч пару минут посмотрел на карту и прибавил газу.

Не дойдя пару километров до острова, на котором «скупал» СР Иваныча, сделал вызов:

– Сахарный, ответь Мандарину.

Практически сразу я получил ответ:

– Ну слава богу, где вы там провалились?

– Свет, ну до Лесного не добывает станция.

- Понятно... где вы?
- Сейчас зайдем на «остров Иваныча», топлива наберем и домой. У вас как?
- Нормально все, мальчишки скучают уже.
- Ну, к вечеру будем. Целую. Отбой связи.
- Целую...

СР нас встретил все так же, одиноко стоящим, половиной корпуса опершись на сопку. Порядка трех часов мы с Иванычем строили некое подобие катамарана, соединив четыре топливных бака каркасом из жердей. Веревки не осталось совсем, и у нас ушел еще час на то, чтобы распустить швартовочный канат на несколько линий, которыми крепили бочки на катамаране. Залили соляркой все бочки, 12 разместили на катамаране и 6 на «Мандарине», который, чувствуя нагрузку, отправился к дому, выпустив столб черного дыма.

– На пределе идем, полный газ давать не буду, на средней скорости пойдём, – сказал Иваныч, стоя у штурвала.

– Хорошо, – согласился я.

Домочадцы вышли нас встречать всем составом. Света тихонько стояла на берегу, мальчишки помогали нам швартоваться, а Бим носился как угорелый и звонко лаял от радости на весь остров. На разгрузку топлива ушел еще час. Катамаран еле пережил плавание, надо делать более надежную конструкцию, все герметично закрыть и сделать более надежный каркас, ну это в случае если мы баки под постройку подобия баржи будем приспособлять. После ужина раздал гостинцы, купленные в Лесном, Светлане и детям. Светлана сразу «построила» детей на предмет привести в порядок ногти, ну и нам с Иванычем предложила убрать «траурную окантовку».

Сели потом с Иванычем «подбить бабки», всего в валюте нового мира у нас после всех коммерческих операций было 109 монет золотом и 47 серебром. 1 золотая монета по цене равнялась 50 серебряным.

– Ну значит, нужно вывезти все из Васиного тайника, – сказала Светлана, сосредоточенно обрабатывая ноготь пилкой.

– Мы разве не все забрали, когда я за вами приезжал?

– Да у меня от радости и волнения тогда совсем из головы вылетело, а то золото, что я тебе дала... я этот сверток из тайника доставала посмотреть, да он так и остался со шмотками лежать.

– Однако, – крикнул Иваныч, – и сколько таких свертков там?

– Не знаю, еще один точно есть. И там еще коробки металлические какие-то.

– Какие коробки?

– А я знаю? Зеленые... тяжелые, – ответила Светлана, продолжая заниматься маникюром, – там еще лотки всякие... ну золото мыть.

– Понятно, – кивнул, улыбаясь, Иваныч.

– Ну значит, завтра на Васин остров ходим, – сказал, наливая себе еще горячего чая.

– Только вы мне картошки накопайте завтра, а потом плывите, а то у слабой женщины вот маникюр испортится, – лукаво улыбнулась Света, демонстрируя нам свои ногти.

– Хорошо, спасем твой маникюр, – кивнул я, улыбаясь.

– Ой, ладно, ребята, пойду я спать, утомил меня поход в Лесной.

– Да, есть такое дело, – согласился я.

После волны. День 86-й

После завтрака мы всем мужским коллективом отправились в огород. Мальчишки занимались прополкой, а мы с Иванычем накопили два мешка картошки, проредив пятую часть всей картофельной грядки. Рассыпав картошку сушиться, отправились на пирс, готовиться к выходу на Васин остров.

- С пирсом надо что-то делать, – констатировал Иваныч, – маловат и ненадежен.
- Ну мы подсмотрели, как в Лесном это делают, теперь можно и переделать.

Потом разобрали оба «катамарана», и старый из шлюпок, и тот, что притянули вчера. Все выволокли на берег, чтобы не мешалось. У пирса остались только «обшарпанный», еще одна шлюпка и «Мандарин».

- На этот двигатель есть кое-что в ЗИПе с СРа, топливный насос точно есть.

– Может, продадим его? И не надо будет возиться с ним, и запчасти расходовать, – предложил я.

– Ну это как посмотреть, так тоже, конечно, можно сделать. Только вот какой двигатель будем ставить на корабль, если получится договориться с Асланом?

- Блин, я про это и не подумал как-то.

– Вот, а я об этом уже второй день думаю. А «обшарпанного» со снятым движком можно как баржу использовать, ну или продать в конце концов.

- Да, согласен.

Иваныч проверил двигатель, и мы, сообщив по станции о своем выходе в море, взяли курс на Васин остров. Переход до места, где я высаживался с плота, занял около часа времени. Хорошо привязав бот у того же поваленного дерева, мы направились вверх сопки. К Васиной сторожке вышли примерно через два часа, предварительно поплутав, так как еле заметная тропа, по которой я ориентировался в прошлый раз, покрылась буйной растительностью. Вообще кустарник и трава в лесу стали гораздо плотнее, влажность и жара поспособствовали. Света объяснила нам, где искать тайник, и подойдя к сторожке со стороны поленницы, отодвинули от стены поросшее мхом бревно, под которым обнаружили небольшую яму, содержимое которой было плотно увязано в полиэтилен.

- Ну и что тут у запасливого Васи? – сказал я, разворачивая полиэтилен.

В тайнике было еще два подобных свертка, что отдала нам Светлана, но поменьше весом, деревянный лоток, сито, набор для чистки оружия в деревянной коробке и три цинка с патронами.

– Вот один из этих цинков Вася и обещал мне подарить, – сказал я, извлекая один из ящиков с маркировкой «7,62 ЛПС гж».

- Так это же винтовочные, – сказал Иваныч, – у нас нет такого ствола... к сожалению.

– У меня был, утоп где-то в районе дома, может, и откопается когда-нибудь, но то, что возможно будет использовать, сомневаюсь.

- Ну все равно, считай валюта. Три цинка, считай тысяча триста, с «хвостиком».

- «Хвостик» на двадцать патронов, а поганцы по золотому за пять штук просят.

Опустошили тайник, оставив в нем только приспособления для старательства, мы отправились обратно, так как дел запланировано много.

Вернувшись домой, мы сложили в подвале содержимое тайника и усадились за разработку нового каркаса для катамарана на поплавках из топливных баков. Потом до обеда провозились в мастерской, запустив электростанцию, – готовили крепления для бруса и металлического уголка. Также пришлось делать небольшие «латки» из алюминиевой кастрюли для нескольких отверстий, которые необходимо было закрыть для герметичности. После обеда, пережидая жару, принялись листать подписку «Моделист-конструктор», на предмет моделей кораблей. Наш с Иванычем пыл поубавился, когда мы обнаружили всего три более-менее подробных варианта. Все остальное не подходило... по разным причинам, но в основном из-за отсутствия точности в элементах конструкции. Потом из трех вариантов стали выбирать то, что на наш взгляд было возможно воспроизвести в условиях нового мира, и наш выбор пал на коч – старинное поморское парусно-гребное судно XI–XIX веков. Длина составляла 18 м, ширина 5 м, осадка 1,5 м.

– Ну... при условии, что Аслана заинтересует эта тема, то нам достаточно будет такого судна, – сказал Иваныч, закуривая.

– Достаточно для чего?

– Хороший вопрос. Я вот, кстати, тебя спросить хотел, а чем мы дальше заниматься будем, кроме фермерства и, возможно, торговли?

– Я немного думал об этом.

– И чего надумал?

– Я бы земли старого мира со счетов не списывал, на предмет поискать там что-то нужное, ну это как хобби, так сказать.

– Опасное хобби.

– Согласен. А вообще, неплохо было бы заняться... как это раньше называлось – экспедированием. Объявлений вон на рынке куча от желающих что-то куда-то доставить.

– Вариант, конечно, но нам для этого экипаж нужно подобрать. Что-то мне подсказывает, что до пиратства и маленьких морских баталий не так далеко по времени, я тебе уже говорил, люди не изменились, они все такие же.

– Это да. При таком раскладе нам и о безопасности надо более серьезно задуматься. Или переезжать в Лесной, или сюда людей подбирать адекватных. Впятером, точнее втроем, от более серьезного противника не отобьемся.

– Переезжать... нет, я еще один переезд не переживу, мы пока с СРм разобрались, чуть пупок не развязался. Уж лучше этот поселок заново отстроить. Там, кстати, на СРе еще есть чего забирать.

– Ну вот. Значит, еще одна задача нарисовалась – найти поселенцев.

– Ладно, жара спадает, идем строить катамаран... типа «баржа». Сейчас каркас сделаем, потом надо будет бревна распускать на доску и брус.

– Идем, – согласился я.

Нагрузив тачку заготовленными элементами конструкции и крепежным материалом, мы спустились к пирсу. Мальчишки помогли нам, перетаскав по одной шестиметровые, дубовые, 3 на 7 см заготовки для каркаса, которые еще нужно было скрепить в длину по две внахлест. Баки, то есть поплавки катамарана, сначала герметизировали, потом, скрепив их по два в линию, поставили параллельно, с расстоянием 3 метра. Все еще раз перепроверили и начали наживлять каркас. Через два часа все было готово, потом поместили элементы каркаса... и снова разобрали. Всю конструкцию мы собирали прямо на дороге выше пирса, и спихнуть в воду это «чудо инженерной мысли» было невозможно – мешал пирс. Перетаскали все элементы на пирс, а скрепленные уже основательно вдоль поплавки спустили на воду, после чего опять пошел процесс сборки, но гораздо быстрее, минут за сорок управились. К тому же мальчишки, перемещаясь вокруг нас на надувной лодке, подавая необходимые детали или поддерживая части конструкции, очень даже нам помогли. Затем мы вручили мальчишкам два ведра отработанного масла, которое мы слили с двигателей СРа, и озадачили их хорошенько пропитать весь каркас, а сами отправились на заготовку пиломатериала. К вечеру, когда необходимое количество досок и бруса было готово, мы уже валились с ног от усталости, и, по-быстрому поужинав, разошлись спать.

После волны. День 87-й

После завтрака нам пришлось менять планы. Проведя ревизию в мастерской на предмет гвоздей, саморезов и прочего крепежного материала, стало понятно – нужно идти в Лесной. Больше взять просто негде. Разве что на обратном пути опять завернуть на СР и поискать там что-нибудь подходящее. Детям опять поручили пропитку напиленных досок и бруса, а сами, заправив «Мандарин», вышли к Лесному. Планировали обернуться сегодня же, решили взять с собой сразу золото на обмен и еще одну шлюпку на продажу. Быстро накидали себе «план-

минимум»: купить разный крепеж, продать шляпку, обменять золото... и написать записку Лидии Васильевне. Была у меня кое-какая мысль по поводу переселенцев.

У Новых Пристаней мы были к обеду, заплатив за охрану бота, посетили ломбард. Итогом сделки стали 28 монет за золото и также 150 за шляпку. Быстро отправились на рынок и нашли там Фиму, который очень обрадовался нашему появлению. Поставили ему задачу – отыскать нам скобяные изделия, гвозди и вообще все, что с этим связано. Дали ему времени два часа, и отправились обедать к Араику, где и договорились встретиться с Фимой.

Араик нам очень обрадовался и накормил вкусной окрошкой, ничего другого в жару есть не хотелось. Мы заказали у него еще кувшин с квасом, и я принялся писать записку Лидии Васильевне:

«Здравствуйте, Лидия Васильевна, у нас очень мало времени было на пребывание в Лесном, поэтому заранее прошу прощения за то, что не зашли вас проведать. У нас с Иваном Ивановичем к вам просьба – если вам повстречаются в Лесном люди, из выживших, которые готовы к переселению на один из дальних островов, то есть на наш Сахарный, то мы готовы их принять. Есть, конечно, предпочтения – это должны быть адекватные люди. Если вас не затруднит, то побеседуйте с ними, возьмите их координаты. В следующий раз обязательно зайдем к вам в гости.

С уважением, Сергей и Иван».

Записку я попросил отнести Араика, на что он любезно согласился. Фима появился на горизонте примерно через полчаса, несясь и громыхая велосипедом по грунтовке от рынка.

– Вот, я нашел! – выпалил он с ходу, потряхивая толстым блокнотом, затем бесцеремонно налил себе из графина стакан кваса и залпом выпил.

– И что нашел?

– Гвозди есть, газный газмег, есть скобы кгепежные, вот смотрите, – он протянул мне блокнот.

В блокноте аккуратно в столбик был записан перечень крепежа, напротив стояли цены, к слову, «кусучие», но покупать надо было, и я проставил напротив заинтересовавших наименований количество того, что мы готовы купить.

– Фима, вот тебе один золотой, это и за твои услуги, и за доставку того, что я отметил на пирсе, к нашему боту. Помнишь его?

– Да, оганджевый такой, – сияя от радости, ответил Фима.

– Все, ноги в руки и вперед! У тебя не больше часа.

– Я все сде-ла-ю, – уже набирая скорость, на ходу ответил Фима.

Мы распрощались с Араиком, рассчитавшись за еду и попросив налить кваса в чистую бутылку, отправились на пристань, где я задержался у доски объявлений в торговых рядах, а Иваныч направился к боту. У доски объявлений, под небольшим навесом сидела абсолютно безвкусно накрашенная женщина, по виду так «кондуктор общественного транспорта... с бодуна», перед ней на деревянном ящичке лежало несколько журналов и тетрадей, на самом ящичке мелом было написано «справочная». То ли я ее в прошлый раз не заметил, то ли у нее был не рабочий день. Меня заинтересовало несколько объявлений, и я решил спросить, где найти людей, которые их подали.

– Здравствуйте, – поздоровался я с женщиной.

– Здравсти, – ответила женщина, не поднимая глаз, что-то стирая резинкой в журнале.

– Тут на доске есть несколько объявлений... мне надо найти их авторов. Не подскажете как?

– Значица так... Те, кто дают информацию, не платят ничего, те, кто ее хотят получить, платят два рубля серебром.

– Понятно, – ответил я, положив на стол две монеты, – мне вот авторов объявлений 14 и 43 бы найти.

– Щас... гляну, – ответила женщина и принялась листать толстый журнал, громко плюя на пальцы и медленно перелистывая страницы, – по четырнадцатому уже не действует, а по сорок третьему в школе ищите, Никитины фамилия.

– В какой школе?

– Оспади... ты откуда свалился-то? В нашей школе – «трехлетке», что за клубом. Там что-то навряд общезнания для не местных, ну и по округе уже лачуг понаделали... оборванцы.

– Понятно, спасибо.

– Да пожалыста... Слышь, ты только осторожно там у школы, всяких людей там полно, – сказала она мне вдогонку, подкуривая «беломорину».

Я кивнул и пошел к боту.

– Иваныч, есть семья молодая с ребенком, ищут, куда приткнуться. В объявлении вычитал.

– И где они? – спросил он, проверяя крепление кранцев по борту.

– Говорят, в школе местной, там общага для выживших, которые не из Лесного.

– Ну послать Фиму за ними, не обломится, он и так от нас за работу чаевых набрал на год вперед.

– Вариант. Ну сейчас приедет, отправим его.

Фима появился минут через сорок, сопровождая двух мужиков, один катил впереди себя тачку, второй вел велосипед Фимы, на раме которого были закреплены деревянные ящики. Нам было доставлено все согласно списку – и гвозди с саморезами и другая скобяная мелочевка. В целом порядка 100 кг груза, за который мы заплатили сто рублей золотом. Считай рубль за кило... Очень дорого, но выхода другого нет. Хотя теоретически можно построить кузницу и начать делать гвозди самим, Иваныч даже как-то говорил об этом, но это в далекой перспективе, а строить надо сейчас.

– Фима, есть еще одно дело к тебе.

– Сегодня я готов еще поглотать на вас, – довольно ответил Фима.

– Надо съездить в школу и найти там семью Никитиных, сообщишь, что по их объявлению, и что мы ждем их не более часа.

– Нет, нет, нет, – запричитал Фима, махая руками, – там, знаете ли, нехогоший гайон, – я боюсь там появляться.

– Что... боишься, что велик отберут хулиганы? – гоготнул Иваныч, стоя в проеме двери рубки.

– Велосипед, знаете ли, стоит денег, и здоговья у меня нет на непгитности.

– Что там, прямо совсем так страшно?

– Не безопасно, я бы сказал.

– Ясно. Свободен, – сказал я.

Фима уселся на велосипед и медленно поехал в сторону торговых рядов пристаней.

– Ну что, Иваныч, сходим сами?

– А что там в объявлении-то?

– Написано – «молодая семья из четырех человек, ищет место для проживания и работы»

– И все?

– Да.

– О как. Так, а если не захотят?

– Их право.

– Ну идем. Оружие брать?

– Обязательно.

Иваныч спрятал «марголина» сзади, за ремень, прикрыв рубахой, а я, подумав, что мне некуда прятать мою «артиллерию», так и остался в поясе и с обрезом в кобуре.

– О, наш «бомбила» свободен, – сказал Иваныч, указывая на телегу у складов.

– Сейчас враз «домчит», – улыбнулся я, – ну все не пешком вверх-вниз чапать.

Дед согласился везти нас к школе не менее чем за 4 монеты серебром. Мы расположились в телеге на матрасе, сев друг напротив друга и прислонившись спинами к низким бортам.

– Так, а что вы так пугаетесь школы-то этой? – спросил Иваныч, закуривая.

– Ох... чаго там только не случилось за крайние два месяца. И бились, и стрелялись. Аслан вроде попытался там порядки навести, а потом махнул рукой. Ну покамест там тихо, конечно, они сюда с фулюганством не лезут, а наши к ним.

– Так, а чем они вообще там занимаются?

– Ну кто чем, большинство на работах занято, на пристанях работают, али по хозяйству кому помочь нанимаются, кто по окрестностям ходит, собирают, что Господь с водой принес, – перекрестившись, ответил дед.

Я сидел и осматривался по сторонам, прямая улица, по которой мы ехали, перешла в другую «виляющую» и пошла на подъем в сопку, было видно, что это старая часть поселка – почерневшие от времени и покосившиеся срубы домов, в отдалении попало несколько барачков. Дед увидел, что я на них смотрю, и сказал:

– А здесь апосля войны всякие жили, вроде как на поселении... а потом всех на эту... как ее комсомольску стройку забрали... ага, БАМ строить, я сам чуть не поехал, да жинка не пустила. Ну а потом тута лагерь был пионерский... а когда коммунисты кончились, а демократы... тьху, прости Господи, начались, так и пионеров не стало... тута хто попало жил. И командировашныя всякия, и золотари с геологами... всяки люди жили. Ну а нонча... те, кого Господь помиловал, и поселилися. Все, сынки, дальше не поеду я. Вона школа уже за поворотом.

– Дед, ты подождал бы нас, не обидим деньгами.

– Деньги-то нонча хорошо, но шкура дороже... Ну да ладно, обожду покамест. Только я вон тудой отъеду, к старой ферме.

Мы направились по пыльной дороге вверх. Было видно некое подобие пришкольного стадиона, на котором теперь виднелось множество шалашей и прочих «строений». Люди в принципе обычные, для современных реалий, все чем-то заняты. В основном на глаза попадались женщины и дети. Мимо прошли и двое откровенных таких «быка», шли медленно, вразвалочку, заняв весь тротуар, дабы не создавать повода, мы с Иванычем сошли на дорогу... разошлись. Дошли вроде спокойно до школы, в воротах которой стояло несколько рослых мужиков. Оружия не было видно.

– Здорово, мужики, – сказал Иваныч.

– Здравей видали, что хотел? – спросил коренастый мужик, ковыряющий на коленках старый медный примус.

– Да мы по объявлению Никитиных пришли, как бы нам с ними пообщаться?

– Аааа, – протянул «мужик с примусом», – в кабинете географии у них угол вроде, как войдете направо, двенадцатый кабинет.

– Спасибо.

Мы прошли в здание, резкий запах «туалета в плацкарте» ударил в нос.

– Однако амбре, – сказал Иваныч и закурил.

Нашли нужный нам кабинет. Я толкнул дверь, запах «туалета в плацкарте» перемешался с запахом «привокзальной рыгаловки». Внутри бывшего класса были растянуты веревки со шторами и в разных вариациях выставлены шкафы, разбив все помещение класса на небольшие клетушечки. На нас уставилось порядка тридцати пар глаз.

– Кто Никитины здесь? – спросил я громко.

Кто-то тихонько толкнул меня в ногу...

– Я... я Верочка Никитина, – ответила стоящая рядом со мной девочка лет семи, худенькая, с огромными карими глазами и коротко стриженными русыми волосами.

То, что это девочка, я понял только по одетой на ней потускневшей зеленой юбочке.

– А где твои родители, Верочка? – спросил я ее, присев на корточки.

– Я здесь, – раздался женский голос из-за ближайшей шторы.

Я заглянул за штору... внутри «помещения» два на два метра стоял табурет, выполняющий роль стола, на котором была тарелка с жареной рыбой и какой-то зеленью, в углу два скамьяннх матраса, у стены на еще одном матрасе спал ребенок, явно младше Верочки, и рядом сидела женщина лет тридцати, что-то шила, относительно ее «соседей» она вполне сохранила внешний вид и не была похожа на бомжа.

– Вы объявление о переселении писали?

В глазах женщины вспыхнула не то что искра, а просто молния проскочила.

– Да, – ответила она, тихонько встав, чтобы не разбудить ребенка, и вышла к нам, – да, мы писали.

– Ну собирайтесь.

– Куда?

– Ну уж в явно лучшее место, чем этот «Метрополь», – ответил Иваныч.

Женщина пребывала не то что в сомнениях, а в каких-то раздумьях... секунд тридцать и потом ответила:

– Мой муж сейчас на пристанях работает. Мы его заберем? – спросила женщина немного подрагивающим голосом.

Было заметно, что она волнуется, а на глазах проблеснули наворачивающиеся слезы.

– Конечно, заберем, если он захочет.

– Захочет... только... – женщина снова замялась как-то и посмотрела на лысого парня, который, лежа на кровати с панцирной сеткой у стены напротив, делал вид, что читает журнал. На самом деле внимательно «грел уши», – только надо откупные заплатить...

– Чего? Что заплатить? У нас в России вообще-то, если мне память не изменяет, в 1861 году крепостное право отменили... если вы не в курсе, – сказал Иваныч. Было видно, что он уже заводится.

– Понимаете...

– Ни хрена не понимаю, или вы собираетесь, и мы идем, или мы уходим одни.

– Верочка, иди сюда, будем собираться.

Кровать скрипнула сеткой, лысый парень поднялся и вышел из класса.

– Верочка, быстрей, – было видно, что женщина занервничала.

Иваныч вышел в коридор вслед за парнем, достал сигарету и окрикнул его:

– Эй, зема, огонек есть, – сказал он, помахав рукой с сигаретой.

– О! А сигаретой угостишь? – оживился лысый парень.

– Да кури на здоровье, – ответил Иваныч, протянув ему открытую пачку.

Парень потянулся левой рукой за сигаретой, а Иваныч как-то плавно, но точно нанес короткий удар пальцами прямой ладони слева под нижнее ребро, в селезенку. Лысый как-то обмяк, зашатался, и Иваныч придерживая его за плечо, дал ему сползти по стене и вырубиться.

– Серега, минут пять у нас, – сказал он, заглянув в класс.

Женщина завернула спящего ребенка в куртку, я подхватил небольшой рюкзак, который она достала из-под кучи барахла, и надел на плечо, Верочка вцепилась в руку маме и мы направились к выходу.

Подойдя к выходу, я приоткрыл дверь, картина все та же, несколько мужиков гоняют домино за школьной партой, один с примусом возится, двое болтают о чем-то. Что-то мне подсказывает, что не дадут нам уйти.

– Иваныч, может, в обход уйдем, окно выставим и вылезем?

– Все равно засветимся, бегом придется.

– Ну тут два варианта, либо внаглую напролом, либо тихо в обход, пока не заметят, а там бегом до фермы.

– Давай в обход, пока есть возможность тихо уйти... – и только он это сказал, раздался звон стекла и на улицу проорали:

– Наезд, мужики!!! Держите двух пришлых с бабой!!!

– Твою ж мать!!! Оклемался укуроч... Отходим, Серый, по коридору... там в окно и вылезем, – крикнул Иваныч, доставая «марголина».

Мы побежали по коридору, дверь... я с ходу долбанул ее ногой, что она аж с петель слетела, люди в помещении класса музыки, насколько я понял из наличия портретов композиторов и пианино, напуганно притихли и не двигались. Подбежали к окну... Решетки.

– Иваныч, обратно! Мы тут в ловушке будем.

– Девку в класс пока, тут их встретим.

Я затолкал женщину и детей в класс и, на ходу взводя курки обреза, перебежал за колонну.

«Отдыхающие» на улице уже были в здании. Выглянув из-за колонны, я хорошо видел парня с «вертикалкой», который уверенно шагал в нашу сторону. До него 15 метров. Ба-бах! Картечь с одного ствола сложила пополам шагавшего... Ба-бах! Куда-то в сторону входа в школу, где двое думали, куда им бежать, одного задело... упал. Перелом, еще два картечи в стволы...

– Серега, перемещайся... не стреляй с одного места, – крикнул Иваныч, пристроившийся за кадушкой с каким-то фикусом у стены.

Я пробежал взглядом по окнам коридора, на одной решетка была распашная, и проушины под замок были замотаны проволокой.

– Иван, прикрой, я размотаю...

Перебежал к окну, дернул раму... сука... окно тысячу раз крашено и никогда не открывалось... Ба-бах! В окно высыпалось стекло, провел стволами по краям рамы, чтобы сбить осколки.

– Тащи их сюда, Иваныч, есть выход!!!

Вылез в окно, огляделся. На меня двое бегут, без оружия... Дураки, что ли? Ба-бах! Ба-бах! Перезарядка.

– Иваныч, мля, уснул!?

Через секунду из окна показались руки Иваныча, удерживающие Верочку. Я принял ребенка, задвинул за себя.

– Стой тут! Давай быстрее, Иваныч, пока свободно.

Еще один ребенок... женщина... Иваныч... Все, бегом! Мы бежали... Иваныч, подхватив на руки Верочку, впереди, Женщина с малышом на руках следом, и я с рюкзаком замыкал нашу группу, держа наготове оружие и периодически оглядываясь. От школы вслед за нами бежала группа людей, человек пять, с их стороны раздался выстрел, мы еще ускорились. До старой фермы, где нас должен был ждать дед, было метров четыреста.

– Догонят, – прошипел Иваныч, – бери девчонку, уходите. Я их успокою.

– Да ты охренел, Иваныч? Вон уже «тачанка» мчится, – сказал я и разрядил оба ствола в сторону преследователей, заставив их упасть на землю.

От полуразрушенного длинного одноэтажного здания фермы нам навстречу дед гнал «Машку» чуть ли не в карьер. Не доехав до нас метров семьдесят, дед увел телегу в разворот и вскоре остановился около нас.

– Сигайте, хлопцы! – прокричал он.

Бух! – раздалось со стороны школы...

– Бля! Больно-то как... – прошипел Иваныч.

Мы повалились кое-как в телегу.

– Н-но-о, Машка! Пошла, родимая.

Телега, громыхая и подскакивая на ухабах, понеслась под горку, преследователи, видя бесполезность погони, еще один раз выстрелили и отстали. Мимо нас и над нами ничего не пролетело, дистанция была порядка 300 метров, вероятно, стреляли какой-нибудь утиной дробью.

– Серега, мне в жопу дробью угодило.

Я посмотрел на филейную часть Иваныча. Две дырки точно... кровит...

– Ноги чувствуешь?

– Бля, я жопу чувствую!!! Что там?

– Ну кровит.

– Сильно?

– Ну хрен знает, как оно сильно или нет, два пятна красных на полухопице.

– Ладно... терпимо.

– Спасибо тебе, дед, выручил, – сказал я, спрыгивая с телеги рядом с въездом на пирсы.

– Ох... не знаю, сынки, чего меня вообще дернуло вас выручать, до сих пор коленки трясутся.

– Хороший ты человек потому что, – ответил Иваныч, морщась и сползая с телеги.

– Для вас-то да, мобыть и хороший, а вот «эти», – махнул он рукой себе за плечо, – наверняка злобу затаят. А мне ж тут жить еще. Эх... как быть-то теперь...

– Как звать-то? – спросил я нашего спасителя.

– Машкой звать... старая уже, а все силенок-то хватило для форсу.

– Да не кобылу, тебя как звать?

– А... так же как етого... писателя-то... Федор Михалыч я.

– Ну поехали с нами. Сахарная-то знаешь где?

– Так чего ж не знать, знаю. А разве не сгнула она?

– Осталось чуть-чуть. Остров там теперь, вот там мы и живем.

– Это, сынки, подумать надо... а Машку... хозяйство куда?

– Большое хозяйство-то?

– Ну коза, курей пара десятков. Огород же...

– Схоронился бы ты, Федор Михалыч, пока, а через несколько дней мы вернемся да заберемя тебя со всем твоим скарбом и хозяйством.

– Да стар я, сынки, уже куда-то переезжать, доживу как-нибудь... хоронясь-то.

– А все-таки подумай. Где найти тебя, если что?

– Так у складов и ищите или на Ленинской улице, что от котельной вверх, восьмой дом.

Ладно, бывайте, сынки, поеду я нервы успокаивать.

– Береги себя, Федор Михайлович.

– Да уж поберегусь как-нибудь, – дед отодвинул край соломы, которой была застелена телега, и нам показался приклад ружья.

– Ну веди, где мужик твой? – обратился я к женщине, проводив взглядом Федора Михайловича, он развернулся и выехал с пристаней. – А то хочется по-светлому вернуться домой.

Мы прошли к самому дальнему строящемуся пирсу, где порядка десяти мужиков трудились над заколачиванием свай, еще около десятка занимались разгрузкой пиломатериала с двух телег.

– Вон Саша, – сказала женщина, указав на парня в повязанной на голову красной футболке.

Мы подошли еще ближе, и парень нас заметил, оглянулся и направился к нам. Его кто-то окрикнул, но он, махнув рукой, продолжил движение.

– Алена, ты как здесь, вас отпустили? – спросил он, поцеловав и обняв жену.

– Эти люди... они по твоему объявлению, они вытащили нас, зовут с собой плыть. Саша, пожалуйста, поехали... я боюсь, я не могу больше здесь.

Парень посмотрел на меня и Иванаыча, у которого от поясницы до колена все шорты были в крови... потом снял с головы намотанную футболку и, вытерев ей пот, стекавший по лицу, ответил:

– Поехали.

– Никитин! Чего шкуру там трешь? Давай работать, – проорал белобрысый мужик «баскетбольного» телосложения.

– Без меня дальше.

– Это с какого такого перепуга? – спросил белобрысый, подойдя к нам.

Все остальные занятые на строительстве замедлили темп работы и внимательно следили за нами.

– Ты кем тут будешь? – спросил Иваныч, продемонстрировав рукоять пистолета за поясом.

– Так это... бригадир я тут.

– И много в твоей бригаде тех, чьи близкие находятся в заложниках в том гадюшнике в школе? – Иваныч говорил достаточно громко, чтобы проходивший мимо погранец остановился и начал слушать продолжение разговора.

Белобрысый заметно занервничал, оглянулся сначала на рабочих, которые уже вовсе прекратили свои занятия, и все смотрели на нас, потом мельком взглянул на любопытного погранца и ответил:

– Да что ты несешь? Спроси любого, здесь все по своему согласию.

– Так они и не скажут правды, пока знают, что их родные в школе под охраной, – ответил я.

Погранец махнул рукой кому-то, и через минуту около нас стоял старший охраны пристани, который потребовал объяснить, что происходит. Ну Иваныч ему и объяснил... в красках, не забыв продемонстрировать покрывшиеся кровью штаны, после чего белобрысого повели к Аслану, поведать об интересном «бригадном подряде». А мы погрузились на «Мандарин», я сбегал расписаться в журнале охраны об убытии, и уже через двадцать минут наш бот покидал акваторию Лесного.

– Да лежи ты смирно, Иваныч!

Бот шел на малой скорости, Иваныч лежал на палубе и матерился, как последний сапожник.

– Дети, закройте уши, – сказал я, выживая мультитулом следующую дробину.

Очередная матерная тирада заглушила работу движка «Мандарина». Полив обильно задницу Иваныча перекисью, наложил повязку.

– Ну, сидеть долго не сможешь.

– Не смертельно, – ответил Иваныч, закурив лежа на животе, – иди к штурвалу да газу прибавь, дотемна успеть надо.

Выставив рычаг скорости на максимум, я вывел «Мандарин» на уже знакомый мне курс.

Семейство Никитиных молча сидели в кубрике, и только Верочка периодически прибегала постоять со мной в рубке на несколько минут и подержать меня за руку.

До темноты все-таки не успели, пришлось связываться с островом и просить завести станцию и осветить Сахарный.

Швартовались уже в потемках, под тусклое освещение спаренных лампочек и прожектора на «Мандарине». Слава богу, дошли...

После волны. День 88-й

Проснулся засветло и отправился разжигать очаг, переступая через новых поселенцев. Разбудил Иваныча, которого уложили недалеко от мальчишек.

– Заголяйся давай, глянем, что там у тебя.

Иваныч послушно лег на живот.

– Ну что там? – спросил он.

– Что, что... три лишних дырки в заднице... Сейчас пойду в аптечку залезу, будешь пить антибиотики.

– Что, все так хреново?

– А я почему знаю, три дырки, две вроде просто как неглубокие раны, немного покраснение... а одна не нравится мне, кабы не нагноилась.

– Несите вашу аптечку, я осмотрю ранение, – сказала Алена, которая тоже проснулась.

– Да, сейчас, – ответил я, – эм... а вы врач?

– Да. Стоматолог.

Иваныч начал истерически гоготать так, что все проснулись.

– Простите... ааа... не могу... – опять засмеялся он, – все... больше не буду...

– Ты чего, Иваныч? – спросил я его.

– Стоматолог... ааааа... – опять в приступе смеха скорчился Иваныч.

И тут до всех дошло... Стоматолог... Ранение Иваныча в задницу... В общем, когда все просмеялись, я принес пластиковый чемоданчик – аптечку из бота. Алена стала перебирать упаковки и пакетики, читая названия. Достала несколько разных упаковок, одну вскрыла и протерла ватным шариком со спиртом руки.

– Сергей, вы все пули достали?

– Да, слава богу, это не пули были, а дробинки. Да, все. Потом обработал перекисью и перевязал.

Алена молча приступила к обработке раны, после заклеив каждую чем-то вроде пластырей.

– Ну как, доктор, жить-то буду?

– Обработала антисептическим раствором и асептическим пластырем закрыла. Все, ранение несерьезное. Три – четыре дня перевязок и заживет.

– Вот спасибо, значит, карьер мне не грозит?

– В этом месте точно не грозит, – нашлась что ответить Алена, и все снова засмеялись.

За завтраком повторили процедуру знакомства, а то вчера все уже ничего не соображали, устали и сразу завалились спать.

Алена, как уже стало известно, была врачом-стоматологом. Александр до волны был водителем на «скорой». Волна их застала в дороге – возвращались на своей машине из санатория, ехали в Находку. Путь решили сократить и поехали через заповедник. Под волну не попали, были на перевале. Когда все успокоилось, ехали, пока не кончилось горючее, потом шли пешком, ориентируясь по карте... заблудились. Нашли их на второй день, кто-то из местных, и привели в Лесной. Разместились в школе. Сначала вроде все нормально было, несчастье сплотило людей, помогали и поддерживали друг друга... а потом народ начал потихоньку звереть, от неустроенности, от отсутствия нормальной еды и из-за прочих лишений. Организовали что-то вроде общины, и стало еще хуже... Люди «с гнильцой» объединились очень быстро,

найдя возможность заставить работать других, а самим пожинать плоды своего руководства, поигрывая в домино. При попытке выяснить отношения Александр остался без поддержки... побили, конечно. Пригрозили проблемами жене и детям, которых поместили в группу таких же заложников. То есть суть такая – одни работают и отдают большую половину заработка «доминошникам», другие как гарант покорности и молчания работников пребывают в заложниках. А объявление Александр написал еще месяц назад, до того как угодил в «крепостные».

Дети – старшая Вера, младшая Ксения, 8 и 5 лет соответственно. Дети, в отличие от взрослых, быстро перезнакомились и уже нашли себе кучу развлечений под ответственным руководством Андрея.

Я кратко рассказал Алене и Александру историю острова Сахарный и вообще о том, как у нас тут все.

– Да, надо наконец решить, какой у нас тут строй... ну там первобытно-общинный или коммунистический, – хихикнул Иваныч, доставая из кружки ягоды смородины после выпитого чая.

– Да решится как-нибудь само, Иваныч, или ты в генсеки рвешься?

– Какой же из меня генсек, с простреленной-то задницей?

– Вот именно!

– Ладно, смех смехом, а ребятам устраиваться надо, что сами-то думаете? – спросила Светлана переселенцев.

– Ну... надо крышу на головой для начала, что вас-то стеснять, – ответил Александр.

– Крыша над головой это, конечно, хорошо, – вставил Иваныч, – но в силу обстоятельств, я, можно сказать, на больничном, а у нас были некоторые планы с Сергеем. Так что предлагаю – заселяйтесь пока в мои «апартаменты», вон там на сопке, а я на «Мандарине» пока поживу. Потому как надо катамаран доделывать и пирс расширять. Устроит такой вариант?

– Вполне, – кивнул Александр и спросил у жены: – Согласна?

– Всю жизнь мечтала о доме с видом на море, – улыбнулась она.

– Ну вот, временно вопрос жильем и решился, – радостно ответил Иваныч, – берите свои пожитки, и пойдём покажу, что у меня там и где.

Они ушли, а я подошел к Свете и спросил:

– И как тебе переселенцы?

– Люди как люди, Алена запуганная, конечно, какая-то.

– Ну немудрено, досталось им еще и после волны проблем. А дети, смотрю, как ни в чем не бывало, носятся.

– Я слышала от кого-то, что у детей защита какая-то психологическая на подобные вещи есть, и чем младше, тем лучше она работает.

– Наверное, – согласился я.

Алена осталась на развалинах устраиваться, а Иваныч с Александром вернулись, и мы отправились «колдовать» с катамараном. Пропитанные отработкой доски и брус уже просохли, и мы укрепили дополнительно обвязку поплавков, с помощью кусков труб, уголка и других железяк, растянув кабель от электростанции и запитав сварочный аппарат. Пришлось мудрить с буксирным устройством, сварили что-то вроде жесткой сцепки, которую можно было крепить с двух сторон баржи, из-за чего пришлось так же модернизировать и кнехты на «Мандарине». Затем принялись укладывать лаги и прибивать будущую палубу. После обеда работа была продолжена. Поужинали, Алена сделала перевязку Иванычу, и все разошлись спать.

После волны. День 89-й

На следующий день все занялись своими делами – детям до обеда поручили прополку и полив в огороде, Светлана с Аленой занялись ремонтом и пошивом одежды, а мы втроем отправились к пирсу.

К обеду наша постройка уже имела почти законченный вид, оставалось пропустить по периметру толстый канат и закрепить на стойках, которые мы сделали из бруса и установили на расстоянии метр друг от друга, подперев укосинами. Еще предстояло спереди и сзади сделать два откидных трапа, длиной три и шириной два метра – Иванныча идея, теперь катамаран можно было использовать и как плавающий пирс. После обеда потренировались потаскать «Мандарином» новый катамаран, сделали несколько кругов по проливу, причем Иванныч находился на катамаране в это время и, периодически свешиваясь с палубы, заглядывал на поплавки. И там посмотрел, и сям, что-то руками везде пытался дергать и отрывать, затем встал на носу с довольной физиономией и передал по рации, что можно причаливать. Пришвартовавшись, занялись «механизацией», то есть через различные блоки и тали, которых на СРе было достаточно, сделали механизмы поднимания и опускания трапов, также к выведенным выше палубы нескольким самодельным проушинам, приваренным к элементам обвязки, прикрепили различный такелаж и уложили несколько разных линий, тросов и канатов. В принципе, баржа была готова... только возить на ней пока нечего. После ужина Иванныч предложил сходить с баржой к СРу и поснимать там различные негабаритные железяки, а также с помощью бензореза разобрать элементы мачт, трубопроводов и вентиляции. А потом он, просидев с сигаретой и что-то упорно считая в тетрадке, бубня себе под нос, больше часа, положил на стол тетрадный лист с небольшой табличкой.

– Вот! Теоретически шесть с половиной тонн можно нагрузить, но надо проверять. И придумать, что с определением крена при нагрузке. Можно сделать что-то вроде поплавков с отметками по бортам, на носу и корме, то есть какой выше выскочит, туда и крен.

– Шесть с половиной тонн... немало в принципе. Можно все топливо выбрать с СРа и им для начала расторговаться, только вот возить его емкостей нет. У нас все под пробку.

– А там еще много? – поинтересовался Александр.

– Да тонн пятнадцать еще примерно есть. О! Да еще же надо поискать траулер этих... «сынков», – сказал Иванныч.

– Да, они вроде говорили, что топливом приторговывают, – ответил я.

– А сколько сейчас всего у нас на острове запас топлива?

– Сейчас... Серег, а подай наш «гроссбух» из тумбочки, я вроде записывал... Ага, вот есть – 17,5 тонны.

– Хм, – задумался Александр, – что-то количество бочек не соответствует цифре.

– Молодец! – подмигнул Иванныч. – Сразу видно, что шофер профи... Топливо считать умеешь. Есть у нас еще две емкости – ямы в земле, десять тонн там.

– А, теперь понятно. Ну вот, и оставить пока эти десять как «стратегический запас», а бочками и возить, раз нет пока других емкостей.

– Ну да, вариант, – согласился я, – а там, может, и еще бочек где прикупим или емкость какую.

– Ну, значит, план чуть изменим, – сказал Иванныч, – сначала грузимся бочками и идем в Лесной, а потом на СР, сливать топливо и разбирать железяки.

– Справитесь тут сами? – спросил я у Светланы.

– Справимся? – переспросила Света Алену.

– Конечно, – закивала та в ответ, было заметно, что девушки нашли общий язык.

– Ну вот и хорошо, с рассветом и выходим, а я пойду подготовлю бот и спать, – сказал Иванныч.

После волны. День 90-й

Выйти с рассветом не получилось, задержались с погрузкой примерно на три часа, закатали на баржу тридцать бочек и потом «играли в тетрис» в процессе их закрепления и выравнивания крена.

– Ничего, сейчас один раз сделаем и будет понятно, сколько и куда, – важно приговаривал Иваныч, руководя погрузкой... у него же больничный.

Баржа значительно просела, баки-поплавки скрылись под водой на три четверти. Обошли на резиновой лодке вокруг, приглядываясь, не пузырит ли наша герметизация, все было в норме.

Еще раз все перепроверили, крепление груза, инструмент, паек на двое суток, оружие и снаряжение. Иваныч на «Мандарине» аккуратно задним ходом подвел кормовой кнехт под буксирную раму, и мы зацепили баржу. Потом потренировались ее быстро отцеплять, выбив кувалдой «палец» из проушины модернизированного кнехта, а то вдруг баржа утонуть захочет, так вот чтоб нас с собой не утянула. В общем, после всех проверок и подготовок мы наконец отшвартовались. Женщины и дети стояли на берегу и махали нам.

«Мандарину», конечно, было тяжело, очень тяжело. Шли на среднем ходу, и Иваныч постоянно проверял температуру и уровень масла. После установки турбины «Мандарин» вполне уверенно выдавал порядка одиннадцати узлов, но это без нагрузки, сейчас шли на шести-семи узлах, то есть около 10 кмчас.

– Жару в море застанем, – сказал Иваныч, закуривая, и посмотрел на часы.

– Ну, может, успеем не в самое пекло попасть.

– Может, и успеем. Ближе к Лесному проверим, как нагрузку держит, сейчас не будем рисковать.

Как и предполагалось, в Лесном мы швартовались почти в самый разгар обеденной жары. Иваныч развернулся на 180 градусов и аккуратно сдал к свободному месту у пирса. Мы с Александром переместились на баржу, закрепили поданные с пирса (сервис-то теперь какой) швартовые и откинули погрузочный трап. На пристанях суеты не было. Работа продолжалась и бурлила.

Я окинул взглядом небольшую площадку перед торговыми рядами, которые значительно разрослись... народу прибавилось, и, несмотря на жару, торговая жизнь кипела. Да и у пирсов «флота» прибавилось – несколько небольших плотов, полтора десятка шлюпок, пара аналогов «обшарпанного» и один самый настоящий морской буксир, правда, он держался на воде с очень большим креном на правый борт, и стоял он не у пирса, а был с помощью двух тракторов немного вытасен на отмель. Вокруг него суетились люди на шлюпках и по палубе бегали с инструментом – явно занимались его ремонтом.

Заплатили за охрану и заодно поинтересовались, есть ли на пристанях «торговый представитель» Аслана. На что нам ответили, чтобы обращались в ломбард, мол, это и есть люди Аслана. Ну что ж, направились в ломбард, поздоровались со старым чеченом и его «тенью».

– Солярку привезли, есть спрос?

– Да, брат, на топливо всегда есть спрос.

– И по какой цене шесть тонн заберешь?

– Сейчас, – старик что-то проговорил Умару на своем, тот ответил, потом по рации еще перекинулся с кем-то парой фраз. Старик, вероятно, услышал, что ответили по рации, и сказал:

– Триста за тона, сейчас бочка приедет.

Мы с Иванычем переглянулись.

– Нэкто здэсь дороже нэ купит, – сказал старик, видя нашу реакцию, – тэм более так много сразу.

– Понятно, а сколько, так сказать, в розницу здесь топливо стоит?

– Разный цена, восемьсот самый дорогой.

– Ну... опт так опт, – согласился я, – вон баржа, к ней пусть бочка подъезжает.

– Зачем подъезжать... шланги тут, помпа, перекачаем.

– Наше присутствие нужно?

– Если вэриш мнэ... не нужна.

– Ну, пока верим, – сказал Иваныч и закурил.

– Вот хорошо тогда, – кивнул чечен и протянул мне половину тетрадного листа и ручку, – на, пиши сколка привез, сколка денег палучил... Имя напиши, и откуда.

– Это что?

– Договор... Сумма большой... понимаешь?

– Ясно.

Чиркнув несколько фраз, мол, привез 6 тонн, деньги в сумме 1800 золотом получил, и, подписавшись «Сергей, о. Сахарный», передал листок старику. Он его прочитал и передал Умару. Умар тоже прочитал, взял ручку и написал пару строк в своей части и вернул старику.

– Читай, став день и подпис.

Я прочитал часть, написанную Умаром, – «принято 6 тонн, выдано 1800 рублей золотом. Семья Чекоевых, Умар, пос. Лесной». Ну вроде все верно, поставил дату «День 90-й после волны» и расписался. После чего старик нагнулся к небольшому железному ящику, погромыхал замком и начал выкладывать на стол увесистые мешочки – 18 штук, по 100 золотых в каждом.

– Пачти шестнадцат килограмм... носить с собой будэш? Остав тут, расписку дам тебе, будешь уходить, забэрешь. За такую торговлю процент за хранение брать нэ буду.

– Договорились, – сказал я, забрал со стола четыре мешочка, а на остальные указал, чтоб убирали.

Взамен получил еще одну расписку, в которой говорилось, что семья Чекоевых приняла на хранение 1400 рублей золотом.

– Да уж... Развернулось тут семейство Аслана, – сказал Иваныч, когда мы вернулись на бот, чтобы собрать вещи и прогуляться, сначала на рынок, потом к Лидии Васильевне.

– Насколько я знаю, они и до волны тут неплохо жили, и уважали их, несмотря на то, что чечены. У Аслана правда братец был младший, вот тот да, «жук» еще тот... рассказывал мне Вася про него, да и встречаться мельком приходилось.

– Понятно. А вообще я думаю, у Лесного неплохая перспектива из таежного поселка превратиться в эдакий купеческий городок-порт.

– Вполне, – согласился я, – народу-то прилично тут прибавилось, даже за последние несколько дней, на пристани вон скоро не приткнуться будет.

– Я заметил. Ну что, готовы? Идем?

– Я тут останусь, можно? – спросил Саша.

– А чего так?

– Не хочется мне встречаться тут с «некоторыми».

– Вот те раз! У нас с Серегой поводов не встречаться с этими «некоторыми» гораздо больше, так что нечего!

– И что, опять в драку лезть, если что?

– Ну уж задницу-то я теперь точно никому под пули не подставлю.

– У меня дети, понимаете?

– Понимаю, – ответил я, – и у нас дети, плюс твои дети и, возможно, еще кто-то. И ты пойми, от подлости никто не застрахован... Мало ли что вообще может случиться с любым из нас, но мы теперь одна семья. Будешь бояться каждого урода, тебя твои же дети уважать и перестанут.

– На, держи, – вручил Иваныч МРку и жменю патронов Александру и подмигнул, – пользоваться умеешь?

– Умею, – вздохнул тот и весьма умело затолкал четыре патрона в трубочатый магазин.

– Ну вот и нечего, – хлопнул его по плечу Иваныч.

Когда мы втроем вышли на площадку складов пристаней, нам навстречу попался Кам АЗ-топливозапращик.

– Ну вот, оперативно, – кивнул в сторону машины Иваныч. Федора Михайловича на привычном месте не обнаружили.
– Надо бы наведаться, не случилось бы чего.
– Встретим Фиму, его и пошлем разузнать. Кстати, что нам от Фимы на этот раз надо?
– Вопрос по емкостям опять поднять, – ответил я, поправляя кусок белой хб ткани под бейсболкой, расправив ткань по шее и плечам, чтобы не сожгло солнцем, – и вообще у меня на Фиму планы.

– О как, а он про это знает? – усмехнулся Иваныч. – И что за планы?
– Есть мысль его на работу взять и сделать представителем Сахарного. Слышал? Солярка самая дорогая по восемьсот, мы оптом продали за триста. Дальше рассказывать?
– Хочешь здесь его торговать соляркой посадить?
– А почему нет, ну если он захочет, конечно.
– Этот-то? Захочет! Лучше, чем задницу на велосипеде по кочкам набивать.
– Ну вот, – заметил я, разведя руками.

Мы топали вверх, выбивая пыль из дороги. Навстречу нам и в обратную сторону попадались люди, группы людей, гужевого транспорт и изредка проносились, пыля, грузовики.

– А что, только соляркой? – поинтересовался до этого молчавший Саша.
– Ну почему же, можно взять выше... ну вроде как представительство «общины о. Сахарный».

– Звучит, – сказал Иваныч, сморщившись, – давайте перекурим, мужики, постоим, а то задница отваливается.

– Давай.

Мы отошли в сторону и присели на одно из бревен, которых вдоль недавно расширенной и прорубленной просеки лежало в избытке... Иваныч остался стоять..

– Тю... чего, робятки, запыхались? Ну сигайте, довезу за спасибо, все равно домой еду. Жарко уже... надоть обождать в тени.

– Федор Михалыч! А мы даже разволновались, когда тебя у пристаней не нашли, думали, не случилось ли чего, – ответил я, обрадовавшись.

– Так чего со мной сделается акромья трипперу, – усмехнулся дед в усы и взглядом указал на телегу.

Мы погрузились, и попросили довезти до рынка.

– Ну как тут, Михалыч, после наших приключений?

– А никак! Тихо, как будто и не произошло ничего. Говорили вроде, что к школе посылали сурьезных ребятишек... ну навродь как поговорить с тамошними, ну чтоб не фулюганили. А как там... что там, бес их знает.

– Ясно, – кивнул Иваныч, – видишь, Санек, нет никому интереса до мутных дел твоих этих... «некоторых»

– Вот это меня и беспокоит, – ответил он.

– Ладно, расслабься, проблемы будем решать по мере их поступления, – ответил Иваныч, разминая очередную сигарету.

Машка фыркнула и телега остановилась.

– Приехали, сынки, слазтя.

– Спасибо, Федор Михалыч.

– Будтя здоровы, сынки, – ответил дед и, хлестнув кобылу поводьями по спине, поехал прочь.

На рынке мы сразу направились к небольшому навесу с вывеской «Квас».

– Кваску нальешь, хозяин? Холодный?

– А тож, зря что ли яму тут копал под погреб, – ответил рыжебородый мужичок.

- Три кружки нам.
- Ну тогда серебром целковый и полушка.
- Мы переглянулись....
- Это как? Мне его пилить, что ли?
- А давай два, я тебе перекушу.

Я положил 2 серебряных монеты на аккуратно подогнанные доски столешницы прилавка, и стал наблюдать за действиями продавца. Тот уже привычным жестом «откусил» еще «совковыми» клещами половину монеты и вернул мне.

– Вот так, – сказал Иваныч, – одно радуется, что с нас не золотой взяли, а серебро перекусывают, значит, инфляция нам пока не грозит.

- Ага, – согласно кивнул я, – как не приедешь сюда, так какие-нибудь новости.

Фима появился примерно через полчаса, с каким-то парнем. Он ему что-то рассказывал, активно размахивая одной рукой, а второй придерживая велосипед.

- Ефим Маркович! – помахав рукой, крикнул я ему.

На что Фима быстро распрощался с собеседником и, сияя улыбкой в тридцать два зуба, направился к нам.

– Здагвствуйте, – сказал Фима, подойдя к нам и поставив велосипед у прилавка, – чем могу помочь?

– Дело есть к тебе, Фима. Хочу нанять тебя на работу. Пять золотых в месяц плюс процент от выручки. Как тебе?

- Ну... – многозначительно и наигранно задумался Фима.

– Ты это... «не делайте мне мигрени, Фима, и не считайте денег, таких которых у вас еще нет... такие да или нет? Или сбивать вам пердьячи кости об этот тарантас до самых белых тапочек», – с одесским акцентом ответил Иваныч, пнув по колесу велосипеда.

- Я чуть квасом не захлебнулся... но не подал вида. Фима «завис» на пару секунд...

- Предложение, конечно, заманчивое... а что мне надо делать?

– Торговать. Торговать тем, что мы будем привозить, по ценам, которые мы тебе назовем. И быть представителем наших интересов в Лесном. И сразу условие – наеб... кхм... будешь хитрить, оторву голову. Решай... пока мы квас допиваем, – сделал внушение Иваныч.

- Я согласен! – молниеносно среагировал Фима.

– Серег, дай тридцать золотых... Вот, держи... Здесь тебе пять авансом, на месяц... и на, так сказать, хознужды. На пристанях построишь лавку в торговых рядах, в проходном месте, договаривайся с кем хочешь и как хочешь, у тебя получится... я уверен. Пока торговать будешь топливом, соляжкой. Кстати...

- Фима открыл блокнот, внимательно слушал и писал.

- Кстати, ищи еще бочки и емкости, нам очень надо.

– Фима, а кто здесь вообще землей распоряжается, с кем договориться на постройку пирса и площадки под склад? – перебил разговор я.

– Ну формально гешается все на сходе, газ в десять дней, а вообще лучше пгямо к Аслану идти.

– Понятно, к Аслану сами ходим. И еще, если узнаешь, что кто-то ищет место, где жить, запиши, как найти потом скажешь нам. Только смотри, чтобы не раздолбай какой-нибудь.

- Ясно, – кивнул Фима, записывая.

- Задачу понял? – спросил Иваныч.

- Все пгедельльно ясно.

- Ну и отлично, завтра на рассвете ждем тебя у «Мандарина».

- Где? Пгостите...

- У корабля нашего, – пояснил Иваныч.

- А, конечно... понятно.

- Где тебя вообще искать? Если что.
- Так у тети Фаины я живу... грядом с клубом дом из красной кирпичной стены.
- Хорошо, задачу уяснил? – еще раз спросил Иваныч.
- Уяснил.
- Выполнять, – по-военному приказал Иваныч.
- Фима, оседлав велосипед, умчался куда-то в сторону пристаней.
- Иваныч, ты хоть предупреждай, я чуть не захлебнулся.
- Да ладно, у нас полстраны так умеет разговаривать... исторически сложившиеся обстоятельства, так сказать, – улыбнулся Иваныч. – Ну что, к Лидии Васильевне? Там и Виктора сможем увидеть, надо к Аслану подходы искать.
- Давай зайдем сначала в этот дом «офицерский» и выкупим оба ПМа?
- Давай, – согласно кивнул Иваныч, – может, там и что интереснее уже есть.

Пенсионера дома не застали. К нам как и в прошлый раз вышел, как потом выяснилось, его сын.

- Добрый день... Алексей. Правильно?
- Да... Здравствуйте.
- Ваш отец нам в прошлый раз два ПМа предлагал, готовы их приобрести.
- Идемте, – вздохнув, ответил десантник.
- А где отец ваш?
- Нет больше отца... похоронили вчера.
- Простите... так мы не вовремя? – остановился я.
- Заходите, чего уж, – ответил Алексей, открывая сарай.

Он долго лазил по ящикам и затем извлек сверток, в котором было две кобуры коричневой кожи, с полным содержанием.

– Вот... смотрите, – сказал он, абсолютно отрешенно вывалив содержимое свертков на верстак.

Чувствовал я себя, конечно, неудобно... приперлись, блин. Иваныч тоже как-то неловко и быстро осмотрел два пистолета и два дополнительных магазина. Хотел задать вопрос про патроны... Алексей это понял и спросил:

- Сколько вам?
- Эм... а почему?
- Пистолеты оба забираете?
- Да.
- Патроны так отдам...
- Это, конечно, хорошо, но вы разве не собираетесь заниматься этим?
- Не знаю...
- Кхм... Серег, отдай человеку двести и за стволы и за патроны, – толкнул меня Иваныч.

Я молча поставил на верстак два мешочка с деньгами, и мы ушли. Шли от «офицерского» дома в наипаршивейшем настроении.

– Серег, пошли к твоему армянину зайдем, посидим чутка. А то не хочется к Лидии Васильевне в таком настроении показываться.

- Да, согласен... Пошли.

Арайк, конечно, очень обрадовался нашему появлению, но посетителей у него было много, и он, извинившись, что нет времени с нами поболтать, подал нам три кружки холодной медовухи и удалился к клиентам. Мы его поблагодарили и рассчитались.

- Серег, сколько там патронов-то?

Я расстегнул небольшую спортивную сумку и извлек цветастый целлофановый пакет. Посчитал...

- 22 пачки. Это сколько? – спросил я.
- 352 штуки, – сказал молчаливый Саша.
- Быстро ты посчитал.
- Ну так я и не всю жизнь шоферил... старший прапорщик запаса.
- Нормально, – оживился Иваныч, – у нас целый прапор под боком, а мы сами коммерческие дела ведем.
- Не. Это не про меня, я техником служил, а потом старшиной роты охраны пять лет проходил.
- А где?
- На шестом километре во Владе.
- Так, это что там у нас... было, – задумался Иваныч, – а, летуны вроде.
- Да, ВВС ТОФ.
- Понятно.

Посидели еще полчаса и направились к дому Савельевых. Мелкий и лохматый «звонок» оповестил хозяев, что у калитки кто-то есть.

– Куська, замолчи уже... – сказала гавкающей помеси болонки и еще кого-то появившаяся в дверях веранды Лидия Васильевна. – Ох! Иван Иванович, Сергей... здравствуйте, проходите, гости дорогие.

Дома была только Лидия Васильевна, которая сразу начала суету у печи.

- Ребята, вы заночевать останетесь или как?
 - Останемся, – кивнул Иваныч. – Хватит места нам?
 - Хватит, дом большой.
 - Это Александр, – представил я нашего «соплеменника» Лидии Васильевне.
 - Очень приятно, – еле заметно поклонилась она, – ну присаживайтесь.
 - Эээ... Лидия Васильевна, а есть у вас что-нибудь на лавку подложить? – краснея, поинтересовался Иваныч.
 - Да, конечно, – спохватилась она и подала сложенный в несколько раз плед.
- Иваныч, поморщившись, сел... «с креном» на левую сторону.
- Захворали, Иван Иваныч? – заботливо спросила Лидия Васильевна.
 - Угу, есть немножко. Проходит уже... до свадьбы заживет.
 - Ну и ладненько, Сережа, поможете мне из подвала огурчиков достать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.